

ЯПОНИЯ

ЕЖЕГОДНИК

1996
—
1997

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

АССОЦИАЦИЯ ЯПОНОВЕДОВ

ББК 66.2(5Я)я5
Я70

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР К. О. САРКИСОВ

РЕДАККОЛЛЕГИЯ: А. Д. БОГАТУРОВ, В. С. ГРИВНИН,
Н. П. ДМИТРИЕВСКАЯ (ответственный секретарь), В. Н. ЕРЕМИН,
И. П. ЛЕБЕДЕВА, М. Г. НОСОВ, В. Б. РАМЗЕС, В. Я. РОСИН,
А. И. СЕНАТОРОВ

Я70 Япония 1996–1997. Ежегодник. — М., 1997, — 224 с.

В очередном выпуске ежегодника освещается широкий круг проблем современной жизни Японии. Основное внимание уделено вопросам внешней и внутренней политики, анализу различных сторон экономической деятельности, изучению японского опыта развития экономики. Помещены материалы, посвященные истории российско-японских отношений в период второй мировой войны.

я 0805000000-023
001(01)-97 (без объявл.-97)

ISBN 5-88440-106-X

© Ассоциация японоведов, 1997

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ
ПОСРЕДСТВО

От политической
структурной реформы

ЯПОНИЯ

1996—1997

ЕЖЕГОДНИК

МОСКВА

1997

От политической перестройки к структурным реформам

А.И.Сенаторов

В течение ряда последних лет ни один серьезный разговор на темы внутренней обстановки в Японии не обходится без таких выражений, как «реорганизация политических кругов» и «реформы». С начала 80-х годов бурные дискуссии разворачивались вокруг административной реформы, за проведение которой особенно настойчиво ратовал Я.Накасонэ. В канун краха длительного однопартийного правления Либерал-демократической партии (ЛДП) премьер-министр Н.Такэсита, а затем Т.Кайфу в обстановке впечатляющих разоблачений коррупции в высших эшелонах власти вынуждены были обещать политическую реформу, направленную на «утверждение чистой политики». Ее проведение стало связываться с надеждами на реорганизацию политических сил, иначе говоря, на существенные изменения в их расстановке, которые должны обеспечить сменяемость власти.

Первым актом политической перестройки явились раскол правящей партии и последующее образование правительства многопартийной коалиции без участия либерал-демократов. Поставив главной целью осуществление политической реформы не на словах, а на деле, первое коалиционное правительство добилось главным образом пересмотра порядка выборов нижней палаты парламента. Как первая правящая коалиция, так и последующие, в том числе с участием либерал-демократов, подчеркивали стремление не останавливаться на политической реформе, а охватить реформами и другие сферы. Одновременно шел бурный процесс реорганизации политических сил. На месте многих партий и групп, отпочковавшихся от

ЛДП, и так называемых «партий среднего пути» в конце 1994 г. возникла крупная Партия новых рубежей (ПНР).

В январе 1996 г. глава техпартийного коалиционного правительства, социалист Т.Мураяма ушел в отставку, а новое правительство того же партийного состава сформировал либерал-демократ Р.Хасимото. Выборы нижней палаты парламента, состоявшиеся по новой избирательной системе, стимулировали дальнейшие сдвиги в расстановке политических сил. Либерал-демократы смогли вновь единолично образовать правительство, а премьер-министр Р.Хасимото объявил о решимости кабинета вступить на путь проведения «шести реформ» — финансовой структуры, образования, структуры социального обеспечения, экономической структуры, системы денежного обращения, административной.

Цель настоящей статьи — обзор событий 1996 и начала 1997 г., представляющих важный рубеж как в процессе перегруппировки политических сил Японии, так и в определении курса на адаптацию Японии к новой внутренней и международной обстановке путем реформирования ряда элементов социально-экономической системы.

В ОЖИДАНИИ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ

С наступлением 1996 г. Япония жила в ожидании досрочного роспуска палаты представителей (полномочия которой истекали лишь в июле 1997 г.) и ее выборов по новой избирательной системе. Последние могли существенно изменить расстановку политических сил. Напомним, что правящую коалицию к тому времени представляли Либерально-демократическая партия, крупнейшая по численности депутатов в парламенте, но не обладавшая в нем большинством, Социал-демократическая партия (СДП), остававшаяся на третьем месте в парламенте, но быстро утрачивавшая прежнее влияние, и Новая партия — Сакигакэ, небольшая группа депутатов, преимущественно выходцев из ЛДП. Главной силой оппозиции была Партия новых рубежей, вторая по представительству в парламенте, конгломерат политических сил неоконсервативной и правоцентристской ориентации. Особняком в оппозиции стояла Коммунистическая партия Японии, которую процесс «реорганизации политических сил» непосредственно не затронул.

Японские политологи накануне опробования нового порядка выборов палаты представителей подвели итог предыдущих политических перемен и пытались прогнозировать будущее. Большинство из них сходилось в том, что о глубокой политической перестройке больше говорят, но на самом деле она зашла в тупик, о чем свидетельствует возрастание возможности «возвращения на круги своя», к прежнему, однопартийному правлению либерал-демократов.

По словам видного японского ученого Р.Сиратори, Партия новых рубежей — наиболее сильный конкурент ЛДП — не смогла создать привлекательный для избирателей «образ будущей Японии», этого не смогли сделать и другие партии. Главным следствием политической перестройки стала утрата традиционной ориентации партий на определенные слои населения, размывание их политических взглядов. Возникла трудная проблема самоидентификации политических партий.

«После развала социалистического лагеря и мировой структуры противостояния между Западом и Востоком, — считает Сиратори, — выяснилось, что идеологический водораздел партийных систем XX в. (между свободной экономикой и социалистической плановой экономикой) уже неприемлем»¹. Исчезли глубокие различия между либерал-демократами в их подходах к «конституционной проблеме», в особенности, в отношении к принципам конституции Японии, касающимся выработки политики обеспечения безопасности. Трудно провести четкую грань и во взглядах партий на предлагаемые ими реформы. Относительно направленности и конкретного содержания этих реформ существуют противоречия внутри каждой из партий, в то время как по многим моментам реформирования наблюдаются совпадения и переплетения взглядов правящих и оппозиционных партий. Трудности самоидентификации партий наглядно отражают усложненную структуру современного общества и плюрализацию интересов в нем.

В каком же направлении может пойти дальнейшая политическая перестройка и какой выбор оптимален для Японии? От этого фактически зависит определение будущего лица японской парламентской демократии.

Одни выступают за мажоритарное правление при наличии двух конкурирующих течений в политике. В таком случае приоритет отдается осуществлению воли большинства, надежда возлагается на сильное, способное перерасти в силовое, руководство. Соответственно идеальной признается двухпартийная система. На установление такой системы и был направлен исходивший от либерал-демократов замысел проведения выборов палаты представителей исключительно по одномандатным округам. Активным сторонником идеи двухпартийной системы и сильного руководства в соответствии с волей большинства является и лидер ПНР И.Одзава².

Другой возможный выбор — демократия консенсуса. Ее сторонники считают, что в нынешнем плюралистическом обществе, где интересы людей взаимно перекрещиваются, требуется достижение согласия с учетом воли по возможности более широкого круга людей. Плюрализм народной

¹ Коккай гэнпо. 1996, № 7, с.11.

² См. рецензию на книгу Итиро Одзана «Программа перестройки Японии». — Проблемы Дальнего Востока. 1996, № 3, с.155-159.

ситуациями и т.п. В этой связи Я.Кобаяси говорит о «неотложной задаче второй реорганизации политических сил на антифашистской основе, второго формирования новой партии и организации движения за создание сети ее поддержки». Он призывает к «большому сплочению фракций голубей, гуманистов и либералов», причисляя к таковым политиков из Новой партии — Сакигакэ (Ю.Хатояма, Н.Кан), Гражданской лиги (Т.Ёкомити, Б.Каэда), Партии новых рубежей (Г.Фунада, группа Ц.Хата), а также указывая на возможность участия в «большом сплочении» части деятелей СДП и даже ЛДП, его поддержки профцентром Рэнго и сетью беспартийных гражданских организаций⁵.

На фоне такого рода размышлений теоретиков собственные планы перекраивания сложившейся политической карты строили политики-практики, одновременно стали раздаваться голоса многих из них за пересмотр еще не испытанного на деле нового порядка выборов палаты представителей.

Тем временем изо дня в день политические позиции ЛДП заметно укреплялись, а престиж ПНР, напротив, падал, вызывая открытые внутренние раздоры. В глубоком кризисе продолжала находиться СДП⁶; к грани полного распада приближался другой союзник либерал-демократов по правящей коалиции — Сакигакэ.

Осенью 1996 г. премьер-министр Р.Хасимото считал политическую обстановку благоприятной для того, чтобы распустить палату представителей и попытаться изменить ее состав в пользу своей партии, и если не завоевать большинства депутатов в палате, то значительно упрочить имеющееся относительное превосходство. Решимость либерал-демократов ускорить развитие событий побудила к активизации сторонников формирования влиятельной третьей политической силы, способной вмешаться в борьбу за власть между главными претендентами на нее — ЛДП и ПНР.

ОБРАЗОВАНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

На страницах нашего ежегодника рассказывалось, что в сентябре 1995 г. на чрезвычайном съезде японских социалистов была поставлена задача роспуска партии и формирования на ее месте новой, более широкой «демократическо-либеральной партии»⁷. С этой задачей они не справились, остановившись на значительном пересмотре собственных взглядов на политику, методы деятельности и организацию партии, а также приняв ее новое название — Социал-демократическая партия.

⁵ Коккай гэппо. 1996, № 8, с.10-12.

⁶ См.: Сенаторов А.И. Социалистическая партия сменяет флаг. — Япония 1995—1996. Ежегодник, с.5-27.

⁷ Там же.

воли предполагает наличие парламентской многопартийности, а следовательно, делает возможным и даже желательным коалиционное правление.

Анализируя и сопоставляя эти два выбора, Р.Сиратори делает следующее заключение: «С помощью системы двух партий нельзя удовлетворительно представить волю народа, невозможно сформировать достаточное согласие для утверждения власти, воспринимаемой народом. Отсюда для политиков и народа требуется признать полезность многопартийности, активно использовать возможности коалиционного правления в формировании широкого согласия, а также гибкость его функционирования»³. К такому же выводу приходят многие другие японские ученые и политики-практики. О признании желательности коалиционного правления свидетельствуют и опросы общественного мнения.

Тем не менее реальные перемены в расстановке политических сил побуждали обращать внимание на усилившуюся тенденцию продвижения Японии отнюдь не в сторону многопартийной системы западно-европейского, например германского, типа или двухпартийной системы по английскому образцу, где с четкими, определенными позициями соперничают консерваторы и лейбористы, а в сторону сближения с двухпартийной системой американского типа. Особенность американской партийной системы, полагает профессор Промышленного университета Киото С. Като, состоит в «высокой степени соперничества между партиями при неясности различий в их политике». Сегодняшняя Япония, по его мнению, «близка к американскому типу». Объявляя себя сторонником «простой западно-европейской модели», при которой избиратель может сделать свой выбор по четко выраженной «партийной политике», Като не исключает того, что и в Японии электорату придется, подобно американцам, искать не подходящую партию, а заслуживающих доверия или подающих большие надежды персональных кандидатов⁴.

Более мрачную картину нарисовал профессор университета Цукуба Я. Кобаяси. По его оценке, Партия новых рубежей фактически утеряла новизну и под руководством И.Одзава вступила на опасный для японской демократии путь. И в ПНР, и в ЛДП, когда ее лидером стал Р.Хасимото, господствующее положение заняли выходцы из Кэйсэйкай — влиятельной фракции либерал-демократов, возглавлявшейся Н.Такэсита. Японский ученый утверждает, что именно из этой фракции, независимо от нынешней партийной принадлежности ее членов, при солидарности с высшими чиновниками ряда министерств исходят замыслы «авторитарного, диктаторского правления», призывы к которому осуществляются под предлогом обеспечения эффективного правительственного контроля над критическими

³ Коккай гэппо. 1996, № 7, с.11.

⁴ Там же.

Теперь инициативу в создании новой партии как третьей политической силы у социал-демократов перехватили два молодых, по японским меркам, политика из Сакигакэ — Ю.Хатояма и Н.Кан.

Юкио Хатояма, родившийся в 1947 г., — потомственный политик, внук премьер-министра И.Хатояма, начинал политическую карьеру в ЛДП, где входил во фракцию Н.Такэсита, в 1993 г. вышел из ЛДП и участвовал в образовании Новой партии — Сакигакэ, был ее представительным секретарем. Наото Кан родился в 1946 г., получил известность как активный деятель гражданского движения за «демократию участия», в парламент впервые избран от Социал-демократического союза, вошел в Сакигакэ при ее образовании, в кабинете Р.Хасимото был назначен министром благосостояния и здравоохранения.

Свои взгляды на создание новой партии Ю.Хатояма и Н.Кан неоднократно излагали, находясь в рядах Сакигакэ, когда эта партия обсуждала целесообразность слияния с СДП. Характерно, что Ю.Хатояма первоначально искал сторонников главным образом в ПНР, из числа прежних коллег — либерал-демократов. Ему не нравилась перспектива образования такой партии, ядром которой стали бы социал-демократы, тем более в полном составе, со своей сильной организацией. Вместе с тем Хатояма и Кан настойчиво добивались привлечения на свою сторону не только либералов, но и тех, кто считал себя социал-демократами, оставаясь в СДП или покинув ее, как это, в частности, сделали бывший председатель СПЯ С.Ямахана и бывший губернатор Хоккайдо Т.Ёкомити.

11 сентября Ю.Хатояма и Н.Кан при поддержке ряда депутатов парламента из СДП и Сакигакэ, а также Кунио Хатояма (брат Ю.Хатояма) из ПНР опубликовали призыв к образованию подготовительного комитета Демократической партии (ДП), а также два документа, предварительно определяющие идеалы и основы политики новой партии⁸.

Призыв инициаторов новой партии был обращен к тем, кто разделял «дух дружбы и идеалов гражданского либерализма». Поскольку провозглашалось формирование партии по принципу индивидуального участия, то СДП не могла рассчитывать на вхождение в нее всем своим составом. Не допускалось также двойное партийное членство с момента образования Демократической партии, т.е. сразу же после роспуска палаты представителей.

Совершенно очевидно, этот призыв адресовался в первую очередь депутатам палаты представителей, нуждавшимся в опоре на влиятельную партию, чтобы сохранить свой депутатский мандат. Трудный выбор предстояло сделать парламентариям из СДП. Им приходилось считаться с тем,

⁸ Содержание этих документов см.: Асахи симбун. 12.09.1996.

что избиратели теряли интерес к партии, а ряд профсоюзов, ранее служивших главной ее опорой, уже обещал выборную поддержку на этот раз оказать кандидатам Демократической партии. В такой ситуации многие парламентарии из СДП решили перейти в новую партию. Они-то и составили большинство членов учредительного комитета ДП, в их числе были 25 депутатов палаты представителей и четыре депутата палаты советников. Из Сакигаки в учредительный комитет вошли 14 депутатов, из Гражданской лиги — пять, из ПНР — один, а также один беспартийный.

Учредительное собрание Демократической партии состоялось 28 сентября 1996 г., на следующий день после роспуска палаты представителей. Его участниками стали преимущественно политики молодого поколения, признанные учредительным комитетом официальными кандидатами партии на предстоящих выборах. Для руководства партией были избраны два ее представителя (по существу ставшие сопредседателями) — Ю.Хатояма и Н.Кан, а тремя заместителями председателей — К.Хатояма, Т.Окадзаки (женщина, из СДП) и Т.Ёкомити. Численное превосходство выходцев из СДП, таким образом, адекватного отражения в руководстве ДП не получило.

Демократическая партия, согласно ее первичным программным документам, ориентируется на «поколение рожденных и получивших воспитание в послевоенные годы», составляющее абсолютное большинство населения страны. По мнению инициаторов партии, к 2010 г. Япония должна стать «децентрализованным государством», которое будет иметь малое центральное правительство, а на местах эффективные собственные правительства с большими полномочиями. Партия возлагает надежды на развитие «рыночной экономики по типу совместной жизни и рециклирования ресурсов», на всемерную активизацию в нем «гражданского сектора», включая мелких и средних предпринимателей, накопивших производственный интеллект, фермеров, кооперативы и некоммерческие организации.

Призывая к «большому повороту» в разных сферах жизни страны, равному по масштабам и значению Мэйдзи исин, Демократическая партия требует продолжения политической реформы, осуществления коренной административно-финансовой реформы, считает необходимой реформу образования. Главный акцент в предлагаемых реформах делается на создании условий для выявления творческого потенциала гражданского общества, каждой отдельной личности, для расширения «демократии участия».

Касаясь роли Японии в современном мире, Демократическая партия особое внимание обращает на привитие японскому обществу «исторического сознания, способствующего расширению доверия и сотрудничества». В частности, имеется в виду последовательное признание Японией ответст-

венности за колониальное господство и агрессивную войну в Азии. Основной дипломатии и обеспечения безопасности должны стать достижение глубокого доверия и построение дружественных отношений со странами Азии при сохранении опоры на японо-американские отношения. Важной задачей считается создание в Азии системы «многосторонней региональной безопасности». Одним из возможных выборов путей «достижения мира, отвечающего изменениям международной обстановки», называется стремление к обеспечению безопасности «без постоянного размещения американских баз» на территории Японии. При таком выборе требуется изучить, что Япония «в рамках конституции» должна сделать «для компенсации» ослабленных возможностей американских войск. Наконец, Демократическая партия высказывается за реформу ООН, чтобы ускорить под ее руководством учреждение универсальной системы безопасности.

Изучение состава ДП и заявленных политических позиций позволяет увидеть некоторые особенности этой партии. Во-первых, — это партия молодых, энергичных, но не обладающих большим опытом политической работы депутатов парламента. Во-вторых, провозглашая, как и другие партии, курс на реформирование японского общества, партия в то же время выражает желание не только освободить рыночную экономику от пут государственного регулирования, на чем настаивают и неоконсерваторы, но также способствовать активизации всех элементов гражданского общества, народному участию в управлении. «ЛДП,— отмечает обозреватель газеты «Асахи», — имеет глубокие связи с бюрократией и руководящими кругами предпринимателей, ПНР отстаивает необходимость сильного руководства, а Демократическая партия государству бюрократического руководства противопоставляет гражданские идеалы⁹. В-третьих, Демократическая партия отмежевывается от характерной для многих политиков старшего поколения из ЛДП и ПНР «ястребиной» позиции в проблемах внешней политики и обеспечения безопасности, выражая намерение решать их в рамках конституции. Таким образом, из сказанного выше можно сделать вывод, что здесь Демократической партии приходится играть роль наследника Социалистической партии Японии.

Вместе с тем на данном этапе политические взгляды новой партии во многом выглядели неопределенно, отсутствовала конкретность, особенно относительно способов достижения поставленных целей и задач.

⁹ Асахи симбун. 29.09.1996.

ИТОГИ ВЫБОРОВ

Как и ожидалось, выборы в палату представителей, состоявшиеся 20 октября 1996 г., привели к значительным сдвигам в соотношении партийных сил¹⁰.

Заметно упрочили парламентские позиции либерал-демократы, но большинства в палате они все же не получили. Подтвердилась тенденция к снижению популярности Партии новых рубежей, особенно заметное ее отставание проявилось на выборах по одномандатным округам.

Демократической партии удалось создать третью по численности, хотя и с большим отрывом от ЛДП и ПНР, депутатскую группу в палате представителей. У нее хватило организационных возможностей выставить кандидатов почти в половине одномандатных округов, но только в 17 из них она добилась успеха. Остальные были избраны по партийному списку. Большинство победивших кандидатов Демократической партии ранее избирались в парламент от СПЯ, еще 16 — от Сакигакэ.

Непосредственным следствием образования Демократической партии стало сокрушительное поражение и почти полный развал Сакигакэ. СДП была оттеснена с третьего на пятое место. Четвертое заняли коммунисты, увеличившие число депутатов в палате представителей с 15 до 24.

Таблица 1

РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫБОРОВ ПАЛАТЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ

Партия	Число избранных депутатов			Число депутатов на момент роспуска палаты	Доля голосов по одномандатным округам, %	Доля голосов по партийным спискам, %
	по одномандатным округам	по партийным спискам	всего			
Либерально-демократическая партия	169	70	239	206	38,6	32,8
Партия новых рубежей	96	60	156	163	28,0	28,0
Демократическая партия	17	35	52	41	10,6	16,1
Коммунистическая партия Японии	2	24	26	15	12,6	13,1
Социал-демократическая партия	4	11	15	35	2,2	6,4
Новая партия — Сакигакэ	2	0	2	14	1,3	1,0
Прочие партии и независимые	10	0	10	19	6,7	2,6

¹⁰ Подробнее о выборах см. статью Э.В. Молодяковой в настоящем ежегоднике; Сенаторов А.И., Цветова И.А. Выборы в Японии: первый опыт новой избирательной системы. — Проблемы Дальнего Востока. 1996, № 6.

венности за колониальное господство и агрессивную войну в Азии. Основной дипломатии и обеспечения безопасности должны стать достижение глубокого доверия и построение дружественных отношений со странами Азии при сохранении опоры на японо-американские отношения. Важной задачей считается создание в Азии системы «многосторонней региональной безопасности». Одним из возможных выборов путей «достижения мира, отвечающего изменениям международной обстановки», называется стремление к обеспечению безопасности «без постоянного размещения американских баз» на территории Японии. При таком выборе требуется изучить, что Япония «в рамках конституции» должна сделать «для компенсации» ослабленных возможностей американских войск. Наконец, Демократическая партия высказывается за реформу ООН, чтобы ускорить под ее руководством учреждение универсальной системы безопасности.

Изучение состава ДП и заявленных политических позиций позволяет увидеть некоторые особенности этой партии. Во-первых, — это партия молодых, энергичных, но не обладающих большим опытом политической работы депутатов парламента. Во-вторых, провозглашая, как и другие партии, курс на реформирование японского общества, партия в то же время выражает желание не только освободить рыночную экономику от пут государственного регулирования, на чем настаивают и неоконсерваторы, но также способствовать активизации всех элементов гражданского общества, народному участию в управлении. «ЛДП, — отмечает обозреватель газеты «Асахи», — имеет глубокие связи с бюрократией и руководящими кругами предпринимателей, ПНР отстаивает необходимость сильного руководства, а Демократическая партия государству бюрократического руководства противопоставляет гражданские идеалы»⁹. В-третьих, Демократическая партия отмежевывается от характерной для многих политиков старшего поколения из ЛДП и ПНР «ястребиной» позиции в проблемах внешней политики и обеспечения безопасности, выражая намерение решать их в рамках конституции. Таким образом, из сказанного выше можно сделать вывод, что здесь Демократической партии приходится играть роль наследника Социалистической партии Японии.

Вместе с тем на данном этапе политические взгляды новой партии во многом выглядели неопределенно, отсутствовала конкретность, особенно относительно способов достижения поставленных целей и задач.

⁹ Асахи симбун. 29.09.1996.

ИТОГИ ВЫБОРОВ

Как и ожидалось, выборы в палату представителей, состоявшиеся 20 октября 1996 г., привели к значительным сдвигам в соотношении партийных сил¹⁰.

Заметно упрочили парламентские позиции либерал-демократы, но большинства в палате они все же не получили. Подтвердилась тенденция к снижению популярности Партии новых рубежей, особенно заметное ее отставание проявилось на выборах по одномандатным округам.

Демократической партии удалось создать третью по численности, хотя и с большим отрывом от ЛДП и ПНР, депутатскую группу в палате представителей. У нее хватило организационных возможностей выставить кандидатов почти в половине одномандатных округов, но только в 17 из них она добилась успеха. Остальные были избраны по партийному списку. Большинство победивших кандидатов Демократической партии ранее избирались в парламент от СПЯ, еще 16 — от Сакигакэ.

Непосредственным следствием образования Демократической партии стало сокрушительное поражение и почти полный развал Сакигакэ. СДП была оттеснена с третьего на пятое место. Четвертое заняли коммунисты, увеличившие число депутатов в палате представителей с 15 до 24.

Таблица 1

РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫБОРОВ ПАЛАТЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ

Партия	Число избранных депутатов			Число депутатов на момент роспуска палаты	Доля голосов по одномандатным округам, %	Доля голосов по партийным спискам, %
	по одномандатным округам	по партийным спискам	всего			
Либерально-демократическая партия	169	70	239	206	38,6	32,8
Партия новых рубежей	96	60	156	163	28,0	28,0
Демократическая партия	17	35	52	41	10,6	16,1
Коммунистическая партия Японии	2	24	26	15	12,6	13,1
Социал-демократическая партия	4	11	15	35	2,2	6,4
Новая партия — Сакигакэ	2	0	2	14	1,3	1,0
Прочие партии и независимые	10	0	10	19	6,7	2,6

¹⁰ Подробнее о выборах см. статью Э.В. Молодяковой в настоящем ежегоднике; Сенаторов А.И., Цветова И.А. Выборы в Японии: первый опыт новой избирательной системы. — Проблемы Дальнего Востока. 1996, № 6.

Попытка формирования «третьей политической силы», оставляя за бортом ветеранов социалистического движения и многих других социал-демократов, привела к тому, что совокупное число депутатов от Демократической и Социал-демократической партий в палате представителей оказалось меньше числа мест, которые получила на выборах 1993 г. одна Социалистическая партия Японии. Японская социал-демократия встретилась с угрозой прекращения дальнейшей деятельности в качестве самостоятельной парламентской партии, влияющей на реальную политику страны.

ЕЩЕ ОДИН ПРЕТЕНДЕНТ НА РОЛЬ «ТРЕТЬЕЙ СИЛЫ»

Перспективы реализации идеи мощной «третьей политической силы» стали более туманными в связи с появлением еще одной партии. 23 декабря 1996 г. 13 депутатов парламента, расставшись с Партией новых рубежей, учредили Партию солнца (Тайёто). Ее возглавил известный политик Ц.Хата, долгие годы бывший близким соратником нынешнего председателя ПНР И.Одзава.

Хата и Одзава одновременно, в 1969 г., были избраны в палату представителей в округах, где депутатские мандаты получали их отцы, профессиональные политики из ЛДП. Принадлежа в правящей партии к фракции К.Танакэ — Н.Такэсита, они помогали друг другу делать политическую карьеру, а в 1992 г. организовали ее раскол и вдвоем стали руководителями отколовшейся группы парламентариев. В 1993 г. группа Хата-Одзава вышла из ЛДП и образовала Партию обновления, Хата был избран ее председателем, Одзава — генеральным секретарем. С началом коалиционного правления Хата получает пост министра иностранных дел, а после отставки премьер-министра М.Хосокава становится его преемником, но руководимое им правительство смогло продержаться у власти менее трех месяцев. Тем временем Одзава сосредоточился на организационной работе, сыграв центральную роль в создании Партии новых рубежей и в результате был избран ее генеральным секретарем. Хата также был одним из организаторов ПНР и намеревался стать ее председателем, но проиграл другому кандидату, бывшему премьер-министру Т.Кайфу. С этого момента отношения Хата и Одзава ухудшаются, а в декабре 1995 г. они вступают в борьбу за лидерство в ПНР и Хата вновь терпит поражение. Став председателем партии, Одзава путем реорганизации центральных органов руководства ПНР отодвинул Хата от практических дел, предоставив ему почетное место члена «совещания высших советников партии», состоящего из бывших премьер-министров. Хата публично критиковал председателя ПНР, в том числе за его стремление к единоличному руководству и за популизм выдвигаемых им концепций и лозунгов.

Выход из ПНР и образование со своими сторонниками Партии Солнца для Хата были, как отмечают в Японии, «последним шансом» сохранить реноме действующего влиятельного политика, не исчезнуть с политической арены. Но рождение Партии солнца — это не просто каприз, следствие ущемленного самолюбия амбициозной личности, а отражение серьезных разногласий внутри ПНР, обостренных крушением надежд объединившихся в ней разнородных сил на быстрое завоевание правящего положения. Примечательно, что раскол произошел среди бывших либерал-демократов, которые в свое время покинули правящую партию не для того, чтобы прозябать в оппозиции.

Какие цели ставят перед собой, на что рассчитывают теперь инициаторы образования Партии солнца?

В декларации об учреждении партии провозглашено намерение «стать детонатором подлинной реорганизации политических сил: вступая в диалог со всеми партиями и политиками, сплотить вокруг себя новую политическую силу, сделать политику Японии дееспособной и энергичной». Другие партии поименной критике не подвергаются, но указывается, что «внешние методы политики, администрации и экономики страны стали путями продвижения Японии в будущее». Партия солнца «отвергает противостояние и политическую войну», заявляет о стремлении к «политике диалога и действий»¹¹.

Настойчиво подчеркиваются реалистичность Партии солнца и ее приверженность традиционному японскому образу действий в духе «ва» (понятие, близкое по значению словам «гармония, мир, согласие») и идеалу «кёсай» (созвучно слову «существование», но более сильное по смыслу, досл. перевод — «совместная жизнь»). В этом можно усмотреть и нежелание нажить себе лишних политических противников, и апелляцию к массовой электоральной опоре, которой парламентарии из Партии солнца пользовались, находясь в рядах ПНР. Проще говоря, Партия солнца хотела бы сохранить за собой поддержку буддийской организации Сока гаккай и профсоюзов из бывшего профцентра Домэй, для которых характерны призывы к общественному согласию именно в японском духе.

Итак, в лице Партии солнца фактически появился еще один претендент на образование новой, широкой политической силы, разумеется, под собственной эгидой. Что же касается политической ориентации Партии солнца, то по сравнению со взглядами Демократической партии она ближе к неоконсервативной. Объявляя себя сторонницей реформ, без которых Япония «рискует стать на путь падения», и оставаясь «вне международного общества», Партия солнца подчеркивает необходимость следовать принципам «свободы и ответственности» каждого человека, ставит задачу «возро-

¹¹ Асахи симбун. 27.12.1996.

дить предприимчивость путем дерегулирования». Вместе с тем высказано намерение добиваться сближения власти с народом, в том числе путем децентрализации и расширения общественного участия.

Внешнеполитические взгляды Партии солнца не оригинальны и практически укладываются в русло нынешней японской дипломатии: опираться на японо-американскую систему безопасности, добиваться доверия со странами Азии, солидарности в Азиатском регионе и со странами Европы и Америки, играть руководящую роль в реформе ООН, разворачивать дипломатию инициатив, особенно в сохранении природной среды и сотрудничестве в экономическом развитии.

Пока трудно предсказать, как будут развиваться отношения Партии солнца с Демократической партией и Социал-демократической партией — ее соперниками на руководящую роль в сплочении третьей политической силы. Ясно лишь одно: рождение Партии солнца — серьезный удар по Партии новых рубежей, но несомненный плюс для ЛДП даже в том случае, если Партия солнца будет от правительства дистанцироваться. Разобщение оппозиции играет на руку правлению либерал-демократов.

В целом можно сказать, что очередной виток реорганизации японских политических сил в 1996 г. вылился в сохранение превосходства ЛДП над другими партиями, отдаление ПНР от ее цели стать партией, способной в одиночку бороться за власть, в крупное поражение социал-демократов. Последнее не компенсируется появлением Демократической партии и Партии солнца, претендующих на роль третьей силы, тем более, что их руководящим ядром становятся не социал-демократы, а либералы.

ОДНОПАРТИЙНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ЛИБЕРАЛ-ДЕМОКРАТОВ

Успех на выборах палаты представителей открыл для ЛДП возможность через три с лишним года отлучения этой партии от монопольного правления вновь сформировать кабинет министров единолично. Однако, не располагая парламентским большинством, ЛДП вынуждена была предварительно заручиться обещанием внеправительственного сотрудничества у своих прежних, резко ослабленных союзников по правящей коалиции — СДП и Сакигакэ. Без этого избрание Р.Хасимото премьер-министром было бы проблематичным. При проведении своего политического курса кабинету либерал-демократов также потребуются немалые усилия и осторожность, чтобы получать парламентское одобрение важнейших замыслов, формировать своего рода временные внутрипарламентские коалиции по отдельным политическим проблемам. Расклад политических группировок, сложившийся к открытию 140-й, очередной сессии парламента (см. табл.2) дает возможность правительству, если оно будет склонно к достижению разумных

компромиссов, привлекать на свою сторону достаточное число депутатов обеих палат парламента, остающегося пока многопартийным.

Возвращение ЛДП к однопартийному правлению, хотя и в иных условиях, не допускающих безраздельного диктата, рушило надежды тех, кто проведение глубоких реформ современного японского общества связывал с приходом к власти новых политических сил, не отягощенных грузом инерции, прежних обязательств, глубоко укоренившихся корпоративных связей. В то же время либерал-демократы не могли не сделать для себя определенные выводы из поучительных уроков предыдущих лет, требующих отказаться от самодовольства и успокоенности, внимательно относиться к требованиям общественности.

Таблица 2

**ПАРТИЙНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ДЕПУТАТОВ ПАРЛАМЕНТА
НА 20 ЯНВАРЯ 1997 г.**

Партия	Число депутатов	
	в палате представителей	в палате советников
Либерально-демократическая партия	240	112
Партия новых рубежей	142	—
Хэйсэйкай (объединенная фракция ПНР и Комэйто)	—	61
Демократическая партия	52	21
Коммунистическая партия Японии	26	14
Социал-демократическая партия	15	23
Партия солнца	10	3
Новая партия — Сакигакэ	2	3
Группа «XXI-й век»	4	—
Общество либералов	—	4
Клуб «Ниин»	—	4
Новая социалистическая партия	—	3
Беспартийные	9	4
Всего	500	252

Правительство не только признает необходимость реформирования, но, более того, его глава Р.Хасимото, как отмечалось в начале нашей статьи, заявил о планах кабинета включиться в реформы широким фронтом. Любое ответственное правительство не могло бы поступить иначе, поскольку в политических и деловых кругах, среди интеллигенции и на уровне рядовых граждан преобладающим становится мнение, что в интересах дальнейшего поступательного движения страны, даже ее «выживания», уже нельзя ограничиваться мелким текущим ремонтом здания, построенного

более полувека тому назад в процессе послевоенных демократических реформ, нужно без промедления приступить к его капитальному обновлению.

Принципиальное отличие нынешних призывов к глубоким преобразованиям от прежних, во времена Мэйдзи и после второй мировой войны, состоит в том, что сейчас речь идет о реформах не «догоняющего» типа, а упреждающих, идущих в ногу с быстрыми внутренними и международными переменами и нацеленных на сохранение и упрочение достигнутого Японией статуса персодовой страны мира.

Р.Хасимото фактически выступил продолжателем провозглашенного предыдущими, коалиционными правительствами курса на реформы, прежде всего на административную, основные контуры которой были определены еще без участия либерал-демократов. Тем более, что этого же курса придерживалось правительство Т.Мураяма, в котором важнейшие посты принадлежали либерал-демократам. К тому же и сам Хасимото, когда впервые стал премьер-министром, сформировав трехпартийный кабинет, назвал его «правительством реформ» и обещал сделать 1996 г. «годом структурных реформ»¹².

Обещание премьера тогда не было выполнено, хотя кое-что делалось и в этом направлении. В 1996 г. основные усилия коалиционного кабинета Хасимото пришлось направить на разрешение текущих проблем, наиболее неотложной и острой из которых был поиск способа покрытия ущерба от спекулятивных действий «дзюсэн» — крупных компаний, специализирующихся на финансировании жилищного строительства (кредиты, получаемые от финансовых учреждений, они в течение ряда лет использовали на скупку недвижимости, рассчитывая на продолжение бурного роста цен на нее, и оказались в конечном счете несостоятельными должниками на огромные суммы денег). Затыжка с разрешением проблемы «дзюсэн» грозила расстройством всей финансовой системы. Коалиционное правительство Хасимото с большим трудом получило от парламента одобрение непопулярного решения погасить громадные убытки, понесенные в результате авантюрных действий упомянутых компаний, из государственного бюджета, т.е. за счет налогоплательщиков, но одновременно обещало заняться совершенствованием всего финансово-кредитного механизма.

В процессе подготовки либерал-демократов к парламентским выборам началось составление проекта долгосрочной программы действий, так называемого «взгляда Хасимото», в котором обрисованы главные контуры будущих реформ. Программная парламентская речь Хасимото в январе 1997 г. уже в качестве главы однопартийного правительства¹³ является продолжени-

¹² Токи-но угоки. 1996, № 2, с.6.

¹³ Полный текст речи Р.Хасимото см.: Асахи симбун. 20.01.1997.

ем и развитием этих предварительных наметок. В ней премьер-министр разъяснил личное представление о направлениях и содержании предстоящих реформ, а также изложил план ближайших действий правительства по их осуществлению.

На первое место ввиду неотложности поставлена реформа финансовой структуры. Подчеркивается неизбежность ее осуществления в условиях дефицитности государственного бюджета. Заявлено о повышении уже в 1997/98 фин.г. налога на потребление и введении местного налога на потребление без снижения других налогов. Эта проблема отнюдь не нова, трехпроцентный налог на потребление по настоянию либерал-демократов был введен еще в 1988 г., но такая мера оказалась недостаточной. В части, касающейся расходов, первоначальной мерой оздоровления финансов рассматривается сдерживание их роста, чтобы годовые расходы, исключая возврат долгов по займам, покрывались собираемыми налогами.

К 2005 г. намечено снизить дефицит финансов государства и органов местного самоуправления до 3% ВВП, резко сократить зависимость от общественных займов.

Хасимото вновь заострил внимание на реформе образования, на проведении которой настаивал Я.Накасонэ еще в середине 80-х годов. Конкретное содержание данной реформы пока находится в стадии разработки. Однако, судя по наметкам, предполагается, в частности, осуществить поворот от нынешнего школьного образования, «делающего акцент на равенстве и равном качестве», к «раскрытию многообразных способностей личности», а также создать систему образования в течение всей жизни человека, обеспечивающую широкий выбор и проникнутую духом творчества. В условиях интернационализации всех сторон жизни общества намечается расширение культурного обмена и международного сотрудничества в подготовке кадров.

Большие демографические изменения, возрастание доли стариков и детей в населении страны побуждают правительство к осуществлению реформы структуры социального обеспечения. Возникла необходимость в первую очередь решить, как следует распределять возросшее бремя расходов на социальное обеспечение. Заявляя о стремлении создать «систему социального обеспечения, которая может эффективно предоставлять высококачественные услуги по выбору их пользователей и поощрять участие частного сектора», Хасимото в абстрактной форме предлагает считать отправными точками реформы «строгое уважение личности и его собственные усилия к самостоятельности и самопомощи», а также «дух общественной солидарности». Первым шагом данной реформы назван пересмотр ставшего чрезвычайно дефицитным для государства нынешнего медицинского страхования, начиная с принятия закона, определяющего

способы оказания необходимых услуг для поддержания здоровья стариков и инвалидов.

Реформа экономической структуры, по мнению Хасимото, должна привести к созданию финансовых, технических и кадровых условий для «возрождения сильной японской экономики», способствовать формированию новых отраслей хозяйства, которые могут дать стране богатство и занятость. В качестве неизбежного элемента реформы называется содействие частной предпринимательской активности путем отмены и ослабления государственного регулирования, пересмотра налогов на предприятия, отмены запрета на холдинговые компании, предусмотренного антимонополистическим законом, осуществления других мер, направленных на повышение экономической эффективности, гибкости и конкурентоспособности предприятий. Намечено углубить и конкретизировать в кратчайшие сроки принятую правительством в конце 1996 г. «программу преобразования экономической структуры», в которой определен фундамент современной промышленности: сфера товарообращения, энергетика, информатика и связь. Эти отрасли к 2001 г. не должны уступать, в том числе по себестоимости, международному уровню. Поставлена задача ускорить структурную реформу сельского хозяйства, тщательно разработать и принять новый основной закон о сельском хозяйстве (ныне существующий принят в 1961 г.). Этот закон должен отвечать мировой сельскохозяйственной политике, определяемой в системе Всемирной торговой организации.

Процесс интернационализации экономики требует проведения также и реформы денежного обращения. Ставя целью осуществить эту реформу до 2001 г., правительство обещает в 1997 г. представить парламенту законопроект о коренной либерализации валютных операций, поощрении иностранного участия в банках, других финансовых учреждениях, включая страховые, снять ограничения, мешающие выгодному использованию денежных накоплений частных лиц. Поскольку реформа предусматривает расширение выбора в использовании личного капитала, включая рискованные вложения, она должна, как особо отметил японский премьер-министр, сопровождаться установлением четких правил, «прозрачным и справедливым руководством денежным обращением». Предполагается уже в 1997 г. внести в парламент два законопроекта, касающихся совершенствования механизма управления денежным обращением, включая пересмотр статуса Банка Японии с целью укрепления независимости и обеспечения открытости его деятельности.

Наконец, Хасимото заявил о намерении правительства усилить работу по проведению административной реформы. Она будет продолжена по трем определенным ранее направлениям: отказ от вмешательства государства и органов местного самоуправления в частную деятельность посредств-

вом различного рода регулирования; приватизация предприятий сферы обслуживания, относящихся к общественному сектору (государственные предприятия, особые юридические лица и т.д.); передача органам местного самоуправления государственных функций в тех сферах, где требуется сохранить вмешательство в частную деятельность.

Правительство обязано в процессе дерегулирования следовать рекомендациям Комитета административных реформ (его возглавляет лично премьер-министр), сокращая регулирование до необходимого минимума: в экономике, как правило, его отмена, в социальной сфере — движение от нестронутого поля к пересмотру существующих регламентаций.

Важной частью административной реформы остается децентрализация — передача части полномочий центрального правительства на места. Хасимото сообщил о намерении правительства в 1998 г. составить конкретный план этой работы. Предстоит провести реорганизацию центральных министерств и ведомств, подготовку предложений по которой намечено завершить в 1997 г.

Таким образом, либерал-демократы от имени премьер-министра Хасимото представили обобщенную, рассчитанную на многие годы, уходящую в новое столетие программу решения разнообразных коренных проблем, споры вокруг которых в Японии ведутся уже не менее десяти лет. Осуществление этой программы становится главным объектом политической борьбы. В каком духе предлагаемые реформы будут воплощаться в жизнь: преимущественно с позиций экономического либерализма, неоконсерватизма, либо в той или иной степени с учетом гуманного, социал-демократического их понимания? Ответ на этот вопрос зависит от того, как дальше будет складываться обстановка в правящей теперь ЛДП, оппозиционной ПНР, какой в конечном счете политический курс определят для себя вновь созданные партии, сможет ли возродиться японская социал-демократия. Иначе говоря, судьба реформ находится в тесной зависимости от нынешнего, на наш взгляд, незавершенного процесса «реорганизации политических сил».

Схватка по новым правилам: парламентские выборы в Японии

Э.В.Молодякова

ПРЕДВЫБОРНАЯ СИТУАЦИЯ

Состоявшихся 20 октября 1996 г. выборов в палату представителей парламента ждали в стране с особым интересом и нетерпением по ряду причин. Во-первых, потому что это были первые всеобщие выборы (нижняя палата — основная в законодательной структуре) после поражения Либерально-демократической партии (ЛДП) на аналогичных выборах 1993 г., которые положили конец 38 годам ее единоличного правления. Тогда, накануне выборов произошел раскол либерал-демократов: ряд крупных политиков покинул ряды партии и создал несколько новых, оказавшихся, однако, недолговечными. За этот же период новые партии возникали и на другой основе — нынешние выборы должны были показать их реальные политические перспективы. Впрочем ЛДП с момента создания в 1955 г. и до сегодняшнего дня остается крупнейшей партией в стране.

Во-вторых, за последние годы практически впервые установилось относительно долгое коалиционное правление. В первую из правящих коалиций вошли представители восьми партий, т.е. всех существовавших, кроме Коммунистической партии Японии (КПЯ) и неожиданно оказавшейся в оппозиции ЛДП. Подобное «многоглавое» содружество скоро показало свою нежизнеспособность, и была создана новая коалиция, которая включала непримиримых ранее противников — ЛДП и Социал-демократическую партию Японии (СДП), а также небольшую партию Сакигакаэ. За это вре-

мя сменилось четыре коалиционных правительства — кабинеты Хосокава, Хата, Мураяма и нынешний кабинет Хасимото.

В-третьих, выборы в палату представителей впервые проводились по новой избирательной системе, определенной пересмотренным в 1994 г. Законом об избрании на публичные должности. В-четвертых, явно обозначилась смена поколений политических деятелей, вступивших в активную борьбу за участие в решении общенациональных проблем. Пример — провозглашение 28 августа 1996 г. новой Демократической партии (ДП), во главе которой стоят пятидесятилетние лидеры, что до недавнего времени было нехарактерно для политической элиты Японии.

В условиях японской системы парламентской демократии роспуск нижней палаты парламента и назначение новых выборов в нее — главный фактор возможных перемен в правительстве. Как правило, это делается тогда, когда правящая партия или коалиция считает новые выборы наиболее благоприятными для укрепления собственных позиций. В данном случае был очевиден интерес либерал-демократов, чьи шансы накануне выборов средства массовой информации вполне обоснованно оценивали как высокие. А вот их младшим партнерам по коалиции выборы были определено невыгодны — им дружно прочили неуспех, но не такой сокрушительный, как оказалось.

Первые коалиционные кабинеты Морихиро Хосокава и Цутому Хата, находившиеся под фактическим контролем Итиро Одзава (все трое в прошлом влиятельные политики и функционеры ЛДП), оказались неустойчивыми без участия либерал-демократов. В итоге появилась казавшаяся немислимой коалиция ЛДП и СДП, долгие годы бывшей главной оппозиционной партией. Первый кабинет по новой схеме возглавил лидер социалистов Томиити Мураяма, затем его сменил Рютаро Хасимото, один из ведущих политиков ЛДП.

Новые коалиционные кабинеты с участием и засильем ЛДП в отличие от предшественников продемонстрировали пример открытой, готовой к компромиссам политики и сумели достигнуть определенной стабильности. Хасимото в полной мере показал свои способности решать такие сложные вопросы, как судьба военных баз США на Окинаве, и заявил о себе как о сильном политике. Но слишком разные базовые позиции участников требовали реформирования правительства, и ЛДП начала активно готовиться ко всеобщим выборам.

Еще в начале августа обозреватели полагали, что о роспуске парламента будет объявлено в конце внеочередной сессии, созыв которой предсказывали в первой половине октября. Но это было сделано уже 27 августа на специально созванной внеочередной сессии, перед которой премьер встретился с партнерами по коалиции и просто уведомил их о принятом

решении без предварительного обсуждения с ними. Как известно, роспуск палаты представителей и назначение новых выборов — прерогатива премьера, но документ об этом решении обязательно визируется императором. Хасимото пошел еще дальше и даже не ответил на предложение своих партнеров произнести традиционную политическую речь, как это делается в начале каждой сессии.

Сразу после ее открытия спикер палаты представителей Такако Дои зачитала документ о роспуске палаты и назначении новых выборов. Даже если бы оппозиционные партии бойкотировали открытие сессии, спикер созвала бы их представителей и просто зачитала им этот документ. Датой проведения новых выборов было определено 20 октября. Избирательная кампания в соответствии с законом началась 8 октября.

В период между двумя всеобщими выборами на политической арене Японии произошли серьезные перемены, свидетельствующие о поисках путей формирования новой по составу правящей элиты, но в пределах правящего консервативного лагеря. К ней теперь присоединились, правда, в качестве неравноправного партнера, и социалисты, окончательно сдавшие все свои идеологические и политические позиции. Особняком, но тоже в рамках истеблишмента, стоит Коммунистическая партия, прочно сохраняющая занятую ей нишу. Лидер коммунистов Тэцудзо Фува с гордостью заметил, что на этих выборах он — единственный среди лидеров всех партий, кто остался на своем посту со времени прежней битвы за голоса избирателей в 1993 г.

При перегруппировке сил в правящей элите возможны два концептуально разных, но в тех же пределах парламентской демократии, пути — создание системы правления большинства или системы правления на основе консенсуса. В первом случае — это однопартийный кабинет (с возможным привлечением «независимых»), во втором — коалиционное правительство. Дебаты о создании в Японии двухпартийной системы по американскому образцу ведутся уже давно. Реальная возможность перевода их в практическую плоскость обозначилась после предыдущих всеобщих выборов, но последующая история коалиционных правительств свидетельствовала не только о нежелании, но и о неспособности партийных лидеров вести конструктивный диалог о реорганизации политической системы. Более того, они, напротив, стремились любыми путями и любой ценой добиться участия в правительстве, что особенно ярко проявилось на примере кабинета Мураяма. Его создание стало возможным только при поддержке ЛДП и полной идеологической и моральной капитуляции социалистов.

После окончания единоличного правления ЛДП и начала периода коалиционных кабинетов все прогнозы относительно политической ситуации в стране обыкновенно заканчивались фразами типа «очередные всеобщие

выборы прояснят реальную расстановку сил». И этот момент наступил 20 октября.

НОВАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА

Нынешние выборы проводились по новой избирательной системе, согласно которой 300 депутатов избираются по одномандатным округам, а 200 — по 11 региональным блокам по списку политических партий пропорционально полученным голосам. Ранее от двух до шести кандидатов боролось в 129 избирательных округах за 511 депутатских мест, и зачастую более ожесточенная борьба разгоралась между кандидатами одной партии, а не соперничающих партий. Однако это давало возможность ЛДП провести более одного кандидата в ряде крупных избирательных округов и обеспечить ей большинство в нижней палате. Крупнейшая в то время оппозиционная партия — СПЯ имела возможность получить по одному мандату практически во всех округах. Правда, это не давало ей необходимого большинства, чтобы противодействовать единоличному правлению либерал-демократов.

При старой системе основное внимание уделялось не партийной принадлежности или ориентации кандидата, а исключительно его личным качествам, связям, положению, имиджу. Теперь же, по замыслу авторов реформы избирательной системы, эпицентр предвыборных баталий должен сместиться в сторону борьбы партий, а не отдельных кандидатов.

Существенно и другое изменение. Теперь борьба между претендентами на представительство партии перенесена на уровень выдвижения и утверждения их официальными кандидатами — по одному в округе. Примером служит яростная схватка трех претендентов на выдвижение кандидатом от ЛДП в очень важный для этой партии округ № 1 в Сидзуока.

Японии свойственна постоянная «родственная» связь депутата со своим избирательным округом. Зачастую из-за болезни или смерти депутата округ фактически передается по наследству — его сыну, зятю, доверенному лицу, например помощнику. Так случилось и на нынешних выборах: 77-летний кандидат от ЛДП, депутат с многолетним стажем, скончался вскоре после выступления на предвыборном митинге, и эстафету подхватил его сын.

Установление возрастных ограничений для кандидатов в депутаты — актуальный, даже больной для Японии вопрос. Накануне нынешних выборов руководство ЛДП предложило ограничить его 80-тью (!) годами. Один 78-милетний кандидат, прикованный к инвалидному креслу, с негодованием отверг саму мысль о предельном возрасте, заявив, что он еще многое должен сделать в своем избирательном округе. Другой перешагнувший 90-

летний рубеж, давно «руководит» своим округом из больничной палаты. Более 30 депутатов от разных партий — ветераны нижней палаты — выступили с инициативой не баллотироваться и дать дорогу молодым, но также не встретили поддержки. 85-тилетний либерал-демократ без особого энтузиазма «передал» округ 46-тилетнему сыну...

При новой избирательной системе одномандатные округа являют собой как бы небольшое замкнутое географическое пространство, несоизмеримое с прежними округами. В таких округах значительно повышаются шансы на избрание у местных лидеров-мэров, депутатов городских и префектуральных собраний, других должностных лиц. Именно у них непосредственная, каждодневная связь с электоратом. Те же, кто баллотируется по партийному списку, в значительной степени теряют такую связь с округами.

За 300 мест в одномандатных округах шло ожесточенное соперничество между крупными политиками из разных партий. Однако новая система дает им возможность подстраховаться, поскольку можно регистрироваться не только в одномандатном округе, но и по партийному списку. Так и поступил конкурент нынешнего премьер-министра Хасимото в г.Курасики (прсф. Окаяма) — влиятельный деятель Партии новых рубежей (ПНР; Синсинто) Муцуки Като. Он — третий в списке кандидатов своей партии территориального блока Тюгоку. Шансов победить премьера в округе у него практически не было, тем более, что Курасики — родина Хасимото. Последний сделал эффектный жест, отказавшись от страховочной баллотировки по партийному списку, чем продемонстрировал уверенность в успехе своей партии. Правда, за 12 дней предвыборной кампании — которая в Японии коротка и потому традиционно отличается особой насыщенностью — он дважды побывал в округе, что беспрецедентно для собственной кампании премьера. Ну а Като, проиграв, как и следовало ожидать, в г. Курасики, прошел в парламент по списку. Таким образом, проигравший согласно новому избирательному законодательству может стать победителем.

В 11 региональных блоках преимущество имеют крупные партии, а независимые кандидаты вообще лишены возможности баллотироваться здесь. Для участия в выборах по партийному списку необходимо соблюдение по крайней мере одного из следующих условий: иметь не менее пяти депутатов в предыдущем составе палаты представителей; набрать не менее 2% общего числа голосов на предшествующих аналогичных выборах; выдвинуть достаточное число кандидатов для получения более чем 20% голосов в каждом региональном блоке.

В период избирательной кампании особое внимание было уделено кандидатам, выдвигавшимся по партийным спискам, — одним из веских аргументов в пользу изменения избирательной системы было усиление зна-

чимости партий. Ранее все давалось на откуп самим кандидатам. Избирателей мало интересовала их партийная принадлежность — важна была сама личность, а не представленная ею политическая сила. Пока эту традицию не удалось переломить, тем более что программы партий мало чем отличались друг от друга. Все они больше походили на обещания и уверения.

На нынешних выборах добивались персизбрания 456 депутатов палаты представителей предыдущего созыва. 206 из них сменили избирательные округа, а целый ряд кандидатов за это время поменял и партийную принадлежность. Все участвующие в выборах политические силы выдвинули 1503 кандидата (среди них только 153 женщины; больше всего их у коммунистов и меньше всего у либерал-демократов). По одномандатным округам был зарегистрирован 1261 кандидат, по региональным блокам — 809, из которых 567 внесены в списки в обоих случаях (что не допускается при выборах в палату советников). У ЛДП таких кандидатов 261, у демократов — 141, а у Синсинто-ПНР — только семь.

Каждая партия формирует свои списки в региональных блоках, учитывая возможности и шансы своих кандидатов. Поражение в одномандатном округе дает возможность ее влиятельному кандидату, занимающему место в начале партийного списка, добиться избрания наряду с его более удачливым соперником по округу. Именно так получилось в результате противоборства Хасимото — Като. Еще одна интересная деталь: при формировании списка партия может дать под одним номером несколько кандидатов. Например, пять человек идут под номером один. Но в случае получения партией количества голосов, которое обеспечивает ей только три места, кандидаты в депутаты займут их в соответствии с тем, каково было соотношение поданных за них голосов и голосов, полученных их соперниками.

При определении кандидатов приоритет, естественно, отдается уже известным деятелям. Для Японии вообще характерно многократное переизбрание, и новым лицам — если это не сыновья или родственники уходящих на покой народных избранников — довольно трудно попасть в ряды депутатов.

ИЗМЕНЕНИЯ НА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЕ

Важнейшим событием периода, предшествовавшего выборам, было создание в 1994 г. второй по величине после ЛДП общенациональной оппозиционной Партии новых рубежей. Новая партия образовалась в результате объединения, а не размежевания. В ПНР слились совершенно разные партии и группы: ряд выходцев из ЛДП, недовольных прежним партийным

руководством и явным кризисом партии, Комэйто, Партия демократического социализма и некоторые небольшие объединения, выступавшие за политические реформы. Всего в Синсинто вошли четыре партии и девять парламентских групп. Неоконсерватизм новой партии базируется на концепции, которую сформулировал Итиро Одзава: Япония должна стать «нормальной» страной, что подразумевает прежде всего изменение 9-й статьи конституции об отказе от войны. Однако Синсинто практически не сумела добиться того обновления, о котором было так торжественно заявлено при ее создании.

В самой партии идет постоянная борьба между ее нынешним лидером Итиро Одзава и бывшими премьер-министрами Кайфу, Хосокава и Хата. Накануне выборов ПНР постаралась показать свою монолитность и предложила программу в форме так называемого «контракта» из пяти положений. Следует заметить, что на этих выборах в центре внимания были внутренние проблемы, особенно касающиеся налогов, а широко дебатировавшиеся ранее вопросы внешней политики — включая военные базы США на Окинаве или судьбу «спорных» островов Сэнкаку — даже и не упоминались. Партия новых рубежей заявила о своем твердом намерении удержать потребительский налог (введение которого некогда стоило премьер-министру Такэсита его поста) на нынешнем 3%-ном уровне в течение следующих четырех лет вместо повышения его до 5%, которые были запланированы правительством Хасимото на апрель 1997 г. Но стоит вспомнить, что некоторые лидеры ПНР в разных выступлениях и документах до выборов говорили о возможности повышения потребительского налога даже до 15% — при определенных условиях. Не удивительно, что их основные соперники — либерал-демократы довольно успешно использовали этот факт для дискредитации предвыборных обещаний партии Одзава.

ПНР также обещала в четырехлетний срок урезать государственный аппарат, оставив 10(!) из более чем двух десятков центральных министерств и ведомств, или по крайней мере решительно ограничить его расширение. В результате осуществления комплексной административной реформы партия предполагает добиться сокращения расходов на содержание центральных и местных органов управления на 20 трлн. иен.

Далее в контракте говорилось об уменьшении коммунальных платежей на 20—50%, чтобы довести их до уровня других развитых стран. Два других положения касались решения проблем, связанных со старением общества, создания условий для комфортного существования пожилых людей и повышения ответственности законодателей за проведение государственной политики, которая в настоящее время возложена в основном на бюрократический аппарат.

тию. В первом случае речь шла об усовершенствовании пенсионной системы, создании структур, которые обеспечат помощь пожилым на дому; во втором — о придании большей эффективности работе всего аппарата премьер-министра, например, о приглашении в качестве советников компетентных лиц из частного сектора. Кроме того, партия предложила вообще сократить на 20% общее число депутатов парламента.

Выход ведущих деятелей ЛДП из ее рядов, создание ими своих недолговечных партий и новое объединение связаны не только со стремлением к обновлению партийной структуры, но и со сменой поколений в основном эшелоне истеблишмента и новым балансом их реальных сил. На политической арене Японии сейчас одновременно действуют три поколения — небывалый для этой страны случай. Первое — могущественные «старики» из ЛДП, вроде недавно скончавшихся Какуэй Танака и Син Кансэмару или благополучно здравствующих экс-премьеров Ясухиро Накасонэ и Нобору Такэсита. Они уже не занимают официальных постов, но пользуются огромным влиянием в партии как бывшие руководители фракций. Многие из них до сих пор популярны у избирателей и благополучно переизбраны в парламент — Накасонэ является его депутатом с 1947 г. и соответственно ближайшим претендентом на бронзовый бюст, который устанавливается в здании парламента народному избраннику, отмечающему полвека непрерывной работы на депутатском поприще. Интересно, что Кансэмару — «серый кардинал» ЛДП, на протяжении полутора десятилетий имевший решающий голос в вопросе об избрании нового премьера, — постоянно, но не очень успешно выступал за омоложение партийных рядов, но сам покинул верхушку ЛДП лишь после скандала, связанного с традиционными для японских политиков взятками.

Второе поколение ассоциируется с именами нынешнего премьера Хасимото и его главного противника Одзава, бывшего премьера Хата, а также бывшего генерального секретаря ЛДП Кэйдзо Обути и генерального секретаря кабинета министров Сэйроку Кадзияма.

Третье поколение — дети и зятья парламентариев и политиков первого поколения. Особый случай — бывший премьер Хосокава, внук одного из крупнейших политиков довоенной Японии принца Фумимаро Коноэ, трижды формировавшего кабинет, возглавлявшего Тайный совет и палату пэров. А его отец, зять Коноэ, Морисада Хосокава занимал весьма видное положение в придворных кругах. Большинство перечисленных политиков — выходцы из ЛДП, вне зависимости от того, остались они в ее рядах или покинули их.

В самое последнее время громко заявило о себе именно третье поколение — те, кто еще не достиг пятидесяти. По традициям японской по-

литической жизни, остающимся неизменными много десятилетий, политики этого возраста имеют «право на существование» только в качестве помощников или соратников своих старших коллег. Нескольким блистательным исключениям — Фумио Гото и Нобусукэ Киси до войны, Какуэй Танака и Ясухио Накасоно после войны — только подтверждают правило. Прошедшие выборы дали еще один впечатляющий прецедент.

Премьер — сын премьера, такого Япония еще не знала, но премьер — брат, зять или внук премьера — дело довольно обычное. Об этом часто вспоминают сегодня в связи с успехами братьев Хатояма — Юкио и Куню. Один — бывший генеральный секретарь и председатель партии Сакигакэ, другой был ключевой фигурой в Партии новых рубежей. За два месяца до выборов они — в союзе с некоторыми другими политиками — создали Демократическую партию. Сенсацией это не стало, так как нечто подобное ожидалось уже давно, но считаться с новой партией — третьей в парламенте после ЛДП и ПНР — неизбежно приходится.

Братья Хатояма принадлежат к старому политическому клану, имеющему едва ли не самую долгую историю из всех ныне существующих. Их прадед был парламентарием, дед — Итиро Хатояма — деятелем партии Сэйюкай, закаленным в политических интригах до войны и премьер-министром после войны (он восстановил в 1956 г. дипломатические отношения с СССР), отец — министром иностранных дел. Не удивительно, что эту семью нередко называют «японскими Кеннеди». Только судьба у нее, надемся, более благополучная.

У новой партии необычная структура: ее возглавляют два сопредседателя — Юкио Хатояма и бывший министр здравоохранения и социального обеспечения в первом кабинете Хасимото Наото Кан, популярный своей борьбой с засильем бюрократии в собственном министерстве. Инициаторы создания новой партии пытаются сформировать довольно широкий альянс «несохранительных и либеральных сил». Юкио Хатояма близки идеи либерализма (заметим, традиционные для его клана!), а Наото Кан хочет, чтобы их партия походила на Демократическую партию в США и социал-демократические в Европе. По его собственным словам, пока Хатояма рассуждает об идеалах и предается мечтаниям, он занят конкретной политикой и трудится ради их осуществления.

Костяк новой партии составили выходцы из Сакигакэ и СДП. Последняя поначалу пыталась войти в блок с демократами, не акцентируя, кто будет в нем ведущей силой. Сделка на таких условиях, конечно, не состоялась, и социалистам пришлось просто смириться с переходом ряда своих парламентариев в ряды ДП — выбора ей не предоставили. Однако депутаты палаты советников и местных собраний от СДП пока не покинули

партию. Подобное решение социалистов очередное проявление их беспринципности, ставшей в Японии уже причей во языцах.

Создание Демократической партии в канун выборов очень напоминает аналогичные действия выходцев из ЛДП три года назад. Но, как известно, их партии просуществовали недолго. Не станет ли это постоянной практикой — создать партию на короткий срок только ради того, чтобы завоевать места в парламенте и решить определенные проблемы, а потом забыть о громких декларациях и просто перегруппировать силы?! Долговечность и стабильность партии во многом будет зависеть от политической воли ее руководящего ядра, от его способности сохранить партийную структуру в условиях беспрецедентного «перетекания» политиков из партии в партию, и, конечно, от реального стремления реализовать провозглашенную программу действий.

Лидеры ДП сразу же заявили, что они отнюдь не намерены любой ценой добиваться участия в коалиционном правительстве, предпочитая свободу рук оппозиционной партии. Объясняется это просто и вполне прагматически: не имея значительных сил в парламенте (52 депутатских места), «японские Кеннеди» в случае вхождения в правительство будут вынуждены постоянно идти на компромиссы, лишив себя политической самостоятельности, пусть даже и формальной. Партии с большими претензиями это явно не к лицу.

Демократическая партия рассматривает себя как выражающую интересы городского населения, а опора на горожан — верный путь для политической силы, которая рассчитывает на длительную перспективу и хочет действовать в соответствии с социально-экономической ситуацией, складывающейся в Японии на рубеже нынешнего и будущего веков.

Политическая программа демократов не отличается большой оригинальностью. Главное в ней — административная реформа, тезисом о необходимости которой уже никого не удивишь. В отличие от ПНР Демократическая партия не ставит вопрос о сокращении министерств, но предполагает учредить в парламенте специальный орган для контроля законодателей над деятельностью бюрократии и одновременной коррекции правительственной политики и программ. Партия предлагает передачу права формирования бюджета — ныне это прерогатива министерства финансов — бюджетному агентству, подчиненному непосредственно премьер-министру. В отношении повышения потребительского налога до 5% демократы полностью согласны с правительством.

Положение Демократической партии вполне может уже в ближайшем будущем привлечь в ее ряды многих персебежчиков из других партий, а она уже будет выбирать — как и с кем ей сотрудничать.

ТОТАЛЬНАЯ ПОБЕДА КОНСЕРВАТОРОВ

Итог выборов очевиден — они стали тотальной победой партий консервативной ориентации. Безусловна победа ЛДП: 239 мест — на 28 больше, чем прежде. Ее право формировать кабинет неоспоримо, но, не имея простого большинства (251 мандат), она вынуждена вести переговоры с другими партиями.

Причин убедительной победы ЛДП несколько. Прежде всего — это новая избирательная система, характеризующая нынешний этап развития японской демократии с присущей ей спецификой. В Японии после 1955 г. никогда не было такой оппозиционной партии, которая могла бы реально претендовать на власть, поэтому все разговоры о создании единой дееспособной оппозиции и переходе к двухпартийной системе так и остались разговорами. Попыткой реализовать такую возможность было создание Синсинто — ПНР, но ее раздирают внутрипартийные противоречия (как ранее ЛДП!), тайно и явно поощряемые либерал-демократами.

Японская оппозиция всегда была достаточно многочисленна, но отличалась раздробленностью и неспособностью к единым действиям. При старой избирательной системе она исправно получала свои места в парламенте, даже когда это были малочисленные фракции. Новая система не оставляет места малым партиям, благоприятствуя лишь «тяжеловесам» вроде ЛДП и ПНР. Но делается она это пока не полностью и не напрямую: наряду с одномандатными округами еще сохраняется пропорциональное представительство по партийным спискам. В одномандатном округе избиратель поставлен перед жестким выбором: сколько бы кандидатов не выдвигалось, победит только один.

Один английский политолог убедительно сравнил новую избирательную систему Японии (более жесткий вариант ее, как известно, существует в Великобритании) с... бсгами: неважно, сколько лошадей участвует в забеге и с каким временем они приходят на финиш, — побеждает только одна. При этом все преимущества на стороне сильной партии, что и показывает пример ЛДП. Она получила 169 мест в одномандатных округах и 70 мест по партийному списку. Однако эта система не вполне адекватно отражает мнение конкретных избирателей: кандидат, провалившийся в одномандатном округе, тем не менее проходит в парламент по списку — в этот раз таких было 84. Показатель весьма внушительный. В то же время голоса, отданные за провалившегося в округе и не выдвигавшегося по списку кандидата, теряются, потому что партия не может записать их в свой актив. На прошедших выборах число таких «умерших», или «потерянных» голосов превысило 30 млн.(!), в 2 раза больше, чем на прошлых выборах. Го-

лосование по спискам, как нелегко заметить, такую ситуацию не корректируют.

Поддержка избирателей ЛДП, несомненно, подпитывалась средствами массовой информации, твердившими о ее безусловной победе. Кроме того, японский избиратель буквально вырос в условиях многолетнего монопольного господства ЛДП и привык связывать с ней большинство успехов страны, в то время как период правления коалиционных правительств характеризовался нестабильностью и неуверенностью. Избиратели проголосовали за хорошо известную и привычную им партию, считая, что она освободится от противоречий и недостатков. Они надеются, что партия, обладая огромным опытом управления государством, сможет решить накопившиеся внутренние и внешнеполитические проблемы.

Важной и несомненной причиной успеха либерал-демократов была и слабость их соперников — отсутствие равновеликой оппозиционной партии. На эту роль претендовала ПНР, но не совсем успешно справилась с ней, даже потеряв четыре места в парламенте. Она получила 156 голосов: 96 в одномандатных округах и 60 по партийному списку — но уже появились первые перебежчики, покинувшие партию и присоединившиеся к победителям. Относительный неуспех ПНР связывают с противоречивой личностью ее лидера Итиро Одава. С одной стороны, — это открытый и вполне «понятный» политик, с другой — он не любит встречаться с прессой и известен своей склонностью к закулисным играм, что явно работает против имиджа современного демократического лидера.

Более серьезной причиной неуспеха являются сложные отношения партии с буддийской организацией Сока гаккай, ранее стоявшей за партией Комэйто. 8 млн. дисциплинированных членов Сока гаккай — внушительная общественная и политическая сила. Как известно, поддержка этой организацией Партии новых рубежей обеспечила вхождение в последнюю Комэйто. С ее помощью ПНР получила хорошие результаты на прошлогодних выборах в палату советников парламента. Сока гаккай обеспечивает устойчивые 20 тыс. голосов избирателей в каждом одномандатном округе. А это достаточно весомая добавка даже при общем низком уровне активности избирателей, как это было на нынешних выборах. Из 98 млн. избирателей к урнам пришло лишь 59,7%, что на 7,6% меньше, чем три года назад. На этот раз Сока гаккай заявила, что не поддержит по крайней мере 62 из выдвигавшихся ПНР кандидатов, возможно, из-за того, чтобы не конфликтовать столь прямо и открыто с ЛДП. Но в целом эта организация остается вполне лояльной по отношению к партии Одава.

Пестрый состав Партии новых рубежей, борьба в высшем эшелоне трех бывших премьер-министров между собой и против не менее амбициозного

Одзава (сразу же после выборов Хосокава и Хата даже заявили было о выходе из партии и создании нового объединения), тяготение многих членов к альма-матер — ЛДП делают политическое будущее ПНР сложным и пока малоперспективным в плане превращения в мощную и дееспособную оппозиционную партию.

Не может претендовать на эту роль, как показали выборы, и Демократическая партия. Она ничего не прибавила к имевшимся у нее 52 местам: 35 по списку и 17 по одномандатным округам. Партия не сумела использовать общественный энтузиазм в связи с ее эффектным созданием прямо перед выборами, когда пресса окрестила ее «эпицентром тайфуна». Но социальная база оказалась слабой, связей на местах практически не было, а в активе были только хорошо «раскрученные» репутации лидеров Юкио Хатояма и Наото Кан да поддержка некоторых профсоюзов. ДП объявила себя ассоциированным членом единого национального профцентра Рэнго, который в свою очередь обещал поддержать 24 ее кандидата. Симпатии профцентра к новой партии старались подогреть перешедшие в ее состав правые социалисты, но профсоюзные лидеры заняли очень осторожную позицию. Кроме того, многие деятели ДП занимали важные посты в кабинетах Хосокава и Хата, а Кан был министром правительства Хасимото, что вряд ли помогает демократам приобрести желанный образ новой либеральной партии.

В общем, несмотря на все сложности, с которыми столкнулась ЛДП при формировании нового правительства, в политической жизни Японии, безусловно, преобладают консерваторы.

ПЛАТА ЗА ВЕРНОСТЬ И ЦЕНА ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Главный итог выборов звучит несколько парадоксально: на них победили ЛДП и... КПЯ. Коммунисты увеличили свою фракцию с 15 до 26 депутатов, или почти на 70% — рекордный показатель даже с учетом сравнительно малых абсолютных величин. Но итог не мог не встревожить их: они провели в парламент 24 депутата по партийному списку и только два — по одномандатным округам, так что дальнейшее развитие новой избирательной системы может стать губительным для этой партии. Теперь КПЯ — четвертая партия в нижней палате парламента после ЛДП, ПНР и ДП. В период между двумя всеобщими выборами (три с половиной года) возникло до десятка партий, но только ЛДП и КПЯ сохранили свои названия и свою суть без изменений. Поддержка избирателей стала таким образом платой за верность.

Средства массовой информации предсказывали коммунистам даже больший успех — до 30 мест, главным образом по партийному списку. Са-

ми коммунисты, которые раньше и лучше многих других партий подготовились к выборам, рассчитывали получить 20 мест по списку и 10 — в одномандатных округах, удвоив свое представительство в нижней палате. Главный резерв для увеличения своего электората они видели в резко возросшем в период коалиционных правительств числе разочарованных в политике избирателей, которые не связывают свои интересы и пристрастия с определенной партией. Коммунисты усиленно акцентировали внимание на том, что они единственные из всех партий ничем не запятнаны и никак не связаны с непопулярными действиями коалиционных администраций. Помогли ей и недавние успехи на выборах в органы местного самоуправления. Коммунисты стали мэрами Адати, одного из 23 районов Токио, и столичного пригорода Комаэ. На выборах губернатора Киото кандидат КПЯ отстал от победившего кандидата-консерватора, которого поддерживали все (!) остальные партии, только на 2 тыс. голосов. Коммунисты также удвоили свое представительство в префектуральном собрании Окинавы — с двух до четырех мест. Все эти факты были активно использованы в ходе предвыборной кампании.

Коммунисты по-прежнему верны основному направлению своей политики. Выступая на предвыборном митинге в Сибуя, Тэцудзо Фува говорил о приверженности плановой социалистической экономике, необходимости замены правящих реакционных сил, о ликвидации военных баз США и системы договора безопасности. Но это больше для внешней пропаганды и «сохранения лица». На деле лидеры японских коммунистов очень умеренно и аккуратно адаптируют партийные документы с их типичными клише к современным условиям. Например, генеральный секретарь КПЯ Кадзуо Сии, отстаивая необходимость вывода американских войск из Японии, выражает глубочайшее уважение и восхищение американскими ценностями. Признавая плановую экономику, КПЯ планирует увеличить налоги на крупные корпорации и, возможно, даже национализировать их в отдаленном будущем...

Казалось бы, такая политика не должна иметь никакого успеха в реальных условиях второй мировой державы, но японские коммунисты, не поступаясь идеологическими принципами, весьма искусно играют на настроениях в обществе, используя проблему коррупции, непопулярное повышение потребительского налога, напряженность вокруг американских баз на Окинаве и т.д. Им легче, чем другим партиям, демонстрировать свою принципиальность, что вызывает симпатии к ним у определенной части населения. Некоторые голосовали за них, разочаровавшись во всех других партиях, но точно зная, что коммунисты не победят.

Успех КПЯ показывает, однако, ее потенциальную обреченность в рамках новой избирательной системы. Если ее реформа будет доведена до

логического завершения и даст в результате классическую двухпартийную систему американского образца (условно говоря: ЛДП — 300 мест, ПНР — 200), малым партиям, имеющим долгую историю или недавно созданным, места в ней просто не останется (это показал и вторичный провал Росса Перо и его партии на президентских выборах в США). ЛДП может создать сильное правительство, ПНР или демократы, особенно при слиянии, — стать дееспособной оппозицией. Но в Японии политическая реформа скорее всего пойдет по пути поиска консенсуса, т.е. создания коалиционных правительств и предоставления малым партиям возможности быть избранными в парламент.

Но если коммунисты могут гордиться не только верностью принципам, но и благодарностью избирателей, то о социал-демократах некоторые говорят уже фактически в прошедшем времени. Такого сокрушительного, можно сказать, позорного поражения, партия не знала за всю ее долгую историю. Уже на прошлогодних выборах в палату советников она получила только 36 мест вместо прежних 63, да и эти места остались от прежних 74 — за предыдущий срок 11 депутатов покинули партию. Почти сорок лет — с 1955 по 1993 г. — социалисты были крупнейшей оппозиционной партией. Имея в лучшие годы в палате представителей до 150 мест, они постепенно теряли их, дойдя до 30 в 1993 г. В 1996 г. СДП получила всего 15 мест, впервые в истории уступив даже коммунистам.

На протяжении последних десяти лет японские социалисты предпринимали разного рода действия для обновления образа партии, пытаясь сделать ее «народной», т.е. отражающей интересы всех слоев общества. При этом они тем не менее сохраняли приверженность основным идеологическим и политическим установкам прежних лет, с которыми связывались и их успехи: выступали против договора безопасности с США, не признавали конституционность сил самообороны, флага «хи-но мару» и государственного гимна «Кими га ё» и т.д. Но коалиция с ЛДП в составе кабинета Мураяма вынудила их отказаться сразу от всего. Желание участвовать в правительстве просто не оставило им другого выбора. Партия стала рабом своего желания приобщиться к власти.

Уже после поражения Такако Дои заявила, что работа в правительстве вынуждала к опасным для партии компромиссам: приходилось жертвовать принципами, а потом начинать все с нуля. Оставалось лишь пытаться вернуть уважение и доверие избирателей, поэтому лидеры партии попросили Дои, в то время спикера нижней палаты, возглавить тонущий корабль и своим авторитетом хоть как-то оттянуть агонию. Но 15 депутатских мест красноречиво свидетельствуют о тщетности усилий и обреченности партии, поскольку только четверо депутатов из 15 прошли по одномандатным ок-

ругам. Да и то, как считают многие обозреватели, не будь блистательной и все еще популярной Дои, социалисты не получили бы и этих мандатов. Цена предательства оказалась слишком высокой.

Следует заметить, что Дои согласилась возглавить руководство партии при условии неучастия социалистов в будущем правительстве. Вообще она была против политической линии СДП на сдачу всех принципиальных позиций ради «хождения во власть», но, став спикером палаты представителей, оставила работу в партии.

Однако СДП, несмотря на поражение и более чем плачевное положение, все еще представляет немалый интерес для ЛДП в качестве партнера по коалиции. Ответ прост: в верхней палате у либерал-демократов только 110 мест из 252, а социал-демократы до сих пор имеют там 36 мест, как раз необходимые ЛДП для получения надежного простого большинства. Не исключено, что часть их может уйти к демократам, но резерв все равно существует. Еще до начала выборов Хасимото назначил депутата-социалиста из палаты советников Мицухару Варасина, крупного профсоюзного лидера, преемником либерал-демократа Кадзуо Ватанабэ на посту заместителя генерального секретаря кабинета министров.

О партии Сакигакэ просто нечего сказать. На этих выборах она потеряла все, сохранив только два из прежних девяти мандатов, а ее лидер Сёити Идэ потерпел поражение в избирательном округе и не прошел по списку, поскольку не возглавлял его. Сакигакэ, можно сказать, осталась партией лишь по названию. Независимые кандидаты, которые вели очень тяжелую и во многих случаях неравносильную борьбу в одномандатных округах, получили девять мест. Одно досталось представителю микропартии Минкайрэн, но другие подобные объединения, присутствовавшие в прошлом составе палаты представителей, как например Новая социалистическая партия и Лига свободы (они имели по два места), тоже потеряли все. Их судьба в условиях новой избирательной системы — урок и грозное предупреждение другим партиям, неспособным конкурировать с политическими гигантами на местах.

ПОСЛЕВЫБОРНЫЕ ОЖИДАНИЯ

Самый низкий за все послевоенные годы процент участия избирателей в выборах 20 октября заставил задуматься о том, что новая избирательная система не оправдала возлагавшихся на нее надежд и не стимулировала интерес к деятельности политических партий и к политике в целом.

Нынешние выборы проводились в год 50-летия получения избирательного права японками. На выборах 1946 г. женщины заняли 39 кресел

в парламенте. Этот рекорд так и не был побит — в этом году у них всего 23 места: восемь депутатов от ПНР, по четыре от ЛДП и КПЯ, по три от СДП и ДП, один независимый депутат. Семь женщин прошли по одномандатным округам и 15 — по партийным спискам.

Новая система не ликвидировала многих пороков старой, в том числе и тех, которые подвергались особенной критике. По-прежнему первостепенную роль играют теснейшая связь с округом (дзибан), личность кандидата, ее популярность и моделирование наиболее благоприятного образа (камбан) и, конечно, деньги (кабан). Депутатство становится семейным бизнесом: из 500 человек 123 — дети и внуки депутатов прошлых созывов, в том числе 84 (!), или 2/3 из них от ЛДП, 21 от ПНР, 19 от ДП (интересный показатель для новой партии), один от Сакигакэ и четыре независимых. СДП и КПЯ составляют примечательное исключение. Наиболее яркие примеры — братья Хатояма, дочь Какуэй Танака, занимавшая ранее пост директора Управления по науке и технике в ранге министра. Нередки случаи одновременного избрания в парламент отцов и детей, причем в ряде случаев дети проигрывали. Из 123 «детей» только 10 были избраны впервые, а у остальных уже изрядный стаж политических баталий в парламенте и партиях. Все это свидетельствует о достаточно ограниченном числе лиц, имеющих доступ к реальной власти.

На политической сцене в общем все те же фигуры. ЛДП пока вынуждена считаться с социал-демократами и Сакигакэ, но оба «младших партнера» явно не имеют будущего. Участвуя по просьбе ЛДП в переговорах о формировании нового кабинета, они старались уже не столько набить себе цену, сколько «сохранить лицо» после сокрушительного поражения, а поэтому согласились поддерживать главного победителя при решении тех или иных вопросов в парламенте, но не входить непосредственно в состав кабинета (в чем ЛДП реально не заинтересована). Обе проигравшие партии понимают, что при нынешнем раскладе сил в нижней палате парламента о сколько-нибудь полноценной трехпартийной коалиции не может быть и речи.

Положение Партии новых рубежей, находящейся в тотальной оппозиции, во многом зависит от ее монолитности, прежде всего от консенсуса или хотя бы приблизительной координации действий сторонников Одзава и его противников, прежде всего трех бывших премьеров и их окружения. Все еще велика угроза ухода из нее ряда политиков и депутатов, которые предпочтут перебежать в ЛДП или хотя бы поддерживать ее в двусмысленном статусе «независимых». Наконец, неизвестно, как поведет себя в этих условиях Комэйто, оставшаяся «государством в государстве» в составе ПНР. Другими словами, вопросов пока больше, чем ответов.

Не очень радужное будущее прочат обозреватели и Демократической партии, лидеры которой пока отказались от сотрудничества с ЛДП под предлогом неверия в ее способность провести действенную административную реформу. Однако они не исключают возможность через полтора-два года создать коалицию с либерал-демократами, если последние сумеют добиться реальных успехов. Но опять же речь идет о коалиционном партнерстве «старшего» и «младшего», что очевидно при существующем соотношении сил, а не о создании двухпартийной системы.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О НОВОМ КАБИНЕТЕ

После недели активных, но безуспешных переговоров с бывшими партнерами по коалиции либерал-демократы сформировали, как и в былые времена, однопартийный кабинет. Но это не возврат к прежнему положению: не располагая большинством в палате представителей, ЛДП вынуждена действовать с оглядкой на разномастную оппозицию. Расстановка сил показала, что все-таки выбрана система правления большинства, хотя и без непосредственного участия младших партнеров в кабинете.

Вновь избранный премьером, Хасимото попытался назначить нужных людей на нужные посты. Он сохранил в правительстве Сэйроку Кадзияма как генерального секретаря и Юкихико Икэда как министра иностранных дел. Поскольку политическая судьба лидеров ЛДП зависит сейчас в основном от успешного осуществления административной реформы, Хасимото назначил Кабун Мута (69 лет, 11 раз избирался в парламент, готовил многие документы по налоговой и денежной реформам) генеральным директором Агентства по управлению и координации. Так что ответственным за проведение административной реформы стал опытный и компетентный политик. Дзюнъитиро Коидзуми, которого называют «человеком административной реформы», сменил Наото Кан на посту министра здравоохранения и социального обеспечения.

Но полностью избавиться от прежних «грехов» при формировании правительства Хасимото не удалось — снова наблюдается засилье «стариков» и неизменные попытки сохранить баланс фракций. В правительстве нет ни одного человека, кто избирался бы депутатом менее четырех раз. Ряд министров — ветераны ЛДП в возрасте 70-ти лет и старше. В общем новый кабинет расценивают как символ сохраняющейся приверженности японского общества идеям консерватизма и либерализма. Проводником этих идей считается Коити Като — генеральный секретарь ЛДП с 1995 г. и «человек номер два» в партийной иерархии. Он представляет молодое поколение либерал-демократических лидеров, хотя уже девять раз избирался в парла-

мент. Като вел переговоры с СДП и Сакигакэ, а потому его имя ассоциируется с коалиционным правлением. Он же был ключевой фигурой в избирательной кампании ЛДП, но, как и многие его товарищи по партии, замечен в темных связях с миром бизнеса, в частности с компанией «Кёвако».

Деловой мир, бюрократия, политические круги — все согласны с мыслью о необходимости реформ, в первую очередь административной, но расходятся во мнениях относительно методов, форм и сроков их осуществления. Поэтому второй кабинет Хасимото рассматривают — используя популярную в Японии спортивную терминологию — как «мяч в игре».

Второй кабинет Хасимото — это кабинет реформ. Реформы административные, экономические, социальные, культурные, внешнеполитические. Реформы административные — это реформы, которые касаются структуры государственного аппарата, его функций, его взаимодействия с обществом. Реформы экономические — это реформы, которые касаются структуры экономики, ее функций, ее взаимодействия с обществом. Реформы социальные — это реформы, которые касаются структуры общества, его функций, его взаимодействия с государством. Реформы культурные — это реформы, которые касаются структуры культуры, ее функций, ее взаимодействия с обществом. Реформы внешнеполитические — это реформы, которые касаются структуры внешней политики, ее функций, ее взаимодействия с международным сообществом. Реформы административные — это реформы, которые касаются структуры государственного аппарата, его функций, его взаимодействия с обществом. Реформы экономические — это реформы, которые касаются структуры экономики, ее функций, ее взаимодействия с обществом. Реформы социальные — это реформы, которые касаются структуры общества, его функций, его взаимодействия с государством. Реформы культурные — это реформы, которые касаются структуры культуры, ее функций, ее взаимодействия с обществом. Реформы внешнеполитические — это реформы, которые касаются структуры внешней политики, ее функций, ее взаимодействия с международным сообществом.

Силы самообороны Японии: их настоящее и будущее

М.Г.Носов

Сегодня Япония обладает небольшими по численности, но технически хорошо оснащенными вооруженными силами. Ее военный бюджет является одним из крупнейших в мире, по числу эсминцев и противолодочных самолетов японские силы самообороны в 3—4 раза превосходят дислоцированный в Тихом океане 7-й флот США, а число тактических истребителей сопоставимо с числом самолетов этого типа, развернутых на территории США. В то же время необходимо отметить, что военный потенциал Японии имеет сугубо оборонительную направленность, а ее военная доктрина рассматривает возможность отправки военнослужащих за пределы национальной территории лишь в рамках миротворческих операций ООН и с миссиями исключающими участие в военных действиях.

После завершения второй мировой войны США, оккупировав Японию, не слишком высоко оценивали ее в иерархии своих военно-стратегических и внешнеполитических приоритетов. Своим наиболее вероятным союзником в Азии США видели Китай, а Японии после демилитаризации была уготована роль второразрядной страны, которая больше никогда не сможет угрожать региональным интересам США. В 1947 г. была принята подготовленная не без помощи США конституция Японии, статья 9-я которой провозглашала «отказ от войны как средства разрешения конфликтов» и в соответствии с которой Япония формально была лишена права иметь собственные вооруженные силы.

Однако победа революции в КНР в 1949 г. и начавшаяся в июне 1950 г. война в Корее окончательно решили вопрос в пользу воссоздания военного

потенциала Японии. Уже 8 июля 1950 г. — две недели спустя после начала войны в Корее — главнокомандующий оккупационными войсками США в Японии Д.Макартур направил премьер-министру Японии С.Иосиды письмо с распоряжением о создании Резервного полицейского корпуса численностью в 75 тыс. человек. И организация корпуса, и руководство им были фактически возложены на штаб оккупационных войск. Во время встречи на о-ве Уэйк с президентом Г.Трумэном Д.Макартур заявил о создании четырех дивизий японских войск «под названием полицейского корпуса»¹.

В результате проведенной по инициативе США в 1951 г. международной Сан-Францисской конференции 8 сентября был подписан мирный договор с Японией. Конфронтация СССР с США в рамках «холодной войны» привела к тому, что Советский Союз и ряд других стран отказались поставить свои подписи под данным документом. Хотя договор формально прекращал американскую оккупацию Японии и возвращал ей суверенные права, фактически США сохраняли право размещения своих войск на японской территории. Одновременно с мирным договором был подписан носивший характер военного пакта японо-американский договор безопасности, который вместе с заключенным в 1952 г. административным соглашением, определявшим конкретные условия содержания американских войск в Японии, а также соглашением о помощи в обеспечении взаимной безопасности 1954 г. и рядом других двусторонних соглашений закладывал юридические и практические основы военно-политического союза между двумя странами. В соответствии с этими документами, дававшими основу для сохранения продолжающегося по сей день присутствия американских войск в Японии, был начат процесс воссоздания японских вооруженных сил по инициативе США. В период подготовки мирного договора с Японией Дж.Даллес, который по поручению госдепартамента США вел переговоры с японским правительством, предупредил о том, что в случае, «если Япония не пойдет на создание армии в 350 тыс. человек, способной защитить страну от советского нападения и участвовать в системе региональной обороны, не будет возможности для достижения соглашения»². Однако американскому давлению противостояли те в Японии, кто отстаивал конституционные ограничения на развитие армии. Одним из лидеров этих сил был премьер-министр Японии С.Иосиды, которого называют неформальным отцом так называемой «доктрины Иосиды», позволявшей Японии, сохраняя относительно низкий уровень военных расходов, основное внимание уделять проблемам развития экономики и укрепления отношений с США, по настоящий день остающихся гарантом их безопасности. Факти-

¹ Foreign Relations of U.S. 1950, Vol. VI. p.1354.

² Forecast for Japan: Security in the 1970's. Princeton, 1972, p.44.

чески именно эти принципы и легли в основу внешней политики Японии всего послевоенного периода.

В дальнейшем эта доктрина вызвала к жизни ряд политических решений направленных на ее институализацию. В 1967 г. премьер-министр Ё. Сато провозгласил «три неядерных принципа», в соответствии с которыми Япония приняла обязательства не производить, не иметь и не ввозить ядерное оружие. В том же году он сформулировал политику «трех принципов экспорта вооружений», в соответствии с которыми Япония обещала воздержаться от экспорта оружия. Хотя все эти обязательства не имеют законодательной основы, Япония продолжает придерживаться принятых решений. С 1967 г. военные расходы фактически ограничивались 1% ВВП, а в 1976 г., когда была принята Национальная программа обороны, это стало официальной правительственной политикой.

Япония смогла блестяще использовать все те выгоды, которые представляла ей «доктрина Иосиды». Прежде всего это сказалось в том, что стране удалось сохранить относительно низкий уровень милитаризации, хотя нынешний военный потенциал Японии значительно превышает потребности обеспечения «внутренней безопасности» страны. В течение многих лет Японии удавалось экономить значительные средства за счет меньших расходов на оборону по сравнению с другими странами НАТО. Япония тратила бы на оборону в три раза больше, чем сейчас, если бы ее военные расходы составляли 3% ВВП, как в Западной Европе. И хотя в конце 80-х годов Япония по абсолютному уровню военных расходов вышла на одно из первых мест в мире, во многом это было связано с высоким курсом иены.

В июле 1954 г. японский парламент принял законы об образовании Управления национальной обороны (УНО) и закон о создании сил самообороны, состоящих из армии, ВМС и ВВС. В момент создания армейские части насчитывали 130 тыс. человек, ВМС — 16 тыс. человек, ВВС — 6,3 тыс. человек и 150 самолетов³. Численность вооруженных сил Японии с середины 60-х годов и до сих пор постоянно сохраняется на уровне 230-240 тыс. человек. Сухопутные части войск самообороны в 1995 г. по сравнению с предыдущим годом сократилась почти на 4 тыс. человек и составили 148 тыс. В составе сухопутных сил одна бронетанковая и 12 армейских дивизий. На их вооружении находится свыше 1100 танков, из которых 870 Т-74 и около 120 Т-90; 890 БТР и БМП, 470 единиц полевой артиллерии, 310 САУ, около 90 установок залпового огня, 20 самолетов LR-1 (MU-2), 80 боевых вертолетов и около 350 транспортных вертолетов.

ВМС Японии имеют численность в 43 тыс. человек, включая 12 тыс. проходящих службу в морской авиации. В 1995 г. у ВМС было 17 торпед-

³ Asian Security. Tokyo, 1981, p. 147.

ных подводных лодок, две из которых использовались как учебные. В составе надводного флота — девять ракетных эсминцев, вооруженных ракетами корабль-воздух и корабль-корабль, и 51 фрегат, из которых 24 несут на борту противолодочный вертолет. Фрегаты имеют на вооружении ракеты корабль-корабль и торпеды. В составе флота 35 тральщиков и шесть десантных кораблей, которые могут высадить тысячу солдат и 45 танков. Авиация ВМС насчитывает 100 противолодочных самолетов PC-3, около 100 противолодочных вертолетов, два самолета электронной разведки EP-3C.

В составе ВВС войск самообороны в 1995 г., насчитывавших 44,5 тыс. человек, находилось 379 боевых самолетов, в том числе 179 истребителей F-15 и 70 — F-4, 21 разведывательный самолет RF-4E, 11 самолетов раннего предупреждения E-2C, спасательные, тренировочные и транспортные самолеты.

В 1995 г. на оборонные нужды Япония истратила 4723,6 млрд. иен (около 45 млрд. долл.), что больше, чем в предыдущем году, на 0,9%. Военные расходы составляли 0,959% ВВП страны и 6,7% бюджета. В 1995 г. 37,8% расходов пришлось на сухопутные силы, 22,4% — на флот, 23,4% — на ВВС, 12% — на управление и 4,5% на прочие нужды. Среди основных статей военных расходов на содержание личного состава было отпущено 2071,4 млрд. иен (43,9% военного бюджета), на закупки вооружений — 869,9 млрд. (18,4%), на содержание войск и боевую подготовку — 831,4 млрд. (17,6%), на строительство и оборудование — 216,2 млрд. (4,6%), на НИОКР — 140,1 млрд. (3%), на содержание военных баз — 531,1 млрд. иен (11,2%)⁴.

Оценка японского военного потенциала была бы неполной без учета американского военного присутствия в Японии. В стране дислоцировано свыше 44 тыс. американских военнослужащих, находится штаб 5-й воздушной армии, выполняющий функции штаба вооруженных сил США в Японии, штаб 7-го флота, штаб 9-го авиационного крыла и штаб ВМС США в Японии. Из боевых частей в Японии постоянно базируются 3-я дивизия морской пехоты, имеющая 54 самолета F-15 и 48 — F-16, а также авианосная ударная группа. США использует в Японии около 130 крупных военных объектов: до 10 аэродромов, несколько баз ВМС, свыше 30 складов, более 30 объектов управления.

Принципы военной политики Японии были сформулированы Советом национальной обороны и 20 мая 1957 г. приняты кабинетом министров. Фактически этот документ, названный «Об основах политики в области национальной обороны», до сих пор определяет военную политику страны

⁴ Japan Almanac 1996, p.65.

и принципы японо-американского военного сотрудничества. Состоящий из краткой преамбулы и четырех пунктов, два из которых непосредственно касаются проблем обороны, документ определяет «цель национальной обороны в предотвращении и отражении прямой и косвенной агрессии», что может быть достигнуто с помощью «прогрессивного и эффективного развития оборонительных возможностей, необходимых для самообороны, с учетом национальных ресурсов и внутреннего положения» и «использования системы безопасности США в качестве основы для отражения внешней агрессии до тех пор, пока международное сообщество не сможет эффективно обеспечить предотвращение нападения извне»⁵.

В дальнейшем программы развития вооруженных сил Японии принимались в 1976 и 1986 гг. Документы определяли характер развития сил самообороны в соответствии с уровнем военно-политического сотрудничества с США. В 1978 г. США и Япония подписали «Руководящие принципы японо-американского сотрудничества в области обороны». США впервые официально подтвердили свои обязательства по «обеспечению ядерного сдерживания» и обещали «сохранять готовые к боевым действиям силы перелового развертывания и другие силы, способные их усилить». Что касается сил самообороны, то им вновь как самостоятельной силе отводилась роль лишь в отражении «ограниченного и маломасштабного вторжения». Все остальные функции по обороне Японии возлагались на совместные действия сил самообороны и войск США. На военные флоты США и Японии возлагалась ответственность за совместные операции «по обороне прилегающих вод и защите морских коммуникаций», а на ВМС Японии «операции по защите главных портов и проливов вокруг Японии, противолодочные действия, защита кораблей и другие операции в прилегающих водах»⁶. В «Основных направлениях» был разработан вопрос о координации военных усилий обеих стран. Однако, несмотря на создание механизма консультаций по всем вопросам, связанным с обороной Японии, сохранился национальный контроль над действиями вооруженных сил.

В мае 1981 г. были вновь поставлены и уточнены три перспективные задачи, увязанные с определением роли Японии в военно-стратегических концепциях США для Дальнего Востока: осуществление контроля над морскими коммуникациями на расстоянии 1000 морских миль, решение задачи минирования и блокады проливов Японского моря, создание системы ПВО Японии и части Японского моря⁷.

Будущее японской политики в области обороны было сформулировано в подготовленном Управлением национальной обороны в ноябре 1995 г.

⁵ Бэй хакусё (Белая книга по вопросам обороны). 1980, с. 78.

⁶ Defense of Japan. 1986. p. 266-263.

⁷ Defense of Japan. 1989, p. 43.

документе «Основные направления развития программ по обеспечению обороны». Как и в программах, принятых раньше, в документе отмечалась важность более тесных военных связей с США для обеспечения национальной безопасности. Программа предусматривает 20%-ное сокращение сухопутных сил и перенесение акцента в военном строительстве на развитие высокотехнологичных компонентов вооружений ВВС и ВМС. В рамках программы предусматривается сотрудничество с США в создании системы противоракетной защиты театра военных действий. В документе указывается, что «в случае возникновения регионального кризиса, угрожающего миру и безопасности Японии, должны быть приняты должные меры» «в рамках постепенного и эффективного использования японо-американской системы безопасности». Что касается использования сил самообороны для отражения агрессии против Японии, то если в предыдущей программе речь шла о самостоятельном «противодействии ограниченному нападению», в новой четко говорится, что в случае нападения на Японию, ее вооруженные силы будут действовать совместно с США для отражения атаки⁸.

15 декабря 1995 г. правительство одобрило пятилетний план развития вооруженных сил. В 1996-2000 гг. будет израсходовано 251,5 трлн. иен (249 млрд. долл.), что на 22,17 трлн. больше, чем за предыдущее пятилетие. Среднегодовой прирост военных расходов составит 2,1%. Планируется истратить дополнительно 1,1 млрд. долл. на операции по поддержанию мира в рамках ООН. В этом случае рост военных расходов достигнет 2,25% в год. В соответствии с программой расходы на закупку вооружений составят 42,8 млрд. долл. (тогда как в двух предыдущих программах было истратено соответственно 44,4 млрд. и 55,3 млрд. долл.)⁹.

В соответствии с новой программой развития вооруженных сил четыре из 13 дивизий будут сокращены до уровня бригад. Численность сухопутных сил будет уменьшена со 180 тыс. до 145 тыс., число танков сократится с 1200 до 900. Три из 10 существующих соединений эсминцев будут законсервированы. Общее число эсминцев будет сокращено с 60 до 50, самолетов морской авиации с 220 до 170, а самолетов ВВС с 430 до 400, в том числе истребителей — с 350 до 300¹⁰.

В программе была сделана попытка сгладить те противоречия, которые изначально присутствовали в японо-американских отношениях в сфере безопасности. В соответствии с договором безопасности при нападении на Японию США автоматически приходили ей на помощь, чего она в случае агрессии против последних делать не должна, поскольку в соответствии с 9-й статьей конституции, провозглашающей «отказ от использования силы

⁸ The Nikkei Weekly. 08.01.1996.

⁹ The Japan Times Weekly International Edition. 25-31. 12. 1995; The Nikkei Weekly. 08.01.1996.

¹⁰ The Japan Times Weekly International Edition. 11-17. 12. 1995; The Nikkei Weekly. 04.12.1995.

для разрешения международных конфликтов» силы самообороны, как это уже отмечалось выше, могут быть использованы только в пределах национальной территории. Парадокс ситуации заключается в том, что, имея один из крупнейших в мире военных бюджетов, Япония в соответствии с действующей конституцией вообще не может иметь сухопутные, военно-морские и военно-воздушные силы, равно как и другой военный потенциал.

В новой программе говорится, хотя и не раскрывается конкретно, что в случае возникновения регионального конфликта (не обязательно в пределах национальных границ) Япония примет «должные меры» в рамках договора безопасности. Это можно трактовать как готовность Японии действовать совместно с США, например, в случае конфликта на Корейском полуострове, хотя масштаб и конкретное содержание такого рода японского участия не раскрываются. Со своей стороны Вашингтон еще раз подтвердил свои военные обязательства в отношении Японии, которые в рамках сокращения американского военного присутствия в АТР неоднократно подвергались сомнениям.

В новой программе в отличие от действовавшей с октября 1976 г. несколько раз упоминается о роли договора для поддержания безопасности региона, окружающего Японию. Отвергая старую концепцию, гласившую, что Япония «попытается отразить ограниченную и не широкомасштабную агрессию, не прибегая к помощи извне», авторы программы, принятой в ноябре 1995 г., говорят о «соответствующем сотрудничестве с США для отражения агрессии на более ранней стадии». Однако они не касаются проблем участия Японии в коллективных действиях по самообороне¹¹.

Обладая вторым в мире промышленным потенциалом, Япония до настоящего времени избегает широкомасштабного развития военного производства. Даже несмотря на то что японская промышленность более чем на 90% обеспечивает материально-технические нужды своих вооруженных сил, доля военной промышленности в общем объеме производства в 1995 г. не превышала 0,6%, а в чисто военном производстве было занято всего 55 тыс. работников.

В списке 100 крупнейших мировых производителей оружия в 1994 г., составленном СИПРИ, Япония представлена лишь девятью компаниями, самая крупная из которых «Мицубиси дзюкогё» занимает в списке лишь 16-е место. При этом, если у лидеров списка на военное производство приходится, как правило, около 60-70% объемов продаж, для японских компаний этот показатель значительно меньше — 10%¹². В 1994 г. доля

¹¹ *Motohide Hashimoto. Security in Asia. Roles and Tasks for Japan and the United States. HPS Policy Papers, March 1996, p.15.*

¹² *SIPRI Yearbook 1996, p.457.*

этих девяти японских компаний в объеме мировых продаж оружия по сравнению с 1993 г. выросла с 4,5% до 5,1% и составила 7,5 млрд. долл. Однако рост был в первую очередь связан с повышением курса иены¹³.

Несмотря на мировое лидерство в электронике, ни одна японская компания не представлена в списке крупнейших производителей военной электроники, нет японских компаний и среди сколь-либо значительных производителей артиллерийских систем. Что касается производителей авиационной техники, военно-транспортных средств и кораблестроительных компаний, то объемы их военного производства пока ограничены лишь внутренними потребностями, поскольку Япония продолжает сохранять запрет на экспорт вооружений. Около 80% военной техники, закупаемой Управлением национальной обороны, приходится на японские компании, которые самостоятельно разработали истребитель F-1, несколько типов тренировочных самолетов, противолодочный вертолет SH-60J, различные типы тактических ракет, артиллерийских систем, танков, БМП, САУ, а также большое количество электронных систем управления боем. Практически все надводные и подводные корабли ВМС Японии произведены на собственных верфях по собственным проектам, хотя значительная часть вооружений и систем управления огнем для них поставляются США.

До настоящего времени Япония сохраняет зависимость от США в области поставок вооружений, поскольку большая часть самолетов и ракет, находящихся на вооружении, производится по американским лицензиям в соответствии с подписанным в 1954 г. Соглашением о взаимном сотрудничестве в области обороны. По американским лицензиям в Японии производятся вертолеты, различные виды самолетов, включая истребители F-15 и противолодочные самолеты P-3C.

Япония продолжает импортировать значительное количество современной военной техники. Однако с каждым годом объем японских закупок вооружений продолжает сокращаться. Если, по данным за 1990—1994 гг., Япония занимала второе место в мире по импорту оружия, то, по данным за 1991—1995 гг., она оказалась уже на четвертом месте, а объем закупок в ценах 1990 г. сократился с 2,4 млрд. в 1991 г. до 799 млн. долл. в 1995 г.¹⁴.

Основные закупки вооружений (97%) делаются в США, откуда Япония импортирует самолеты раннего предупреждения АВАКС, транспортные самолеты C-130H «Геркулес», вертолеты, а также радары и ракетные системы для ВМС. Небольшое количество техники закупается в Великобритании и Италии.

¹³ Ibidem, p.413.

¹⁴ Ibidem, p.466.

Долгие годы развитие экономического потенциала Японии опиралось на импорт лицензий и патентов. Однако политика поощрения инвестиций в развитие научных исследований привела к тому, что с 1989 г. Япония имеет положительное сальдо в торговле технологиями. В 1993 г. объем продаж составил 3,6 млрд. долл., а объем технологических заимствований — 3,3 млрд.¹⁵.

В Японии с 1970 по 1993 г. расходы на НИОКР выросли в 10,5 раза, с 3,3 млрд. до 113,3 млрд. долл. Для сравнения: американские расходы на исследования с 1975 по 1992 г. увеличились с 62,6 млрд. до 157,4 млрд. долл. Однако рост затрат на исследования в Японии не адекватен значительному увеличению расходов на военные разработки. Большая часть затрат на науку и разработки приходится на промышленность (72,3%), где доля военного производства не превышает 1%. Доля исследовательских институтов, где в основном сосредоточены военные исследования, в общих затратах на НИОКР составила в 1993 г. лишь 14,2% (16,1 млрд. долл.)¹⁶, а расходы, связанные с военными разработками в исследовательских институтах, — лишь около 2,5—3% их бюджета¹⁷.

В Японии научно-исследовательская деятельность примерно на 80% финансируется из частных источников, а оставшаяся часть расходов покрывается государством. Расходы государственного бюджета на научные исследования в 1995 г. составили 2490,8 млрд. иен (24,4 млрд. долл.), из которых на УНО пришлось 154,4 млрд. иен. (1,51 млрд. долл.), что больше чем в предыдущем году на 9,7%. Доля УНО в бюджетных расходах на научные исследования в 1995 г. составила 6,2 %¹⁸.

Если в большинстве стран традиционно военные отрасли снабжали гражданские новыми технологиями и материалами, то в случае с Японией все произошло наоборот. Усложнение технологий, используемых в сфере гражданского производства, обусловило возможность их использования в военных отраслях. По американским оценкам, Япония уже в начале 90-х годов захватила лидерство в пяти из 20 технологий, необходимых для сохранения превосходства в военных системах: в производстве полупроводниковых материалов и микроэлектронике, в фотонике, в машинном интеллекте и робототронике, в сверхпроводимости, в биотехнологии¹⁹.

Если Япония расходует на НИОКР лишь около 3% своего военного бюджета, то США на эти цели ассигнуют около 12%, а учитывая, что

¹⁵ Japan Almanac. 1996, p.247.

¹⁶ Management and Coordination Agency. Report on the Survey of Research and Development. Tokyo, 1995.

¹⁷ Defense of Japan 1992. 1993, p.298.

¹⁸ Japanese Scientific Monthly. July 1995, Management and Coordination Agency. Report on the Survey of Research and Development.

¹⁹ The Japan Times. 23.03.1990.

американские расходы на оборону почти в 6 раз больше японских, то затраты Японии и США на исследования в военной области соотносятся примерно как 1 к 24. Тем не менее уже с начала 80-х годов США стали требовать от Японии сотрудничества в области передачи японской военной технологии. Однако до сих пор отношения двух стран в сфере военно-технологического сотрудничества выглядят достаточно сложными и противоречивыми. С одной стороны, в США все большее беспокойство вызывает растущая зависимость от Японии в поставках многих компонентов, необходимых для производства современных видов вооружений, с другой — Вашингтон стремится сохранить контроль над развитием японского военного потенциала.

Для США вопрос о передаче японских военных технологий был связан, во-первых, со стремлением получить то, что действительно представляло интерес для Пентагона и могло быть использовано в американских военных разработках. Во-вторых, импорт технологий открывал определенные возможности для получения разработок, попавших в военное производство из гражданских отраслей. Условия военного сотрудничества могли открыть американцам те секреты, которые другим путем они бы не получили.

В качестве юридического обоснования своих требований США обратились к тексту Соглашения 1954 г., в котором говорилось, что «каждое правительство предоставит другому... то оборудование, материалы, обслуживание и другую помощь, которая ему необходима». До 1983 г., когда Япония и США подписали Технологическое соглашение и создали Объединенную двустороннюю комиссию по военной технологии, которая была призвана рассматривать американские требования по использованию японской военной технологии, экспорт военных технологий в США был запрещен. В 1986 г. был положительно решен вопрос о двух американских запросах, а в 1987 г. — принято решение об использовании японских технологий при ремонте американских авианосцев. В октябре 1988 г. представители военных ведомств двух стран подписали Соглашение о совместной разработке технологии производства систем наведения ракет. С 1987 г. велись совместные работы в рамках программы «стратегической оборонной инициативы» (СОИ), однако до 1989 г., когда было принято решение о создании японского истребителя нового поколения — FSX, реального экспорта технологий военного назначения не существовало.

Дебаты по вопросу о создании этого самолета отразили противоречия японо-американского военно-технологического сотрудничества. УНО рассматривало в 1986—1987 гг. вариант производства самолета в самой Японии или его производство совместно с США на базе F-16, F-15 и F-18, или на основе производимого в Европе истребителя «Торнадо». За самостоятельное производство истребителя выступала коалиция из пяти япон-

ских компаний во главе с «Мицубиси хэви индастриз», чей прототип, по оценкам многих военных специалистов, значительно превосходил американские и западноевропейские разработки.

США выступали против самостоятельного создания самолета по многим причинам, среди которых формально главными были доводы о нерациональном с их точки зрения расходовании японского военного бюджета и усилении тенденции к несовместимости вооруженных сил обеих стран. Однако в основе американских возражений лежали не лишённые оснований опасения, что Япония может стать конкурентом и в авиации. Как писал бывший посол США в Японии М. Армакост, «самостоятельно разработанный самолет рассматривался многими — особенно на Капитолийском холме — как японский вызов американскому господству в аэрокосмической промышленности»²⁰.

В конечном итоге японское правительство приняло решение построить свой новый истребитель на базе американского F-16С. Проект должен был осуществляться вместе с американской компанией «Дженерал дайнэмикс». В 1989 г., наконец, было подписано соглашение о проектировании истребителя нового поколения. Стоимость программы была оценена в 1,2 млрд. долл., из которых на американские компании пришлось 550 млн. долл.

В процессе работы над истребителем Япония смогла обогнать США в разработке двух компонентов, используемых в современных истребителях, о чем свидетельствует тот интерес, который американская компания «Дженерал дайнэмикс» проявила к конструкции крыла и радару проекта FSX. По американским оценкам, Япония обогнала США на три-четыре года в разработке и производстве радара, который имел высокую степень разрешимости и был создан на основе гражданских технологий с использованием галлиево-арсенидных полупроводников. В 1993 г. США купили этот радар у японцев.

Серьезной проблемой для военно-технологического сотрудничества между Японией и США остаются вопросы сохранения военной и коммерческой тайны. Японские деловые круги, которые весьма заинтересованы в доступе к американским фундаментальным разработкам, в то же время настороженно относятся к перспективе ознакомления американских конкурентов со своими технологическими секретами. Американцы хотели бы воспользоваться успехами японцев в тех важных, но достаточно узких отраслях знаний, где те лидируют, но опасаются передачи им результатов фундаментальных исследований, в которых в большинстве случаев впереди США. Кроме всего прочего, после так называемого «дела Тосиба», когда японская компания была обвинена США в передаче СССР оборудования,

²⁰ *Armacost Michael H. Friends or Rivals? The Insider's Account of U.S. — Japan Relations.* N.Y., 1996. p.91.

используемого в военном производстве, Япония постоянно рассматривается как потенциальный источник утечки военных секретов. В 1993 г. японская электронная фирма JAE была обвинена в нарушении соглашения об экспортном контроле, и американцы на время выяснения обстоятельств дела на несколько месяцев прекратили поставку комплектующих деталей для производства военной техники, что привело к угрозе серьезных перебоев в получении УНО запасных частей для снабжения войск.

Серьезную оппозицию в конгрессе вызвало решение администрации США продать Японии морскую систему ПВО «Иджис». Вопрос о закупке этой системы стоимостью 500 млн. долл. каждая рассматривался в рамках участия Японии в патрулировании морских коммуникаций в радиусе 1000-мильной зоны. В январе 1988 г. японское правительство направило администрации США официальную просьбу о закупке системы. Мнение противников передачи этой технологии Японии основывалось на попытках доказать, что «Иджис», которую часто называют «системой звездных войн для флота», слишком ценна для США, чтобы ее можно было передавать даже близким союзникам. Однако на деле оппозиция сделке была основана прежде всего на стремлении судостроительных компаний, подрядчиков Пентагона, заставить администрацию принять решение о строительстве военных кораблей, оснащенных «Иджис», на американских верфях с их последующей продажей Японии или наймом. В конечном итоге, исходя из соображений укрепления военного сотрудничества, было принято решение о продаже Японии четырех таких систем. В апреле того же года было подписано соглашение о передаче американских военных технологий Японии. В 1993 г. администрация Клинтона впервые предложила Японии принять участие в разработке системы ПРО-ТВД. Стоимость системы оценивается в 20 млрд. долл.

Недоверие, которое многие американцы испытывают к Японии, проявилось и тогда, когда японцы предложили Пентагону оборудовать свои гражданские суда специальными сонарами, собирающими и передающими в центр информацию о подводных лодках. Когда американцам было сделано предложение об использовании этой системы японскими кораблями, что значительно расширяло диапазон поиска, то ответом, по словам националистически настроенного политика Синтаро Исихара, было категорическое «нет», даже несмотря на то, что японцы не претендовали ни на участие в анализе, ни на использование готовой информации. «Объяснить это может только то, что американцы не доверяют японцам... У меня ощущение, что с их точки зрения даже Советский Союз заслуживает большего доверия, чем японцы. Американские расовые предрассудки в отношении Японии очень глубоки и мы всегда должны помнить об этом, имея дело с

американцами», — писал С.Исихара, который в августе 1989 г. баллотировался на пост председателя правящей партии Японии²¹.

Тормозом развития технологического сотрудничества стали и разногласия по вопросу об интеллектуальной собственности на результаты совместных исследований. Проблема заключалась в отсутствии четкой регламентации прав сторон и касалась не только коммерческих исследований, но и тех, которые относились к категории двойного применения. В июне 1988 г. в Торонто было подписано соглашение, дававшее американцам право патентовать изобретения работающих в США японских специалистов в случае, если будет доказано, что исследовательская организация, где проводилась работа, внесла основной или значительный вклад в открытие.

* * *

Прогноз развития японской военной политики в наступающем тысячелетии требует решения уравнения со множеством неизвестных, хотя некоторые из его компонентов достаточно определены уже сегодня. Прежде всего со значительной долей уверенности можно сказать, что в основе японской политики в обозримом будущем будет лежать военно-политический союз с Соединенными Штатами, чьи позиции в Тихоокеанском регионе с каждым годом становятся все прочнее.

После окончания холодной войны США пошли на глобальное сокращение своих военных обязательств. В апреле 1990 и июле 1992 г. администрация США в соответствии с поправкой Нанна-Уорнера от июля 1989 г. опубликовала два документа, формулирующих задачи по постепенному выводу американских войск из Восточной Азии, — «Стратегическая инициатива в Восточной Азии» («East Asia Strategic Initiative I, II»). План предусматривал вывод в течение 1990—1992 гг. 30 тыс. военнослужащих из Азии, включая 7 тыс. человек из Корси, 5 тыс. из Японии, и полный вывод всех американских солдат с Филиппин.

В июне 1993 г. США приняли военную доктрину, основанную на принципе победы в одном региональном конфликте и сдерживании другого до подхода сил, высвобожденных после окончания первого конфликта (Win-Hold-Win). Однако уже в июле 1993 г. США под давлением резко негативной реакции со стороны Японии и Южной Кореи заявили о переходе к стратегии победы в двух конфликтах одновременно (Win-Win), что по сути означало отказ от дальнейшего сокращения военного присутствия в АТР. В феврале 1995 г. Пентагон опубликовал документ «Стратегия США в восточной части Азиатско-тихоокеанского региона», в котором го-

²¹ Исихара Синтаро. Иё то иёру Ниппон (Япония, которая может сказать «нет»). Токио, 1994, с.15.

ворилось, что США в обозримом будущем будут сохранять свое присутствие в регионе на уровне 100 тыс. человек.

Альтернативой «проамериканской» ориентации японской внешней политики некоторыми политологами в Японии и за ее пределами выдвигается расширение ее отношений со странами Азии. После окончания «холодной войны» получили развитие межрегиональные связи в АТР. Быстро развивающиеся экономики стран АСЕАН, Тайваня, Южной Кореи и Китая создали значительный экономический потенциал и колоссальный по своему объему рынок, чья зависимость от торговли со странами вне региона имеет устойчивую тенденцию к сокращению. В 1995 г. 40% экспорта и импорта (соответственно 516,1 млрд. и 499 млрд. долл.) стран Восточной Азии (Япония, Китай, страны АСЕАН, Тайвань, Гонконг и Южная Корея) пришлось на внутрирегиональную торговлю²².

Во внешней торговле Японии доля экспорта в эти страны в общем объеме выросла с 24,7% в 1986 г. до 42,7% в 1995 г., а доля импорта с 27,8% до 35,1%. Одновременно в регион идет и приток капиталов. Японские прямые инвестиции в Восточную Азию выросли с 18 млрд. долл. в 1984/85 фин.г. до 76,2 млрд. долл. в 1994/95 фин.г., что, однако, составило лишь 16,4% их общего объема. До сих пор свыше 40% японских капиталовложений размещены в США и около 20% — в Западной Европе. Но параллельно с этим растет и вовлеченность США в экономическую жизнь региона.

На долю региона в 1994 г. пришлось 108,4 млрд. долл. американских прямых инвестиций, а инвестиции стран АТР в США составили 117,8 млрд. долл. Объем торговли США с регионом в 1995 г. превысил 400 млрд. долл., что намного больше их торговли с любым регионом мира. Для сравнения в 1995 г. торговля США со всеми странами Европы составила 254 млрд. долл. Все это свидетельствует о том, что США проводят политику активизации своей политики в АТР, а масштабы и емкость регионального рынка пока служат определенной гарантией предотвращения серьезной конкурентной борьбы между ними.

Для Японии США остаются крупнейшим торговым партнером, на чью долю в 1995 г. пришлось 27,3% японского экспорта (121 млрд. долл.) и 22,4% импорта (75,2 млрд. долл.)²³. Хотя проблемы несбалансированности торговли и закрытости японского рынка остаются в центре японо-американских противоречий, можно с уверенностью говорить об устойчивости отношений между двумя странами. Острота конфликта между Токио и Вашингтоном служит благодатным материалом для броских заголовков в га-

²² Подсчитано по: Токэй гэнпо. 1996, № 9, с. 64-67.

²³ Ibidem.

зетах обеих стран, но в реальности японо-американский союз имеет достаточный запас прочности.

В ходе визита президента США Клинтона в Японию в апреле 1996 г. стороны подписали документ «Союз, устремленный в XXI век», декларирующий расширение рамок действия договора безопасности с собственно Японией до всего региона. В рамках визита президента было принято решение о создании двусторонней группы по изучению совместных действий Японии и США в случае возникновения чрезвычайных ситуаций в АТР и 15 апреля подписано Соглашение об оказании взаимной тыловой поддержки вооруженными силами США и Японии.

По оценке командующего вооруженными силами США в Японии генерала-лейтенанта Ричарда Майерса, сторонам будет необходимо согласовать вопросы взаимодействия в случае возникновения конфликта на Корейском полуострове, изучить потенциальную возможность участия Японии в операциях по разминированию, рассмотреть проблемы статуса баз США в Японии²⁴.

Несмотря на существующие противоречия, в первую очередь связанные со статусом американских баз на Окинаве, Япония рассматривает дислокацию американских войск на своей территории как основу собственной структуры безопасности. Япония предоставляет американским войскам казармы, жилье для офицеров и членов их семей, обеспечивает всю инфраструктуру проживания, оплачивает всю рабочую силу, нанятую американцами для обслуживания баз, стоимость электроэнергии, газа и воды. В 1994 г. эти расходы составили 590 млрд. иен (5,9 млрд. долл.), а в 1995 г. 620 млрд. иен. (6,2 млрд. долл.), т.е. до 75% общих расходов на содержание американских войск в Японии²⁵.

Для США Япония — практически бесплатная военная база, позволяющая контролировать Азиатско-тихоокеанский регион, где находится российский Дальний Восток, Китай и КНДР, чьи значительные вооруженные силы, обладающие ракетно-ядерным оружием, являются наиболее вероятным потенциальным противником США, Японии и их союзников.

Союз с Японией позволяет США контролировать процесс развития японского военного потенциала и сохранять ее военную зависимость от Вашингтона. По признанию бывшего посла в Токио М.Армакоста, представители японского флота и авиации в течение многих лет вели «тихую кампанию», пытаясь склонить США к поставкам в Японию вертолетоносцев и самолетов-заправщиков и мотивируя это их необходимостью для вы-

²⁴ Пульс Планеты. 08.05.1996.

²⁵ The United States and Japan in 1995. The Edwin O. Reischauer Center for East Asian Studies, p.51., *Motohide Hashimoto*. Security in Asia. Roles and Tasks for Japan and the United States. IIPS Policy Papers. March 1996, p.5.

полнения задач по патрулированию морских коммуникаций. Однако Пентагон достаточно осторожно отнесся к подобным инициативам японцев, заявив, что США против расширения японских возможностей по проекции силы²⁶.

Другое дело, что существующая система отношений между ними будет претерпевать дальнейшие изменения, вектор которых будет направлен в сторону дальнейшего укрепления более активной роли Японии в военно-политическом союзе между двумя странами. В конечном итоге это может привести к частичному пересмотру японской конституции, результатом чего может стать переосмысление одностороннего характера американских обязательств по защите Японии в сторону принятия той или иной формулы взаимных договоренностей, предусматривающих отражение угроз безопасности не только Японии, но и США и их интересам.

Центростремительным фактором, воздействующим на развитие японо-американских отношений, остается и ситуация на Корейском полуострове. Как в условиях существования угрозы военного конфликта между Севером и Югом, так и в случае пока маловероятного их объединения, США рассматриваются в качестве основной стабилизирующей силы в регионе. В Японии существуют серьезные опасения, что в случае объединения его бремя может полностью подорвать потенциал Южной Кореи и привести к коллапсу экономики единой Кореи, последствия которого могут оказаться непредсказуемыми для Японии. Фактором, объединяющим интересы Японии и США в регионе, остается и военно-политическое будущее двух ядерных держав — Китая и России.

Конец «холодной войны» и распад СССР значительно снизил актуальность тезиса о «советской военной угрозе», лежавшего в основе формирования японской военной доктрины. Однако, вполне определенный уровень противостояния в координатах СССР—США сменился на непредсказуемость экономической и политической ситуации в России, переносимой на будущее военного противостояния в регионе. Несмотря на все разговоры о «стратегическом партнерстве» между Москвой и Вашингтоном, никто не снимал с боевого дежурства стратегические подводные лодки обеих стран, чьи ракеты в случае необходимости могут быть вновь нацелены друг на друга. До тех пор, пока даже ныне существующий уровень российско-американского военного противостояния будет сохраняться, Япония будет делать все возможное для сохранения американского военного присутствия в регионе, тем более, что постоянно существующая угроза усиления националистических тенденций в российской политике не вселяет больших надежд на поступательное развитие российско-японских отношений.

²⁶ *Armacost Michael H. Friends or Rivals? The Insider's Account of U.S.*, p. 89.

Для Японии развал СССР и образование новых государств на его территории в плане политических отношений между Москвой и Токио мало что изменил. По-прежнему основной нерешенной проблемой отношений между двумя странами остается вопрос о принадлежности четырех островов Курильской гряды. Очевидно, что без достижения соглашения по этому вопросу российско-японские связи будут сохранять существующий ограниченный характер. Ситуация почти полувекowego дипломатического тупика, консервирующего застой в отношениях между Москвой и Токио, не вызывает в Японии серьезной озабоченности. Расчет на то, что после решения территориального вопроса и подписания мирного договора Россия займет заметное место среди торгово-экономических партнеров Японии, пока не имеет под собой особых оснований. В 1995 г. японский экспорт в Россию составил 1,15 млрд. долл. (0,3% объема японского экспорта), а импорт 4,74 млрд. долл. (1,4% объема японского импорта)²⁷. В Токио исходят из того, что Россия, даже в условиях высоких темпов роста экономики в советский период не обладавшая значительным внешнеторговым потенциалом, в период экономических реформ и внутривнутриполитической нестабильности не скоро сможет завоевать сколь-либо серьезные экономические позиции в регионе.

В Японии хорошо понимают, что в обозримом будущем шансы на урегулирование территориальной проблемы в условиях роста национализма, постоянно подпитываемого последствиями тяжелого состояния российской экономики, практически равны нулю. Российско-японские отношения достаточно корректны, но четко ограничены рамками существующего территориального конфликта. Россия время от времени демонстрирует, что проблемы четырех Курильских островов не существует, а Япония не спешит развивать добрососедские отношения между двумя странами. Японский бизнес не слишком торопится вкладывать деньги в российскую экономику, ограничиваясь лишь предоставляемой под нажимом своих партнеров по «большой семерке» экономической помощью России и незначительными частными капиталовложениями, которые носят прежде всего характер экономической разведки или продолжения ограниченных торговых связей советского периода.

С чисто военной точки зрения противостоящий Японии военный потенциал России на Дальнем Востоке претерпел значительные сокращения. По японским оценкам, численность вооруженных сил России на Дальнем Востоке в 1993 г. составила 290 тыс. человек по сравнению с 390 тыс. пятью годами ранее, в 1994 г. из состава Тихоокеанского флота исчезли два авианесущих корабля «Минск» и «Новороссийск», проданных на металлолом

²⁷ Токэй гэнпо. 1996, № 9.

в Южную Корею, а число босвых кораблей флота с 1992 по 1996 г., по признанию командующего ТОФ адмирала В. Куроедова, сократилось с 335 до 140 единиц²⁸. Однако, если раньше Японии противостояли мощные силы, находившиеся в системе достаточно предсказуемого советско-американского глобального противостояния, то сегодня диапазон использования значительно ослабленных, но все еще грозных, военных возможностей России не в последнюю очередь зависит от развития не отличающейся чрезмерной стабильностью внутривосточной ситуации.

С восточной точки зрения Япония сама по себе не представляет сколько-либо серьезной угрозы для безопасности России. Ее военный потенциал носит чисто оборонительный характер и не обладает возможностями для проекции военной силы. Вряд ли можно предположить, что Япония решится на использование военной силы для решения территориального спора с Россией. В отличие от территориального конфликта с Китаем, где обе стороны претендуют на необитаемые о-ва Сэнкаку (Дяоюйдао), Южно-Курильские острова де-факто являются территорией России и находятся под охраной российских вооруженных сил. Если в японо-китайском конфликте действия экстремистов, нарушающие существующие договоренности о сохранении статус-кво, приводят к взаимным демонстрациям силы, не исключающим локального столкновения, то любые действия, направленные на силовое решение российско-японского территориального спора, будут рассматриваться как нарушение суверенитета России со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Потенциальной сферой военного столкновения остаются приграничные морские районы, где японские рыболовные суда нередко нарушают границу России. Однако использование Россией силы в последние два года привело к сокращению случаев вторжения с 9,5 тыс. в 1993 г. до 31 в 1995 г. По словам командующего тихоокеанским пограничным округом генерал-полковника В. Седых, в первой половине 1996 г. было отмечено только шесть подобных ситуаций²⁹. И в этом случае не приходится ожидать, что Япония может попытаться использовать силу для защиты кораблей-нарушителей.

Прямое военное соприкосновение вооруженных сил России и Японии возможно в двух основных гипотетических ситуациях: во-первых, в случае вторжения российских войск на территорию Японии или нападения на японские корабли в международных водах; во-вторых, при условии возникновения такого глобального конфликта между Россией и США, который реально угрожал бы интересам собственно Японии.

²⁸ Известия. 06.12.1996.

²⁹ V.I.P. 1996, October, p.64.

Исчезновение «советской угрозы» способствовало появлению нового символа тревоги для военно-стратегического мышления США и Японии. Превращение Китая в экономическую сверхдержаву, обладающую ядерным оружием и наращивающей свой военный потенциал, реально поставило вопрос о будущей роли Пекина в системе международных отношений в целом и в Азиатско-тихоокеанском регионе в частности. В Японии существуют серьезные опасения, что Китай в обозримом будущем может стать фактором, дестабилизирующим обстановку в регионе.

Позиция Японии в отношении Китая определяется как общими с США политическими и военно-стратегическими интересами, так и соображениями, продиктованными культурной общностью и глубокими экономическими связями. Китай, чьи темпы роста ВВП за 1992—1994 гг. составили в среднем 12,9% в год, все реальнее претендует на роль регионального лидера. Япония рассматривает Китай как перспективного торгового партнера и сферу выгодных инвестиций. Только с 1993 по 1995 г. японский импорт из Китая вырос с 20,6 млрд. долл. до 36,1 млрд. долл. (9,3% объема японского импорта), а экспорт увеличился за тот же период с 17,3 млрд. долл. до 22 млрд. долл. (5% объема японского экспорта). Японские прямые инвестиции в Китай на конец 1993 г. достигли 6,2 млрд. долл., или 1,5% их общего объема³⁰.

Япония, чья политическая психология не слишком обременена проблемами прав человека, значительно опережает Соединенные Штаты по уровню развития экономических связей с Китаем. Однако и Токио, и Вашингтон проявляют серьезную озабоченность процессами расширения военной активности Китая в регионе, что связано, с одной стороны, с демонстрацией жесткой позиции Пекина в отношении тайваньского национализма, а с другой — с китайскими претензиями на потенциально нефтеносные морские районы в Южно-Китайском море, через которое проходит 75% японского импорта нефти.

Дестабилизирующим фактором может стать и внутривнутриполитический кризис в Китае, причин для которого более, чем достаточно. Среди них противоречия между социалистической идеологией и практикой свободного рынка, разница в доходах между жителями прибрежных зон и жителями центральных районов, растущая коррупция и другие виды преступности и, наконец, демографическая ситуация. Особые опасения в Японии вызывает возможность массового исхода беженцев в случае возникновения серьезных беспорядков в Китае.

³⁰ Japan. An International Comparison. Tokyo, 1995, p. 55.

Оценивая перспективы развития японского военного потенциала в обозримом будущем, можно предположить, что Япония сохранит союзнические отношения с США, боевая мощь сил самообороны не будет выходить за рамки конституционных ограничений и Вашингтон будет осуществлять фактический контроль над процессом военного строительства Японии.

Япония в АТР: некоторые аспекты современной политики

В.Н.Павлятенко

Официально декларируемая цель японской внешней политики в целом «состоит в реализации национальных интересов» при условиях создания «благоприятного международного окружения» и построения «надлежащих отношений со всеми странами». За этим общим определением стоит стремление к глобализации политики как отражению «соответствия роли и места Японии в мире ее вкладу в развитие международного сообщества». Сообразно с данной реальностью в Токио разрабатываются концепции «поведенческой идентификации» с целью осуществления более независимого и значимого курса на международной арене. Суть нового подхода заключается в том, что Япония — ни восточная, ни западная, а тихоокеанская держава. С геополитической точки зрения это определение является более весомым, отвечающим «реальной роли Японии в мире» в целом и в АТР в частности. По словам видного японского политолога, профессора Токийского университета Т.Иногути, «мы не можем быть такой же неотъемлемой частью Азии, какой себя чувствуют некоторые азиатские страны. Нам нужны Северная и Латинская Америка и Западная Европа».

Вместе с тем на уровне практической политики Япония менее амбициозна и определяет вполне умеренные конкретные направления своей деятельности на ближайшую перспективу. Согласно заявлению бывшего министра иностранных дел Японии Ё.Коно «оси координат» японской дипломатии включают в себя три «концентрических круга»:

- отношения сотрудничества с США, а также с соседними странами — КНР и Республикой Корея;
- отношения со странами «единого образования Азиатско-тихоокеанского региона»;
- отношения в глобальном масштабе, включая «большую семерку» и ООН.

Таким образом, несмотря на активное декларирование в последние годы стремления к глобализации всеобъемлющей политики и интернационализации экономики в рамках всего международного сообщества, основной упор во внешней политике Японии делается на Восточную Азию и Азиатско-тихоокеанский регион в целом.

* * *

Окончание «холодной войны» на глобальном уровне имело свое позитивное воздействие на военно-политическую обстановку и в АТР. Советско-американская разрядка дополнилась значительным улучшением советско-китайских отношений, установлением дипломатических отношений СССР с Республикой Корея, нормализацией отношений Китая с Вьетнамом и Индонезией, определенными временными позитивными сдвигами на Корейском полуострове, установлением контактов Вашингтона и Токио с Пхеньяном и др.

Однако очевидные позитивные сдвиги не изменили в целом сложной внешнеполитической обстановки в регионе в результате сохранения потенциально дестабилизирующих факторов, которые находились на втором плане в период жесткого советско-американского противостояния в АТР. К макрофакторам можно отнести отсутствие в регионе формальных основ создания региональной многосторонней системы безопасности и наличие глубоко укоренившегося взаимного недоверия между региональными партнерами, обусловленного как историческими моментами, так и внешним реальным весом каждого из них в военно-политической и экономической жизни АТР в целом. К микрофакторам следует отнести такие очевидные реальности, как территориальные споры, этно-конфессиональные конфликты, проблема распространения оружия массового поражения, противоречия, оставшиеся со времен «холодной войны», новые «вызовы» в виде экологических, демографических проблем и др. В суммарном виде указанные макро- и микрофакторы вызвали появление опасений в отношении «вакуума силы», который может перечеркнуть все позитивные последствия окончания «холодной войны» и привести к еще большей напряженности в регионе, чем прежде. Эта обеспокоенность усиливается наметившейся тенденцией новой гонки вооружений в регионе вследствие наращивания военной мощи

некоторыми региональными государствами, прежде всего КНР и в известной мере АСЕАН. Такое развитие внешнеполитической ситуации в АТР на современном этапе дает основания некоторым региональным аналитикам считать, что «холодная война в регионе не прекращалась».

Сложная обстановка в регионе, перемены во внутривнутриполитической жизни Японии и затянувшийся спад в ее экономике — все это отразилось на подходах Токио к проблемам собственной и региональной безопасности и обусловило разнообразие мнений в японских политических и академических кругах по данным вопросам.

Позиции Японии в отношении собственной военной безопасности не являются предметом исследования данной статьи. Следует лишь подчеркнуть, что в настоящее время в Японии заметно возросло число сторонников, выступающих за радикальные изменения в подходе к вопросу «совершенствования военной мощи», пересмотр роли японо-американского договора безопасности, решение проблемы присутствия американских войск на территории Японии и др. Эта тенденция пока носит академический характер, поскольку «затеняется» официальной позицией и реальной политикой правительства, которое в качестве базовой концепции обеспечения военных аспектов национальной безопасности продолжает опираться на договор безопасности и признание необходимости военного присутствия Соединенных Штатов на территории Японии.

В последнее время отмечаются определенные изменения в позиции японской стороны, которые прежде всего касаются признания самого факта возможности обсуждения и разработки концептуальных основ создания многосторонней региональной системы безопасности. Новизна позиции состоит в том, что, по-видимому, в японском истеблишменте начинают склоняться к мнению о «непрочности американской крыши» в наступающем столетии. Другим побудительным моментом является стремление Токио не только откликнуться на реальную политику региональных стран в этом вопросе, но и тем самым повысить степень их доверия в отношении политики Японии, в частности к ее военной политике.

С 1990 г. Япония на официальном уровне начала выступать с предложениями о необходимости проведения неформальных дискуссий по проблемам региональной безопасности, признавая важность широкого диалога и сотрудничества и предлагая для этого использовать имеющиеся региональные организации — АСЕАН, АТЭС, КТЭС. В июле 1991 г. на совещании министров иностранных дел АСЕАН бывший министр иностранных дел Японии Т.Накаяма выступил с предложением использовать ежегодные конференции министров стран-членов АСЕАН и других региональных государств для обсуждения вопросов региональной безопасности и создать для этого подготовительную рабочую группу из высокопоставленных со-

трудников МИД стран-членов АСЕАН. Предложение японского министра было встречено довольно прохладно. Вашингтон опасался, что данное предложение может нанести ущерб системе двусторонних военных союзов США с региональными странами. Последние в свою очередь скептически отнеслись к «революционной идее» Японии, поскольку Т.Накаяма не назвал в качестве будущих партнеров КНР и СССР, с которыми АСЕАН стремилась развивать взаимовыгодный диалог.

Несмотря на неудачу, инициатива свидетельствовала о желании Японии играть активную роль в создании региональной системы безопасности. В то же время выступление Т.Накаяма стало отправной точкой в процессе концептуальных поисков в области региональной безопасности общественно-политическими кругами Японии.

В апреле 1992 г. по указанию премьер-министра К.Миядзава для выработки концепции японской политики в области безопасности в АТР на частной основе был создан специальный консультативный орган, а в июне того же года К.Миядзава в своем выступлении в Вашингтоне уже изложил основополагающие подходы японского руководства к проблемам безопасности в АТР. Он, в частности, подчеркнул готовность Японии играть «новую роль в Азии», сотрудничать с США «в глобальных делах», активно участвовать в деле обеспечения азиатской безопасности, учитывая мнение региональных стран, опасющихся возрождения милитаристских устремлений Японии, и признавая, что США и впредь будут жизненно важным гарантом «мира и процветания в регионе». Одновременно японский премьер выступил с предложением о «двухколейном подходе» к региональной безопасности: «субрегиональное сотрудничество по нейтрализации и улаживанию конфликтов и общерегиональный политический диалог для обеспечения чувства взаимной уверенности». В дополнение К.Миядзава призвал к активизации участия КНР и России в региональном сотрудничестве по вопросам безопасности (т.е. были учтены «недостатки» предложения Т.Накаяма).

Предложения премьер-министра были конкретизированы в так называемой «доктрине Миядзава», с которой он выступил в ходе поездки по странам АСЕАН в январе 1993 г. и которая, по общему признанию, стала развитием основных положений «доктрины Фукуда» на базе тщательного анализа интересов Японии на современном этапе и выработки рекомендаций для осуществления комплексной политики в отношении стран Восточной Азии и АТР в целом. Доктрина предусматривала развитие четырех основных направлений политики Японии в регионе:

- активное участие в создании нового порядка в сфере гарантий безопасности стабильного развития в АТР;

- дальнейшее углубление открытости экономики АТР и содействие жизнеспособному экономическому развитию региона;

— совместная с региональными странами борьба «за развитие демократии, достижение гармонии между экономическим развитием и сохранением окружающей среды»;

— сотрудничество с АСЕАН в деле построения мира и процветания Индокитая.

Многие аналитики однозначно оценили «доктрину Миядзава», в которой подчеркивалась необходимость для Японии и АСЕАН «совместно думать и совместно действовать» при создании многосторонней системы безопасности с неперменным участием США, как стремление Японии к повышению ее политической роли в АТР за счет углубления сотрудничества с АСЕАН.

Вместе с тем следует отметить, что предпринимаемые шаги по реализации «доктрины Миядзава» в последующие годы вплоть до сегодняшнего дня представляют собой «политику от малого к большому». С учетом всей сложности современной внешнеполитической обстановки в регионе, японские стратеги, не отказываясь от конечной цели, считают более реалистичным субрегиональный подход к решению политических вопросов и проблем региональной безопасности, а создание общерегиональных структур безопасности они относят к будущему. По оценкам американских экспертов, такой подход обеспечивает Японии более активную, а в некоторых случаях и лидирующую ее роль в решении конкретных проблем субрегиональной безопасности: например, в Камбодже, на Корейском полуострове и др.

Подготовка Японии к завоеванию лидирующей роли в регионе осуществляется на широком фронте внешнеполитической деятельности, в том числе и в ООН. Япония настойчиво стремится получить место постоянного члена СБ ООН. В частности, в докладе «мозгового треста» Либерально-демократической партии «Состояние дипломатии Японии» подчеркивалась настоятельная необходимость в случае избрания Японии постоянным членом Совета Безопасности создать «низовые» организации СБ в каждом регионе мира, а штаб такой организации в Азии разместить в Японии, что позволило бы ей «с полным правом» взять на себя лидерство в западной части Тихого океана. (Доклад не был опубликован из опасения «взбудоражить соседние государства». Однако его наличие само по себе свидетельствует о многовариантных разработках региональной стратегии на близкую и среднесрочную перспективу.)

Характерной особенностью политики Японии по подключению к процессу формирования региональной системы безопасности на коллективной основе являются ее попытки выработать меры доверия на двустороннем уровне, прежде всего с мощными потенциальными противниками — КНР и Россией. В 1994 г. были проведены первые «исторические» кон-

сультации по вопросам безопасности представителей военных ведомств Японии и Китая.

Состоялись и первые встречи между военными экспертами Японии и России, которые выявили высокую политизированность позиции представителей Управления национальной обороны Японии (УНО). Это связано прежде всего с достаточно жесткой позицией всех японских кабинетов в отношении России, обусловленной «территориальным вопросом». Кроме того, японская сторона старается по возможности избегать «опрометчивых шагов», которые бы наносили ущерб японо-американским отношениям в области безопасности, поскольку вызывали бы «излишние подозрения» у американского партнера по поводу контактов Японии и России в военной области.

Вместе с тем, судя по опубликованным проектам программных документов, Япония будет более активно проводить курс на расширение консультаций и военных контактов с региональными странами. Согласно разработанному в 1995 г. УНО «Основному курсу» («Кихон хосин») «диалог — важное средство улучшения атмосферы» в области обеспечения региональной безопасности. В качестве конкретных мер выделяются такие мероприятия, как взаимные визиты высокопоставленных руководителей вооруженных сил, обмены преподавателями и слушателями военных учебных заведений и академий, научные связи, взаимные визиты военных кораблей и авиаотрядов, приглашения наблюдателей на военные учения, участие в операциях ООН по поддержанию мира, совместные учения и операции по оказанию гуманитарной помощи и т.д. Одновременно в «Основном курсе» ставится цель способствовать повышению степени «прозрачности» военной политики и оборонных бюджетов региональных стран, заключить соглашения о предотвращении инцидентов на море и в воздушном пространстве. Что касается России, то в «Основном курсе» отмечается необходимость продолжения диалога, однако его осуществление планируется проводить осторожно, в тесном контакте с США. Диалог должен развиваться в русле политики японского правительства, прежде всего в отношении такой проблемы, как «северные территории».

Таким образом, оценивая современную политику Японии в вопросе создания региональной системы безопасности, необходимо подчеркнуть следующее. Участвуя в процессах формирования в АТР коллективной системы безопасности, Япония стремится подготовить позиции к завоеванию лидирующей политической роли в регионе. В наиболее продвинутой и открытой форме это стремление отражено в теоретических разработках, как опубликованных, так и закрытых, которые сами по себе могут и не отражать официальной линии. На уровне же практической политики принимается все для того, чтобы участие Японии в организации «нового

политического порядка» выглядело «естественным и адекватным». Характерно, что подчеркивая приверженность японо-американскому военно-политическому союзу, японская сторона в последнее время добивается более тесного сотрудничества с региональными странами (прежде всего с АСЕАН), которые играют роль «локомотива» в вопросах формирования структур региональной коллективной безопасности. Тем самым Токио пытается, с одной стороны, увеличить «потенциал доверия» к Японии со стороны малых стран, которые в своих политических целях продолжают использовать «печальное прошлое» в азиатской политике Японии, а с другой — создать предпосылки для ее «естественного вхождения» в роль регионального политического лидера в среднесрочной перспективе.

* * *

За последние 30 лет АТР пережил три волны экономического развития. Первая — экономические успехи Японии в 60-е годы при ежегодных темпах роста ВВП более чем на 10%, которые оказали стимулирующее влияние на развитие региональной экономики в целом. Вторая — бурный экономический подъем в 70-е годы в новых индустриальных странах (НИС) за счет создания экспортноориентированной модели развития с помощью иностранных капиталов и технологии, среди которых львиная доля принадлежала Японии. И в настоящее время темпы роста экономик НИС более чем в 2 раза превосходят аналогичные показатели развитых стран. Третья — успешное развитие в 80-е годы экономик стран АСЕАН, обусловленное теми же факторами, которые действовали и в НИС. Вместе с тем новизна явления заключается в том, что наряду с японским капиталом в качестве стимулятора экономического роста в АСЕАН выступает и капитал НИС, составляя в известном смысле конкуренцию Японии.

В недалеком будущем АТР предстоит пережить еще две волны экономического роста: бурное развитие приморских и южных китайских провинций и перспективы формирования «большого Китая» (в составе КНР, Тайваня и Гонконга), а также экономический расцвет стран Индокитая в связи с их переходом на принципы рынка и открытости внешнему миру.

В «волнообразном» развитии региона существует одна жестокая закономерность — в основе второй и третьей волн лежат японские капиталы и технологии, которые на каждом последующем этапе дополняются ресурсами НИС, АСЕАН, Китая (в преобладающей степени зарубежных китайцев-хуацяо). Региональные эксперты назвали такую модель развития в регионе «строем летящих гусей», который возглавляет Япония.

Одним из главных результатов реализации «восточно-азиатской» модели развития стало расширяющееся взаимное сотрудничество региональных

стран в сферах капиталовложений, торговли, обмена технологиями, что создает реальные предпосылки для формирования в АТР единого экономического пространства. Япония в этом процессе объективно играет лидирующую роль. Во-первых, повышение курса иены после 1985 г. привело к активизации перевода японских производственных мощностей в регион и соответственно расширению японского экспорта в АТР. Во-вторых, нарастает тенденция к снижению роли американского рынка для АТР и повышению роли внутрирегионального рынка, прежде всего японского. Таким образом, в рамках «треугольника» США — Япония — АТР развивается процесс перераспределения ведущих ролей, суть которого сводится к постепенному снижению зависимости региональных стран от рынка США и к переориентации на японский рынок, что влечет за собой «естественное вытеснение» США из региона (пока только в экономической сфере).

На сегодняшний день официальная помощь Токио на нужды развития региональной экономики составляет более 50% ее общего объема, а США — 6%; японские прямые частные капиталовложения в экономику стран Восточной Азии достигли 30%, а американские — 10%. Картина дополняется таким объективным фактом, как рост дефицита США в торговле не только с Японией, но и с рядом региональных государств.

Одна из характерных особенностей — повышение значимости японского рынка для производителей АТР и соответственно увеличение темпов роста объемов торговли Японией с региональными партнерами по сравнению с аналогичным показателем ее торговли с США, что свидетельствует о снижении зависимости Японии от американского рынка. Согласно статистическим данным министерства финансов торговля Японией со странами Восточной Азии за последние 10 лет более чем утроилась и ее объем в 1994 г. достиг 243,4 млрд. долл., или 36,3% общего объема внешней торговли Японии (в 1985 г. — 24,7%). За тот же период японо-американская торговля лишь удвоилась, достигнув в 1994 г. 180,2 млрд. долл., т.е. 26,9% внешнеторгового оборота Японии (в 1985 г. — 29,8%).

Наиболее заметный структурный сдвиг произошел в японском экспорте. В 1994 г. японский экспорт в страны Восточной Азии составил 38,6% общего объема, а в США — 29,7% (в 1985 г. соответственно 24,1 и 37,2%). С 1985 по 1994 г. японский экспорт в НИС увеличился с 22,5 млрд. долл. до 93,5 млрд. долл., а в страны АСЕАН — с 11,3 млрд. до 60,4 млрд. долл. По оценкам экспертов японского Центра тихоокеанских исследований Института Сакура, значительный рост торговли с регионом отражал стремление японских компаний к глобализации их деловых операций.

Импорт из НИС в указанное десятилетие утроился, достигнув в 1994 г. 31,1 млрд. долл.; для Китая аналогичные показатели составили в 1985 и

1994 г. соответственно 6,5 млрд. и 27,6 млрд. долл. Доля готовой продукции в японском импорте в 1994 г. увеличилась до 55,2%, а в 1995 г. — до 60%.

Экспорт Японии в страны Восточной Азии значительно превосходит ее импорт из них. Положительное сальдо Японии в торговле со странами Восточной Азии в 1994 г. составило 62,2 млрд. долл. (в 1985 г. — 9,2 млрд. долл.), из которых 22,5 млрд. приходилось на долю стран АСЕАН.

Однако проблему торгового дефицита азиатских стран, которая может иметь нежелательные политические последствия для Японии, разрешить труднее, нежели аналогичную проблему в отношениях с США. Некоторые специалисты полагают, что последняя может быть в значительной мере разрешена за счет долгосрочной политики в отношении сильной иены. Но попытки сбалансировать торговлю Японии с регионом вряд ли будут иметь позитивный эффект, поскольку японское положительное сальдо не уменьшилось даже при самом высоком курсе иены в 1995 г. Сильная иена, которая теоретически могла бы ослабить конкурентоспособность японских товаров за рубежом, не обязательно воздействует на экспорт Японии в страны Восточной Азии, так как он в основном состоит из комплектующих деталей, необходимых для производимой в регионе продукции. По словам директора отдела стран Азии и Океании Института внутренних инвестиций и развития, который считается «мозговым трестом» Экспортно-импортного банка Японии, «вне зависимости от стоимости потребителя в Азии будут вынуждены покупать комплектующие детали в Японии, поскольку больше нигде не смогут их приобрести».

Таким образом, результатом стратегии Японии в регионе, вырабатываемой с тщательным учетом особенностей каждого отдельного этапа развития всеобъемлющей ситуации в АТР (состояние экономик региональных государств, их внутривнутриполитическое положение и тенденции во внутри- и внешнеполитической и экономической стратегии), а также собственных реальных и потенциальных возможностей, стало создание объективных условий зависимости азиатских стран от Японии в области их экономического развития. Этот очевидный факт является одним из краеугольных камней в политике Японии в АТР по укреплению ее собственных позиций и реализации национальных интересов.

Особенность японской стратегии на глобальном уровне и в АТР, в частности, состоит в тесном взаимодействии государства и частного капитала, основной формой завоевания рынков которого являются прямые инвестиции.

В результате жесткой конкурентной борьбы к сегодняшнему дню в целом определились «зоны влияния» американского и японского частных капиталов в регионе, а также частного капитала НИС. Основным объектом

инвестиционных интересов японских предпринимателей на современном этапе стали Индонезия, Малайзия, Филиппины, Таиланд и Китай. В 1994 г. доля АТР в общем объеме прямых инвестиций Японии составила 23,6% (в 1985 г. — 11,8%), или около 10 млрд. долл. Прямые инвестиции японского капитала в регионе в 1994 г. впервые за последние 11 лет превзошли аналогичные показатели по Западной Европе. По данным министерства финансов Японии, по числу японских инвестиционных проектов в производственной сфере Восточная Азия опередила США, где японский капитал инвестируется главным образом в технологические разработки.

Рост прямых инвестиций японских корпораций в их «зоне влияния» обусловлен рядом объективных причин: во-первых, ростом иены с начала 1993 г.; во-вторых, предоставлением странами АСЕАН льготных условий для прямых капиталовложений (в 1994 г. Индонезия, например, разрешила создание компаний со 100%-ным иностранным капиталом); в-третьих, изменениями в формах капиталовложений. Рыночные преобразования привели как к росту региональных экономик, так и к расширению слоя представителей среднего класса и их покупательной способности. В результате японские компании стали работать над созданием производственной системы, ориентированной на внутрорегиональное потребление. Этот шаг с учетом тенденций к созданию «зоны свободной торговли АСЕАН» направлен на сохранение конкурентоспособности за счет снижения стоимости производимой продукции. По оценкам экспертов Института внутренних инвестиций и развития, начиная с 1991 г. японские инвестиции используются для того, чтобы продукция региональной промышленности экспортировалась в большей мере на японский рынок, нежели на рынки третьих стран. Такой подход является другой формой «привязки» региональных экономик к Японии, что также способствует укреплению ее региональных позиций в сфере экономики, а в перспективе — в политической области.

Таким образом, в Азиатско-тихоокеанском регионе складывается качественно новая обстановка, в которой «японский локомотив» становится основным с точки зрения динамизации экономического развития региона. Значительность вклада Японии состоит в следующем: во-первых, с ее помощью и при ее активном участии в регионе запущен «самоциркулирующий экономический механизм», когда товары и деньги циркулируют среди самих региональных стран; во-вторых, в результате действия указанного механизма в целом экономика АТР, которая отличалась уязвимостью извне, стала приобретать способность к быстрому восстановлению, к противостоянию внешним переменам и в конечном итоге к самодостаточности. Все это, несомненно, укрепляет позиции Японии в регионе.

Подобная стратегия Японии естественным образом приводит к столкновению с интересами США, которые в послевоенный период были безуслов-

ным и единственным лидером в АТР. Вместе с тем следует подчеркнуть, что по мере развития региональных государств и укрепления их экономической мощи в АТР стала «вызревать третья сила» в лице «регионального сообщества», наиболее активным звеном которого выступают страны АСЕАН и в известной мере государства НИС и Китая. Последний по всем объективным параметрам претендует на роль регионального лидера в XXI в. Характерная особенность нынешней ситуации состоит в попытках этой «третьей силы» реализовать конкретные мероприятия, которые, с одной стороны, будут вести к «росту глобальной значимости» региона в целом, а с другой — к дальнейшему ослаблению позиций США в АТР. Речь идет прежде всего о региональном предложении по созданию Восточно-азиатской экономической группировки (ВАЭГ) и ее «мягкого» варианта Восточно-азиатского экономического сообщества (ВАЭС).

Концепция ВАЭС была выдвинута в 1991 г. премьер-министром Малайзии и воспринята большинством экспертов по региональным проблемам как «ответ на формирование Североамериканского и Западно-европейского торговых блоков» и перспективы их влияния на ситуацию в АТР. Стратегической целью ВАЭС является создание «регионального инструмента отстаивания интересов», необходимость которого обуславливалась инициаторами концепции следующими положениями:

- во-первых, с целью формирования единого регионального фронта для отстаивания гарантий открытости международной торговли и ее либерализации;

- во-вторых, для координации экономической политики, с тем чтобы ускорить процессы экономического развития каждого отдельного субъекта региона;

- в-третьих, для того чтобы сконцентрировать усилия в борьбе против протекционистских тенденций в мире, рост которых ставит в невыгодное положение развивающиеся экономики региона по отношению к развитым экономикам стран Северной Америки, Западной Европы и даже Латинской Америки.

Важным обстоятельством является то, что, по мнению авторов концепции, ВАЭС будет совершенно нежизнеспособна без подключения к ней потенциала Японии. Это и определяет ключевую роль страны в будущем сообществе. Причем подчеркивается, что лидирующая роль Японии обуславливается ее потенциалом как инвестора и емкого рынка.

Создание ВАЭС в АТР во многом приближает стратегическую цель Японии играть де-юре лидирующую роль в регионе. Набирающие динамику процессы экономической интеграции в Восточной Азии создают реальные предпосылки для формирования торгово-экономического сообщества, в рамках которого появляются перспективы использования иены в качестве

основной валюты в торгово-финансовых операциях, а следовательно, формирования иеновой зоны и снижения роли доллара со всеми вытекающими из этого последствиями.

Проблема подключения Японии к ВАЭС и активизации ее шагов по достижению стратегической цели в рамках этой региональной организации — общепризнанного лидерства в АТР — является исключительно сложной для японских политиков. С одной стороны, лестное предложение авторов концепции к Японии возглавить «истинно азиатское сообщество» находит поддержку среди ряда японских аналитиков, которые видят в ВАЭС инструмент укрепления позиций своей страны в треугольнике США — Западная Европа — Япония. С другой стороны, Токио не без оснований опасается, что его членство в ВАЭС «может взорвать» японо-американские отношения в целом, поскольку авторы концепции не включают США в это сообщество.

С момента выдвижения концепции и до сегодняшнего дня в политических и деловых кругах нет единства мнений в отношении ВАЭС. Вместе с тем следует указать на одну особенность в позиции Японии. Если в 1991 г. официальная реакция Токио на жесткую концепцию ВАЭГ была резко отрицательной, то позднее его отношение к «мягкой» концепции ВАЭС отличалось меньшей категоричностью. Более того, Япония однозначно высказалась в поддержку предложения Таиланда о создании в АСЕАН зоны свободной торговли (ASEAN Free Trade Area — AFTA). По оценкам экспертов, в результате введения этой зоны японские компании получают мощный стимул для инвестиций в АСЕАН и появится возможность разрабатывать единую инвестиционную и торгово-сбытовую стратегию в рамках довольно емкого рынка. Следует подчеркнуть, что многие аналитики в Японии и в регионе в целом рассматривают создание зоны свободной торговли как «пролог» к реализации концепции ВАЭС.

Таким образом, на современном этапе в Восточной Азии развивается тенденция к созданию субрегионального экономического образования, в котором для Японии отводится центральная роль. Это обстоятельство отвечает долгосрочной стратегии Токио в АТР и формирует солидную базу для реализации его национальных интересов в регионе в XXI в.

Главным препятствием на пути к принятию Японией решения о переориентации внешнеполитического и внешнеэкономического курса на АТР являются опасения «нанести непоправимый ущерб» японо-американским отношениям. США остаются и будут оставаться в обозримой перспективе одним из основных торговых партнеров Японии, источником передовых технологий, одним из самых емких рынков товаров и инвестиций. Соединенные Штаты в условиях изменения баланса сил в регионе после окончания «холодной войны» будут продолжать оставаться единственным га-

рантом военно-политической безопасности Японии. Эти и другие обстоятельства будут решающим образом определять ее отношение к любым региональным концепциям экономического сотрудничества.

Вместе с тем политическое руководство страны будет весьма внимательно следить за развитием интеграционных процессов в Восточной Азии и процессами развития североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА) и западно-европейского экономического союза. С учетом нынешних тенденций в развитии мировой торговли и экономики нельзя исключать, что за определенной гранью усиления протекционизма в Северной Америке и Западной Европе, который будет угрожать жизненным интересам Японии, руководство последней может принять решение о создании под своей эгидой жесткого экономического блока в Восточной Азии, даже несмотря на многоплановую объективную зависимость от США. Такой вариант развития региональной ситуации не исключен. Вместе с тем в близкой перспективе наиболее вероятным вариантом будет стремление Токио к расширению экономического проникновения в Восточную Азию и дальнейшему укреплению позиций «постепенно, шаг за шагом». Новой характерной деталью стратегического курса Токио в Восточной Азии, совершенно очевидно, станет активизация участия в формировании многосторонней региональной системы безопасности.

* * *

С точки зрения прогнозирования многовариантной политики Японии в Азиатско-тихоокеанском регионе следует учитывать тенденции в разработке концептуальных основ такой политики в среде японских влиятельных политологов и политической элиты. Заметно возросла активность довольно значительной и влиятельной группы представителей политических, деловых и научных кругов, пытающихся найти пути национальной идентификации. Они выдвигают идею так называемой «азиатизации» политики Японии, основываясь при этом на «социальной и культурной близости» страны с регионом и на эволюции ее экономических интересов. Выступая с единой целью, представители указанной группы в то же время предлагают различные варианты ее осуществления.

«Интеграционисты» выступают за углубление интеграции между «японской политикой» США и «азиатской политикой» Японии, считая исключительно важным для позиций последней в Восточной Азии сохранение заинтересованности США в «оживлении» их присутствия и «защиты» интересов в регионе. Японии следует поддерживать США в их стремлении обеспечивать «права человека и процессы демократизации» в регионе и взять на себя еще большую долю по содержанию американского военного

присутствия на японской территории. «Интеграционисты» твердо выступают против любых попыток «отделить» США от АТР, поддерживают идею создания азиатско-тихоокеанского сообщества и категорически возражают против формирования любого вида восточно-азиатской группировки без участия США.

«Реставраторы» ратуют за «ключевую роль» Японии в процессе «реставрации Азии». Как единственный представитель Восточной Азии в «большой смерке» Япония могла бы играть «уникальную роль» в наведении моста через «политическую и культурную пропасть» между США и странами Восточной Азии. В политической сфере, например, Япония могла бы убедить Соединенные Штаты с большим пониманием относиться к дилемме между экономическим развитием и политической стабильностью в региональных странах и только с учетом этого обстоятельства реализовывать свою политику прав человека применительно к Восточной Азии, поскольку в долгосрочной перспективе «азиатский путь к демократии» более эффективен, чем «сомнительные шаги постсоветской России», предпринятые в этом направлении. В экономической сфере Япония может акцентировать внимание на достоинствах «азиатской модели развития», основанной на взаимодействии государства и частного капитала, против чего выступают Всемирный банк и многие американские политические деятели и экономисты, исповедующие монетаристский подход к развитию. Как и «интеграционисты», представители данной группы признают основные принципы либеральной демократии и рыночной экономики, но одновременно они считают, что Западу необходимо учиться у Востока. В противоположность «интеграционистам» «реставраторы» поддерживают идею премьер-министра Малайзии Мохатхира о создании восточно-азиатской экономической группировки, поскольку, по их мнению, это может оказаться «стоящим делом», если оно будет осуществляться в более широких рамках АТР.

«Максималисты» полагают, что поскольку процесс отчуждения и охлаждения между Японией и США является фактически неизбежным и вполне здоровым явлением, первой следует ослабить свою зависимость от Соединенных Штатов и во внешней политике в большей мере опираться на Восточную Азию.

В настоящее время основная дискуссия протекает между «интеграционистами» и «реставраторами». По мере укрепления экономических связей Японии со странами Восточной Азии влияние «реставраторов» будет усиливаться. Что же касается роста влияния «максималистов», то он возможен лишь в случае, если японо-американские отношения будут ухудшаться из-за усиления напряженности в двусторонних экономических связях в сочетании с ослаблением военных обязательств США как союзника Японии.

Влияние академической и политической элиты на процесс принятия решений продолжает оставаться важным фактором внутривнутриполитической жизни Японии. Вместе с тем не менее важным фактором является и общественное мнение — «настроение нации». Несмотря на то что «фактор общественного мнения» носит в известной мере искусственный характер и используется правящими и оппозиционными силами в качестве «общественного политического инструмента» для достижения собственных политических целей, тем не менее в политической жизни Японии с ее демократическими принципами он играет определенную роль и его следует учитывать в прогностической матрице.

Ежегодные опросы общественного мнения, проводимые службой премьер-министра, свидетельствуют, что большинство опрошенных продолжают выступать за тесные отношения с США. Вместе с тем, аналогичные опросы, проведенные газетой «Иомиури», характеризуются менее позитивными результатами. Так, число японцев, считающих, что США можно доверять, снизилось в 1993 г. до 45% по сравнению с 56% в 1991 г.

Наиболее впечатлительными являются результаты опросов, проведенных специалистами Института международных отношений Софийского университета (Токио) с разрывом в 20 лет — в 1972 и 1992 гг. Так, в 1972 г. среди государств, представляющих наибольшую угрозу Японии, респонденты ставили США на третье место (СССР — первое, КНР — второе), а в 1992 г. США были поставлены на первое место (!). По результатам опросов, в 1972 г. 32% считали, что сохраняя хорошие отношения с США, Японии не следует идти на поводу у Соединенных Штатов в вопросах экономики, поскольку у нее есть собственные интересы; в 1992 г. этот показатель составил уже 42%. В то же время число японцев, которые полагают, что Японии следует развивать более тесные экономические связи со странами Азии без учета отношений с США, несколько сократилось — соответственно с 18 до 12%.

Несмотря на активизацию национальной дискуссии в отношении «азиатизации» внешнеполитического курса Японии, в настоящее время японское общество, видимо, еще не готово выступить с какими-либо альтернативами. Так, например, если согласно опросам службы кабинета министров число респондентов, испытывавших большое «чувство близости» с китайцами составляло около 70%, как и с США, то после «тяньаньмэньского инцидента» в 1989 г. этот показатель сократился до менее чем 50%. А по данным опросов газеты «Иомиури», после 1989 г. резко уменьшилось число японцев, рассматривавших Китай в качестве государства, которому «можно доверять».

Еще менее позитивно относятся японцы к Республике Корея. По данным службы кабинета министров, только 40% японцев испытывают чув-

ство близости к Южной Корее. Кроме того, как показывают опросы газеты «Иомиури», по сравнению с КНР значительно меньше опрошенных считают, что Республике Корея можно доверять. В 1993 г. Китай и Республика Корея среди государств, которым можно доверять, занимали восьмое и девятое места (вслед за США, Великобританией, Австралией, Германией, Францией, Канадой и Швейцарией).

В отношении СССР (опросы проводились до его распада) мнение японской общественности традиционно было негативным. Вместе с тем в контексте событий в начале 90-х годов отмечались заметные колебания. В 1991 г. 25,4% японцев считали, что СССР можно доверять. Этот показатель упал до 15,2% после отмены визита в Японию российского президента.

Необходимо подчеркнуть, что отношение японцев к соседним нациям вырабатывается под воздействием не только объективных обстоятельств развития политической и социально-экономической ситуации в регионе, но и в значительной степени такого субъективного момента, как отношение других наций к самим японцам. В этом плане следует отметить, что и китайцы, и в еще большей степени корейцы не могут забыть Японии военного прошлого и их отношение к ней формируется именно под прессом этих воспоминаний. «Негативизм военного прошлого» выражается крайне осторожно, нередко используется в политических целях. Однако японская общественность знает об этом факторе и он играет не последнюю роль в формировании ее собственного отношения к своим соседям.

Таким образом, в своем желании приобрести большую от США независимость в политическом плане, самостоятельность крупной политической региональной и глобальной державы Япония на сегодняшний день продолжает оставаться ограниченной в выборе партнеров. С США она хотела бы дистанцироваться, а с региональными странами не может по-настоящему сблизиться в силу объективных обстоятельств прошлого. Кроме того, региональное лидерство — политическое и экономическое — стало предметом «заботы» и других государств, прежде всего Китая, в состязании с которым Япония может составить ему конкуренцию только в экономическом плане, а этого не достаточно для «полнокровного лидерства». Подобное обстоятельство заставляет Японию сохранять союзнические отношения с США, и единственное, что она может себе сегодня позволить, это дискутировать о необходимости проведения «самостоятельной и независимой» внешней политики как в регионе, так и на глобальном уровне. Такая ситуация, как представляется, сохранится до конца текущего столетия.

Вместе с тем на сегодняшний день существуют серьезные предпосылки к тому, что в среднесрочной перспективе может быть создана платформа для углубления политических взаимоотношений между Японией и страна-

ми Азиатско-тихоокеанского региона, на основе которой может развиваться наиболее радикальная стратегия «азиатизации» внешней политики Японии. В основе такого прогноза лежат две достаточно очевидных тенденции современного этапа:

- расширение и углубление экономических связей Японии со странами Восточной Азии;

- ослабление экономического воздействия США в регионе.

По целому ряду причин политического и экономического характера японские предприниматели все чаще уже не рассматривают рынок США в качестве приоритетного с точки зрения расширения экспорта и инвестиций. Сохраняя свою долю американского рынка, они с конца 80-х годов резко увеличили прямые инвестиции в страны АТР. И хотя абсолютные показатели свидетельствовали о приоритете североамериканского рынка, существовало важное отличие: в 1993 г. прямые японские инвестиции в производство стран АТР составили 55,1%, в то время как аналогичный показатель для Северной Америки составил 27,1%. В 1991 — 1993 гг. общий объем японских инвестиций в регионе достиг 26 млрд. долл., а американских — только 15 млрд. долл.

Изменились количественные и качественные характеристики японских инвестиций в АТР. Наряду с крупными корпорациями, переносящими производство в регион и получающими прибыль от дешевого труда, мелким и средним бизнесом создается широкая сеть по реализации продукции и субподрядчиков на местах. Таким образом, японские инвестиции не только стимулируют развитие национальных экономик в целом, но и ставят эти экономики в определенную зависимость от менеджмента, оборудования и технологии Японии. Во внешнеторговом плане регион стал главным партнером Японии, опередив США. В настоящее время доля японского экспорта в АТР превышает аналогичный показатель США.

Однако все сказанное выше не дает оснований говорить о стремлении Японии к созданию замкнутой региональной экономической системы под ее руководством. Соединенные Штаты продолжают оставаться крупнейшим импортером из Японии и АТР в целом, а Япония сохраняет положительное сальдо в торговле как с США, так и с региональными странами. (Только с КНР и Индонезией Япония имеет отрицательное торговое сальдо.) Япония, безусловно, в обозримом будущем будет инвестировать в США не только из-за огромных возможностей американского потребительского рынка, но и в силу необходимости доступа к американской высокой технологии.

Вместе с тем следует указать на то, что углубление экономических связей Японии с регионом могло бы «бросить вызов» США по двум направлениям. Во-первых, хотя Япония не создает замкнутой региональной

системы, активное расширение позиций японского бизнеса крайне затрудняет действия американских предпринимателей по перехвату инициативы в динамизации экономического развития АТР. При наличии таких факторов, как высокая стоимость иены, низкий процент и большее соответствие потребностям региональных экономик японских инвестиций, сложный характер функционирования японской предпринимательской системы в регионе, возможности американских бизнесменов конкурировать на региональных рынках с японскими контраптернерами резко сокращаются.

Во-вторых, характер торговли между Японией, Восточной Азией и США может спровоцировать серьезные политические проблемы. В частности, сохраняя положительное торговое сальдо с США, Япония наращивает производственные объемы развивающихся экономик стран Восточной Азии как за счет экспорта оборудования и полуфабрикатов, так и капиталов. В свою очередь восточно-азиатские экономики экспортируют избыток своей продукции главным образом в США. Вкладывая средства в создание экспортноориентированных отраслей в региональных странах, Япония тем самым в прямой (японский экспорт) и косвенной (экспорт региональных стран в США) форме бросает вызов Соединенным Штатам: чтобы расплатиться с Японией и избежать торгового дефицита, региональные экономики стоят перед необходимостью усиления экспортной агрессивности в отношении США.

В силу того, что торговля Соединенных Штатов с Восточной Азией в большей мере носит межиндустриальный, чем внутрииндустриальный, характер, огромный дефицит США в торговле с ней в целом способствует политизации торгово-экономических отношений. Промышленность США в этих условиях будет использовать политические процессы для протекционизма, а их торговые представители усилят агрессивность с точки зрения давления на региональные страны с целью заставить либерализовать их экономическую политику и деловую практику. Сохранение нынешней ситуации может иметь серьезные политические последствия. Поскольку и США и региональные страны имеют дефицит в торговле с Японией, то можно было бы предположить, что их сотрудничество заставит последнюю упростить доступ на ее рынок. Однако наличие торгового дефицита как с Японией, так и со странами Восточной Азии, подталкивает Вашингтон к более агрессивной позиции в отношении либерализации торговой политики своих партнеров. Именно это обстоятельство может привести Токио и региональные государства к сближению на антиамериканской платформе.

Прогноз развития внешнеполитической стратегии Японии в близкой и среднесрочной перспективе во многом зависит в том числе и от развития внутривнутриполитической ситуации в стране, а также от конкретного вы-

бора японских лидеров в критические моменты нынешнего переходного периода. Вместе с тем представляется, что некоторые параметры будут носить устойчивый характер вне зависимости от выбора японскими лидерами направлений развития. Такие параметры, в частности, будут включать:

- сохранение в любой форме и с разным уровнем взаимодействия отношений с США в области обеспечения безопасности;

- поощрение создания многосторонней системы безопасности в АТР как дополнение, а не замещение, двусторонних отношений с США в области безопасности;

- расширение масштабов участия Японии в деятельности ООН — в обеспечении безопасности, равно как и в гуманитарной, экономической и культурной областях;

- обеспечение более тесной интеграции с региональными экономиками Восточной Азии путем активизации торговли, инвестиционной деятельности, передачи технологии и поддержки в целом процесса азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества.

Эти шаги будут предприниматься не только по экономическим причинам, но и потому, что Япония тем самым постарается использовать нарастающее экономическое сотрудничество в регионе для смягчения воздействия новых «вызовов» в области региональной безопасности.

Военно-политическая обстановка в АТР после окончания «холодной войны» характеризуется новыми «вызовами», которые по мере их реализации превосходят «вызовы» периода «сбалансированного противостояния сверхдержав» в регионе. Кроме того, новая конфигурация расстановки сил в АТР и тем более перспективы формирования ситуации в Северо-Восточной Азии под воздействием «китайского фактора» и «фактора Кореи» (после возможного воссоединения двух государств полуострова) могут «наложиться» на дальнейшее углубление японо-американских торгово-экономических противоречий, что в свою очередь может отразиться и на связях между Японией и США в области безопасности в сторону ослабления американских обязательств. В этом случае не исключено, что в Японии будет наблюдаться перегруппировка политических сил в сторону повышения влияния националистического крыла и будет создана основа для формирования «великодержавного национализма», который будет определять дальнейшее направление роста комплексной мощи государства и воздействовать на формирование самостоятельной политики безопасности вне рамок японо-американского военно-политического союза. Развитие событий в данном направлении коренным образом изменит расстановку движущих сил в регионе и определит новых основных «актеров» в региональном «театре».

Вместе с тем следует подчеркнуть, что развитие подобного сценария возможно в долгосрочной перспективе. Что же касается реализации внешнеполитического курса Японии в Восточной Азии в близкой и среднесрочной перспективе, то, как представляется, он будет сфокусирован на обеспечении экономической интеграции в регионе и дальнейшем развитии теории и практики азиатско-тихоокеанского регионализма с точки зрения национальных интересов Японии.

Несмотря на очевидную заинтересованность роста собственного влияния в АТР, прежде всего экономического, Япония будет стремиться избегать попыток выбирать между «Востоком и Западом» или поддерживать тех, кто хотел бы провести границу между восточно-азиатской торгово-экономической сферой и североамериканской зоной свободной торговли. Япония не может себе это позволить по вполне объективным причинам. Во-первых, она еще не в состоянии заменить США в качестве главного потребителя региональных производителей товаров, экономический рост которых зависит прежде всего от сохранения их экспорториентированности. Это касается всех стран региона, в том числе и Китая, и является одной из главных причин, почему восточно-азиатский торговый блок не может существовать в замкнутом узорегиональном пространстве. Во-вторых, пока большая часть японцев считает, что любые попытки обособиться в рамках регионального торгового блока могут привести к ослаблению обязанностей США в области безопасности по отношению к их региональным партнерам, в том числе и к Японии.

Вместе с тем на уровне политических деклараций Токио будет энергично отстаивать идею прежде всего «азиатско-тихоокеанского», а не восточно-азиатского экономического сотрудничества, поскольку это в большей мере отвечает глобальным экономическим интересам Японии, отстаивающей «конструктивный и открытый регионализм». Такой подход подразумевает использование регионализма для обеспечения «свободной и недискриминационной торговли и инвестиций на глобальном уровне» и минимизацию возможностей формирования закрытых блоков, с одной стороны, и максимизацию возможностей торговой и инвестиционной либерализации — с другой.

Приверженность Японии «открытому регионализму» не означает, что Токио будет обязательно поддерживать США в достижении формальных соглашений о либерализации торговли и инвестиций. Японская сторона, как правило, достаточно негативно относится к формализации тех или иных правил и предпочитает так называемую «естественную экономическую интеграцию, осуществляемую самими рыночными механизмами». Иными словами, по мнению японцев, региональный экономический порядок формируется не в соответствии с международными правилами и по-

становлениями, а органично проистекает из растущего внутрорегионального экономического взаимопроникновения, перекрестных инвестиций и взаимных обменов, взаимодействия культур.

Такая позиция Токио дает основание считать, что в отстаивании регионализма японские представители будут стремиться занять промежуточную позицию между США, которые предпочитают официальные переговоры об общих правилах «экономической игры», и восточно-азиатскими государствами, которые испытывают недоверие к американским идеологическим обязательствам в отношении либерализации и обеспокоенность рынками попытками американцев вмешиваться в их внутривнутренние дела и политику. Другими словами, Япония попытается играть роль моста между США и странами Восточной Азии. Насколько это получится, во многом зависит от терпимости Соединенных Штатов в отношении нынешней ситуации, когда масштабы присутствия восточно-азиатских стран на американском рынке на много превосходят масштабы проникновения США на региональные рынки. Соединенные Штаты могут активно использовать протекционистские меры в одностороннем порядке либо в рамках НАФТА или еще более агрессивно настаивать на экономической либерализации в союзе с другими внерегиональными странами. Учитывая реальность развития событий в данном направлении, Япония крайне осторожно относится к идее создания восточно-азиатской экономической группировки. Однако следует подчеркнуть, что в политических и экономических кругах Японии растет число тех, кто выступает за более тесные политические взаимоотношения со странами АТР в качестве альтернативы постепенно ухудшающимся отношениям с Соединенными Штатами.

Японо-китайские отношения четверть века спустя

А.В.Семин

Четверть века прошло со времени нормализации межгосударственных отношений Японии с Китаем. Подписание Совместного правительственного заявления 27 сентября 1972 г. явилось как бы отправной точкой на пути утверждения отвечающего национальным интересам курса «китайской» политики Токио, ослабления влияния критериев «холодной войны». Анализируя состояние современных японо-китайских отношений во всей сложности и противоречивости, нельзя не отметить внушительные масштабы и динамизм двусторонних связей, их возрастающее воздействие на международную ситуацию, особенно в Азиатско-тихоокеанском регионе.

В структуре японо-китайских отношений торговле принадлежит центральная роль, она является «барометром их общего климата»¹. За четверть века двусторонний товарооборот вырос более чем в 50 раз: с 1,1 млрд. долл. в 1972 г. до 57,85 млрд. долл. в 1995 г.². Сегодня Япония — КНР представляют собой четвертую по значимости в мире «торговую пару» после таких партнеров, как США — Канада, США — Япония, Франция — Германия. Согласно прогнозам специалистов в ближайшие 20 лет Китай может сменить США в качестве основного партнера Японии³.

С начала 80-х годов Япония удерживает положение ведущего торгового партнера КНР. Высокими темпами увеличивались объемы двустороннего

¹ China News Letters. 1989, № 51, p. 12.

² Тюгоку дэга фаиру. 1987, с. 277-279; Mainichi Daily News. 27.01.1996.

³ Финансовые известия. 09.04.1996.

товарооборота Японии с КНР в 90-е годы: 1991 г. — 25,4%; 1992 г. — 26,7%; 1993 г. — 30,9%; 1994 г. — 32,1%; 1995 г. — 25,1%⁴.

Японский экспорт в Китай включает машины, оборудование, станки, электротехнические изделия, металл, синтетические волокна и химическую продукцию. Китай является главным импортером железной руды и стали (свыше 15%), синтетических волокон (более 27%) из Японии⁵.

В импорте Японии из КНР важное место сохраняют топливно-сырьевые материалы, прежде всего нефть и энергетический уголь. Вместе с тем около 80% импорта в настоящее время составляет продукция легкой и электронной промышленности. Китай является главным экспортером одежды (54%) для Японии. В последние годы в структуре японского импорта происходят быстрые изменения. Так, в 1994 г. вдвое по сравнению с предшествующим годом увеличился ввоз из КНР телевизоров и радиоприемников, в 5 раз — видеомagneтофонов⁶.

Следует отметить, что прямым результатом роста китайского экспорта в Японию стало резкое возрастание активного торгового сальдо в пользу КНР. В 1995 г. оно достигло почти 14 млрд. долл., что является рекордом среди торговых партнеров Японии. Последняя в своем стремлении разрешить эту проблему сталкивается с трудностями. Китайская сторона не проявляет желания сокращать по доброй воле свой экспорт, а Япония на данном этапе не имеет возможности увеличить свой. Попытки же японской стороны сократить торговый дисбаланс, в частности, за счет введения ограничений на ввоз китайских текстильных изделий встречают негативную реакцию КНР. Как и в целом на мировом рынке, Япония в условиях снижения ценовой конкурентоспособности своих товаров в связи с завышенным курсом иены пытается искать выход в расширении вывоза капитала в Китай при одновременном уменьшении товарного экспорта.

Японскому капиталу принадлежит существенная роль в экономическом развитии КНР. С самого начала китайских реформ Япония стабильно предоставляет КНР крупные кредиты, причем большая часть их — правительственные. В 1995 г. была завершена третья программа долгосрочных льготных (иеновых) кредитов. Всего с 1979 г. КНР получила свыше 1,6 трл. иен. Вступила в действие четвертая программа (1996 — 1998 гг.), предусматривающая предоставление китайской стороне 580 млрд. долл.⁷. Финансовые средства направляются на создание таких важных объектов социально-экономической инфраструктуры, как промышленные предприятия, транспорт, связь, энергетический комплекс, ирригационные и инже-

⁴ The Japan Times. 26.01.1995; Mainichi Daily News. 27.01.1996.

⁵ Japan Almanac. 1996, p.22.

⁶ The Japan Times. 26.01.1996.

⁷ Нихон кэйдзай. 10.01.1995.

нерные сооружения. За готовностью правящих кругов Японии к столь крупным вложениям в экономику Китая просматриваются не одни чисто экономические соображения — обеспечение гарантированного импорта китайского сырья и японского товарного экспорта. Существует и долговременный политический расчет — способствовать поддержанию «стабильности в регионе и во всем мире»⁸.

При этом обращает на себя внимание возникновение в двусторонних отношениях проблемы выплаты китайской стороной долгов по предоставленным ей кредитам. В результате значительного повышения курса японской иены долги по неновым кредитам в долларовом выражении существенно выросли. КНР ставит вопрос о серьезном уменьшении выплачиваемых сумм, однако Япония на это не соглашается.

По мере реформирования китайская экономика становится все более перспективным объектом для инвестирования японского предпринимательского капитала, который по объемам пока уступает ссудному. За весь предшествующий период к концу 1994 г. прямые капиталовложения японских компаний в КНР достигли 8,7 млрд. долл. Существенная активизация инвестиционной деятельности наблюдается с начала 90-х годов. Так, в 1991 г. рост по сравнению с предшествующим годом составил 58%⁹. В 1994 г. японский бизнес вложил в китайскую экономику 2,6 млрд. долл. (рост на 51,7%). В том же году было заключено около 3 тыс. инвестиционных контрактов на сумму 4,5 млрд. долл.¹⁰ Согласно данным КНР за три квартала 1995 г. были получены заявки японских предпринимателей на участие в 1937 китайских проектах на общую сумму 5,13 млрд. долл., что на 92,5% превышает уровень аналогичного периода предшествующего года¹¹.

В целом деятельность японского предпринимательского капитала в Китае до последнего времени отличалась довольно узкой направленностью: преимущественное развитие получили мелкие и средние предприятия с интенсивным использованием труда; действовало лишь сравнительно небольшое число предприятий тяжелой, химической промышленности с интенсивным применением технологий, с концентрацией капитала; основная часть инвестиций была сосредоточена в производстве одежды, электроники, пищевой продукции; большая часть капиталовложений направлялась в прибрежную зону КНР¹².

Однако данная картина быстро изменяется. Китай, по оценке Экспортно-импортного банка Японии, в настоящее время превращается в одну из наиболее привлекательных для инвестиций японского бизнеса страну. Воз-

⁸ Кэйданрэн гэнпо. 1979, № 6, с. 41-42.

⁹ Кайгай тэкусэцу тоси. ДЖЕТРО хакусё. 1995, с. 511-512.

¹⁰ Japan Almanac. 1996, с. 25; Фудзи таймузу. 1995, июль, с. 6-7.

¹¹ The Japan Times. 14.03.1996.

¹² Тюнити кэйдзай кёрёку кокусай симпозиуму. Пекин, 1995, с. 43.

рос интерес к ней со стороны ряда крупных компаний. Так, самая большая компания-производитель бытовой электроники «Мацусита», в 1992—1993 гг. имевшая лишь четыре предприятия в странах Азии, в 1994 г. только в Китае открыла 11 предприятий, число которых быстро выросло до 29, причем 18 уже выпускают продукцию. «Мацусита» к тому же располагает в КНР 100 магазинами, а в ближайшие два-три года планируется дополнительно открыть еще 3 тыс. магазинов. Известная радиоэлектронная компания «Сони» ставит целью в 1997 г. производить 1 млн. портативных телефонов в год на своем пекинском заводе. Она уже приступила к изготовлению видеоматнитофонов на принадлежащем ей предприятии в Шанхае. В ряд крупнейших в КНР производителей телевизоров выдвинулась японская электротехническая компания «Хитати»¹³.

В результате ускоренного продвижения японского предпринимательского капитала в Китай существенно изменяется его распределение по отраслям экономики. Еще в начале 90-х годов японский капитал вкладывался в предприятия отраслей, где в основном осуществлялись трудоемкие сборочные операции и выпускалась продукция с низкой добавочной стоимостью. Теперь же внимание бизнеса смещается к созданию современных предприятий наукоемкой продукции с высокой добавочной стоимостью. Больше инвестиций поступает в электротехническую, химическую, автомобилестроительную промышленность¹⁴. В настоящее время преимущественная часть капиталов вложена в обрабатывающую промышленность (см. табл.).

Таблица

ОТРАСЛЕВАЯ СТРУКТУРА КАПИТАЛОВЛОЖЕНИЙ ЯПОНИИ В КНР*, %

Отрасль экономики	Доля
Обрабатывающие отрасли промышленности	83,6
в том числе:	
пищевая	4,0
текстильная	14,1
химическая	5,8
черная, цветная металлургия	5,5
машиностроительная	13,9
электротехническая	20,2
транспортные средства	5,0
другие отрасли	15,1
Необрабатывающие отрасли	16,4
в том числе:	
торговля	3,4
сфера обслуживания	7,3
недвижимость	2,6
другие отрасли	3,1

* Фудзи таймузу. 1995, июль, с.6-7.

¹³ The Economist. 16.03.1996, p.67-68.

¹⁴ Asahi Evening News. 20.10.1994.

Характерной чертой инвестиционной деятельности японских компаний в Китае в настоящее время становится также корректировка целей инвестирования. Прежде основной поток капиталовложений имел экспортное предназначение: инвестиции поступали в экспорториентированное производство с интенсивным применением труда. В последнее время в результате подъема экономики, роста уровня жизни населения, совершенствования социально-экономической инфраструктуры происходит увеличение прямых капиталовложений в производство, нацеленное на внутренний рынок. Этому наряду с успехами реформирования экономики способствуют активные меры китайского руководства, те новации, которые оно вносит в производственную политику, в формирование в стране более благоприятного инвестиционного климата.

В 1995 г. в КНР был опубликован перечень отраслей экономики с указанием, где прямые иностранные инвестиции запрещены, где они имеют ограничения и где они поощряются. Из документа следует, что поощряются капиталовложения в производство, использующее передовые технологии, в объекты социально-экономической инфраструктуры. Льготы получает иностранный капитал, который вкладывается в экономическое развитие внутренних районов Китая. Японские предпринимательские круги, по ряду признаков, весьма заинтересованно реагировали на новые условия для инвестирования в этой стране¹⁵. Японский капитал находит приложение в развитии специальных экономических зон в КНР, более всего в районах, прилегающих к Бохайскому заливу, Южно-Китайскому морю, в провинциях Шаньдун, Ляодун, Цзянсу. Сейчас проявляется готовность со стороны финансово-деловых кругов Японии к участию в создании подобных зон в Центральном и Западном Китае.

Особое место в рамках развивающегося торгово-экономического сотрудничества двух стран занимают научно-технические связи. Китайская сторона при этом выступает в роли весьма заинтересованного получателя технологий и научно-технических знаний, а японская — через техническое содействие и экспорт технологий имеет дополнительную возможность для укрепления своих позиций на рынке КНР. Такое содействие оказывается как по государственной, так и частной линиям, охватывает все больше областей, включая энергетику, электронику, современные средства связи, космос.

Вместе с тем научно-технические связи Японии с Китаем пока не следует переоценивать. Так, финансовые затраты из государственного бюджета Японии на техническое сотрудничество с КНР составляют в среднем не более 4—6% ассигнований, выделяемых на официальную помощь развитию. Продажа японских технологий Китаю не достигает, по оценке китай-

¹⁵ Фудзи таймузу. 1995, июль, с. 6-7.

ских специалистов, 3% экспорта Японии в КНР и не отличается устойчивостью. К примеру, в 1994 г. объем экспорта технологий сократился почти на 56% по сравнению с предыдущим годом¹⁶. Пекин не удовлетворен таким уровнем сотрудничества и намерен во второй половине 90-х годов способствовать его углублению и решению таких первоочередных задач, как развитие в стране собственной базы производства высоких технологий, совершенствование социально-экономической инфраструктуры, обеспечение защиты окружающей среды, а также подготовка квалифицированных кадров¹⁷.

Оценивая в целом характер торгово-экономического сотрудничества двух стран, важно отметить, что для Японии Китай как партнер, при всех происходящих переменах, пока сохраняет стереотип развивающейся страны, откуда вывозятся топливно-энергетические ресурсы, куда переносятся не вполне современное производство, сбрасываются морально стареющие технологии. В развитии сотрудничества возникают проблемы, в частности связанные с неполным совпадением интересов, различием уровней социально-экономического и научно-технического развития, лимитами товарных ресурсов. Между партнерами все чаще проявляется соперничество за влияние на экономику соседних стран. Тем не менее анализ свидетельствует, что торгово-экономическое сотрудничество Японии с КНР играет важную стабилизирующую роль в двусторонних отношениях в целом. Не секрет, что в них сохраняются факторы, периодически вызывающие возникновение напряженности.

Так, окончательно не урегулированы послевоенные проблемы, порожденные Сан-Францисским мирным договором (1951 г.), хотя, казалось бы, по каждой из них были достигнуты компромиссные договоренности (в том числе секретные¹⁸) в ходе подготовки и подписания правительствами Японии и Китая Совместного заявления в 1972 г. Прежде всего имеются в виду следующие проблемы:

- тайваньская проблема, в ее прямой связи с японо-тайваньскими и японо-китайскими отношениями;

- японо-китайский территориальный спор о принадлежности о-вов Сэнкаку (Дяоюйдао);

- вопрос о компенсации материального и морального ущерба, причиненного Японией в результате войны 1937—1945 гг.

Эти проблемы, как свидетельствуют недавние события, до сих пор не утратили своего взрывоопасного характера. В 1994—1996 гг. неоднократно

¹⁶ Тюнити кэйдай кёрёку кокусай симпозиуму, с.38.

¹⁷ Там же, с.67.

¹⁸ По утверждению председателя ЦИК Комэйто Ё.Такэири, существовал секретный пункт к Совместному заявлению 1972 г., касающийся отношений Японии с Тайванем. — Майнити симбун. 14.09.1992.

возникали вспышки напряженности в двусторонних отношениях в связи с тайваньской проблемой. Наибольший резонанс в Японии вызвали события вокруг Тайваня во время подготовки там к выборам президента в марте 1996 г. На японцев произвела сильное впечатление демонстрация силы, которую в течение довольно продолжительного времени вело китайское руководство, оказывая давление на Тайбэй. Премьер-министр Р.Хасимото выразил тогда «крайнюю озабоченность» в связи с проведением Китаем военных маневров с ракетными пусками вблизи побережья Тайваня, усилением напряженности в китайско-тайваньских отношениях¹⁹.

В японской печати широко обсуждалась тема безопасности Японии в связи с возможностью угрозы со стороны Китая. Ведь в случае гипотетического нападения КНР на Тайвань Япония была бы поставлена в крайне затруднительное положение. По мнению японских специалистов, остров мог стать главной базой китайских военно-морских сил, а Китай получил бы возможность блокировать при желании морские коммуникации Японии со Средним Востоком, основным источником нефти для страны. Затем Китай осуществил бы захват о-вов Сэнкаку, контролируемых Токио, но являющихся объектом территориальных притязаний Пекина. Резкое обострение китайско-тайваньских отношений вызывало опасения, что Япония может быть вовлечена не по своей воле в столкновение между КНР и США. В таком случае ей пришлось бы делать болезненный выбор между этими гигантами, возможно, давать разрешение на использование американцами японской территории для ведения военных операций²⁰.

В 1996 г. возобновился спор между двумя странами вокруг вопроса о правах на о-ва Сэнкаку, подогреваемый появившейся информацией о якобы имеющихся здесь запасах нефти. Целый ряд инцидентов с участием сторон возникал в течение 1994—1995 гг., но особую остроту ситуация приобрела с введением Японией в 1996 г. 200-мильной экономической зоны, чем закреплялись японские права на Сэнкаку. Несмотря на относительно сдержанную реакцию официальных инстанций КНР, ее многочисленные сторонники в странах Восточной Азии в лице этнических китайцев бурно выражали свое несогласие с действиями Японии. В сентябре-октябре 1996 г. массовые антияпонские демонстрации прошли в Гонконге, Макао и на Тайване. Нарастание накала страстей привело к тому, что в КНР было опубликовано правительственное решение о создании «оперативной группировки войск для направления в случае необходимости в район Сэнкаку»²¹. Есть основания предполагать, что этот инцидент далеко не послед-

¹⁹ The Japan Times. 12.03.1996.

²⁰ Ibidem.

²¹ Санкэй симбун. 12.09.1996.

ний и спор о принадлежности о-вов Сэнкаку может возобновиться в любой момент.

Казалось, не оставалось неопределенности с момента подписания в 1972 г. Совместного заявления в вопросе о компенсации военного ущерба, нанесенного Китаю Японией. Китайское руководство тогда отказалось от выплаты КНР репараций. Со своей стороны Токио время от времени давал понять, что не собирается пересматривать свой подход к этому вопросу: «Обязательства Японии по военным репарациям в отношении всех стран, за исключением Северной Кореи, выполнены в соответствии с международными соглашениями»²². Не проявлял желания всерьез оспаривать правомерность этого подхода и Пекин. Но в 1995 г., правда, без участия официальных властей, острая полемика по проблеме компенсаций возобновилась. В Китае в ней были задействована значительная часть общественности. Появились признаки того, что проблема будет иметь долговременный характер и что разногласия будут нелегко устранить. По мнению части японской общественности, чтобы избежать разрастания масштабов проблемы, следовало бы признать ее официально и вынести на обсуждение, начав переговоры с Пекином.

Разногласия в двусторонних отношениях отнюдь не ограничиваются проблемами, относящимися к военному прошлому. Примером может служить постепенно менявшаяся реакция Японии на проводившиеся Китаем ядерные испытания. Добиваясь их прекращения, Токио давал понять китайской стороне, что его позиция может стать более жесткой в ответ на неуступчивость Пекина, что его требования могут быть подкреплены экономическими санкциями. Так, в 1995 г. японское правительство приняло решение о замораживании ежегодной безвозмездной помощи в ответ на очередные ядерные испытания КНР. Подобный шаг Токио дал Пекину повод заявлять, что Япония пытается увязывать оказание экономической помощи с политикой.

Особую озабоченность в Японии вызывает целеустремленное наращивание Китаем военной мощи. В японских военных кругах это недвусмысленно рассматривается как угроза безопасности страны. Так, первоначальный проект «Основных направлений программы национальной обороны», представленный в 1995 г. кабинету министров Управлением национальной обороны (УНО), включал, согласно просочившимся в японскую прессу сведениям, следующий тезис: «Поскольку в окружении Японии существует держава, обладающая большой военной мощью, включая ядерное вооружение, договор безопасности Японии с США является важным для обеспечения национальной безопасности»²³.

²² The Japan Times. 14.09.1993.

²³ The Japan Times. 04.01.1996.

У японской общественности не вызывало сомнений, что под упомянутой «державой» подразумевался Китай. Об этом свидетельствовала развернувшаяся в печати критика в адрес руководства УНО, в частности со стороны Социал-демократической партии Японии. Она прямо обвиняла УНО в стремлении представить КНР в качестве потенциального противника теперь, когда исчезла советская военная угроза. В результате критики указанный тезис был изъят из окончательного документа. Однако вопрос, «неспет ли Китай угрозу безопасности Японии», оставался открытым. Как показала прошедшая в печати страны дискуссия, единого мнения на этот счет у японской общественности на сегодня нет.

В стране есть японцы, которые, как отмечала газета «Джапан таймс», готовы представлять Китай в качестве поборника демократии и выдающегося члена международного сообщества, и одновременно те, кто видит в КНР «явную и мощную угрозу»²⁴. Последние опираются в своих суждениях на такие факты, как китайские ядерные испытания и увеличение военных расходов, расширение экспорта оружия и ядерных технологий, попытки распространить свое влияние на акваторию контролируемых Японией о-вов Сэнкаку, игра «военными мускулами» в отношении Тайваня и о-вов Спратли в Южно-Китайском море, через которое перевозится 3/4 японского нефтеимпорта.

Нет однозначного ответа на вопрос и у специалистов, ученых. Преподаватель университета Тэйкио, в прошлом генерал-лейтенант сухопутных войск Тосиюки Сиката считает, что «хотя Народно-освободительная армия Китая располагает самыми большими по количеству систем вооруженными силами, она не обладает возможностями для нападения на Японию. Большая часть истребителей и бомбардировщиков Китая не в состоянии достичь японского побережья, ограниченными являются и возможности силового воздействия в открытом море. Материальная часть и технологии оборонного назначения КНР устарели и существенно уступают Западу. ...Китай не является угрозой для Японии»²⁵.

Иной взгляд у специалиста по китайским вооруженным силам, профессора университета Киорин Сигэо Хирамацу: «Китайские ядерные силы, будучи гораздо более совершенными, чем обычные, представляют большую угрозу для Японии... В настоящее время Китай стремится совершенствовать свои системы управления, чтобы повысить точность баллистических ракет и оснастить ими многочисленные автономные пусковые установки, а также развернуть системы новых баллистических ракет промежуточного радиуса действия, которые могут быть нацелены на Японию и другие рай-

²⁴ Ibidem.

²⁵ Ibidem.

оны Азии. По этой причине для Японии жизненно важно, чтобы она оставалась под «ядерным зонтиком» Соединенных Штатов»²⁶.

За рамки настоящего времени выходит вопрос о негативном влиянии ускоренного развития китайских ВВС и ВМС на состояние морских перевозок Японии. В частности, обеспокоенность по этому поводу высказал ведущий специалист широко известного исследовательского центра «Номура» Моримото: «Существует единство мнений среди наблюдателей и военных экспертов по Китаю в том, что китайские военно-воздушные и военно-морские силы смогут оказывать воздействие на морские перевозки Японии в будущем веке при условии, если программы модернизации вооруженных сил будут осуществляться темпами, адекватными или более высокими, чем нынешний экономический подъем»²⁷.

Но рассмотрение этого вопроса в перспективе, судя по всему, оставляет еще меньше места для определенности. Например, политологи из числа оптимистов считают нужным исходить из того, что Китай уже стал членом таких международных организаций, как АТЭС и региональный форум по безопасности в рамках АСЕАН, предпринял шаги по урегулированию пограничных споров, по снижению напряженности на Корейском полуострове, расширил экономический и гуманитарный обмен с Тайванем, улучшил отношения с АСЕАН и содействовал достижению мира в Кампучии. По мнению официального представителя министерства иностранных дел Японии, эти факты свидетельствуют о том, что Пекин намерен действовать в соответствии с международными нормами сотрудничества. А Япония должна постараться способствовать расширению вовлеченности Китая в систему экономической взаимозависимости, в диалог по вопросам безопасности и во взаимовыгодное сотрудничество через активизацию контактов, включая визиты на высшем уровне, участие в профессиональных форумах и конструктивном обмене»²⁸.

Однако, как отмечают наблюдатели в Японии, реальные действия Китая на международной арене сегодня не всегда соответствуют утвердившимся нормам. «В японском обществе в последнее время в отношении КНР нарастает настороженность. Страна становится все более напористой в решении международных вопросов, использует динамично нарастающие экономические достижения в собственных интересах. Китай в каком-то смысле вернулся к своей традиционной манере поведения, для которой характерно стремление не слишком заботиться о том, какие чувства возникают у соседа», — указывает профессор Токийского технологического института Тосио Ватанабэ²⁹.

²⁶ Ibidem.

²⁷ Ibidem.

²⁸ Ibidem.

²⁹ The Japan Times. 01.01.1996.

Действием «китайского фактора» объясняется в значительной мере то очевидное обстоятельство, что после окончания «холодной войны» в политических кругах Японии правительственный курс на сохранение американского присутствия в Восточной Азии пользуется практически полной поддержкой. «Укрепление японо-американского договора безопасности имеет решающее значение, поскольку передовое базирование США способно служить средством сдерживания зарождающейся китайской сверхдержавы», — полагает Моримото. «Что необходимо для обеспечения безопасности Японии, так это совместная выработка Токио и Вашингтоном адекватной реакции на потенциальные проблемы, связанные с Китаем», — считает официальный представитель японского МИДа³⁰. А о том, что число проблем увеличивается, свидетельствует анализ регионального аспекта японо-китайских отношений.

Сегодня и Япония и Китай являются странами-участницами развивающегося в Азиатско-тихоокеанском регионе интеграционного процесса, и отношения между ними во многом определяются тем местом, которое каждая из них занимает в этом процессе. Японии принадлежит активная роль в разработке концепций регионального сотрудничества. Она была автором, к примеру, идеи создания «тихоокеанского сообщества» в конце 70-х годов, которую тогда по ряду причин осуществить не удалось, внесла заметный вклад в формирование Организации азиатско-тихоокеанского сотрудничества (АТЭС), учрежденной в 1989 г. Что касается Китая, то в конце 80-х годов Япония была не склонна рассматривать его как участника регионального взаимодействия «из-за наличия у КНР совершенно иных политических и экономических институтов и значительного разрыва в уровне экономического развития в сравнении с другими государствами Азии и Тихого океана»³¹.

Статус экономического гиганта как бы предопределил стремление Японии занимать ведущее место в региональном интеграционном процессе, что встречало поддержку со стороны США, с которыми она с окончанием «холодной войны» подтвердила готовность координировать свою региональную политику. В принятой в 1992 г. в Токио руководителями двух стран декларации «О мировом партнерстве и глобальном плане действий» было зафиксировано признание «центральной роли Японии в процессе интеграции Азиатского региона и формирования тихоокеанского сообщества»³².

Но к настоящему времени ситуация для Японии стала изменяться. Возникли факторы, затормозившие стремительный бег японской экономики, и уже ставятся под сомнение недавние весьма оптимистические про-

³⁰ The Japan Times. 04.01.1996.

³¹ Кёдо Цусин. 13.06.1988.

³² Salto S. Building a New Order in a Region of Diversity. Japan Crucial Role. — Japan Review of International Affairs. Special Issue. 1992, p.50.

гнозы в этой области. Однако главная причина заключается в том, что и у Китая появляется все больше оснований претендовать на будущую лидирующую роль в регионе.

Вне сомнения, Япония наряду с США сегодня остается главным центром экономического развития в АТР, но специалисты все чаще предсказывают появление в будущем нового центра — объединенного Китая (КНР, Гонконг, Тайвань). Мощь «китайской экономической сферы», включающей КНР, Гонконг и Тайвань, утверждается в докладе Всемирного банка в 1993 г., в недалеком будущем может превзойти экономическую мощь Японии и сравняться с американской. При условии сохранения в предстоящие годы среднегодовых темпов роста ВВП в «китайской экономической сфере» на 7% в 2002 г. ее ВВП достигнет 9,8 трлн. долл., тогда как аналогичный показатель США — 9,7 трлн., Японии — 4,9 трлн.³³

Развитие экономики КНР, Гонконга и Тайваня как единого организма закладывалось в конце 80-х годов, когда наметился быстрый подъем объемов торговли и капиталовложений внутри этого треугольника. Гонконг и Тайвань явились крупнейшими инвесторами для КНР. Она со своей стороны стала самым значительным источником капиталов для Гонконга, а он стабильно удерживал положение главного торгового партнера КНР, выполняя ключевую посредническую роль в экономических связях между КНР и Тайванем. Суммарный валовой внутренний продукт трех стран в 1993 г. достигал 876 млрд. долл., что более чем вдвое превышало общий ВВП стран АСЕАН³⁴. К «треугольнику» прочно привязаны интересы Сингапура. Вместе с Гонконгом и Тайванем он несет основное бремя вложения финансовых средств в экономику КНР. На Гонконг, Тайвань и Сингапур приходится около 80% всех иностранных инвестиций в Китае³⁵.

У Китая и его ближайших партнеров концентрируются огромные и быстро возрастающие валютные резервы. Уже в начале 90-х годов совокупный объем резервов КНР, Тайваня и Сингапура был выше аналогичного показателя США, Германии и Японии вместе взятых. Без большой натяжки в комплексный «китайский» экономический потенциал можно включить китайскую диаспору в странах Восточной Азии. Позиции этнических китайцев в экономике целого ряда стран достаточно сильны. Так, в 1992 г. «хуацяо» принадлежали ведущие компании в Таиланде (пять из шести), Малайзии (три из шести), на Филиппинах (четыре из шести)³⁶. Этот потенциал является опорой КНР и может быть так или иначе использован при возможных претензиях Пекина на лидирующую роль в экономической

³³ Нихон кэйдай симбун. 20.05.1994.

³⁴ The Japan Times. 05.01.1996.

³⁵ Япония о себе и мире. М., 1994, № 9, с.60-63.

³⁶ Там же.

жизни региона. О том, что эти претензии постепенно возрастают, говорят, в частности, некоторые исследования, проводимые в КНР. Одна из концепций новой роли Китая в Восточной Азии разработана в Институте Азии и Тихого океана АОН КНР. Суть ее состоит в следующем.

В 60–80-е годы основной экономической моделью для Восточной Азии был «клин летящих гусей», образованный Гонконгом, Тайванем, Сингапуром, Южной Кореей, с Японией в роли «вожака». Однако в настоящее время Япония, как считают авторы концепции, больше не является единственным лидером в экономическом развитии Восточной Азии. Сегодня якобы происходит трансформация от прежней модели «гусиного клина» к модели «поезда с двумя локомотивами». Решающим фактором изменения модели, указывают авторы, стал экономический подъем Китая. Впредь, по их мнению, экономическое развитие данного субрегиона следует строить подобно поезду с двойной тягой, двигающемуся в гористой местности. При этом Японии отводится место локомотива в голове состава, тянущего его, а Китаю — в хвосте поезда, толкающего его³⁷.

Еще один вариант реализации стремления КНР к лидерству, как представляется японским специалистам, нашел отражение в «стратегии трех треугольников», разработанной в Центре экономических исследований при Государственном комитете планирования КНР. Ею предусмотрен сценарий развития отношений взаимозависимости на начальном этапе — в «малом треугольнике» (КНР — Гонконг — Тайвань), затем «сотрудничества в среднем треугольнике» (КНР — НИС — АСЕАН) и, наконец, «сотрудничества в большом треугольнике» (КНР — Япония — США)³⁸.

Разработчики «стратегии» полагают, что Китай мог бы взять на себя лидерство в Восточной Азии и без участия Японии. За идеями, выраженными в данной разработке, японскими наблюдателями просматривается намерение КНР создать в будущем, не считаясь с интересами Японии, «китайскую экономическую сферу, простирающуюся от Пекина до Джакарты». С учетом такой перспективы, по мнению специалиста корпорации «Мицуи буссан» Сю Итикава, «Японии придется в качестве лидера «некитайских государств» участвовать в противодействии политической и экономической экспансии КНР в регионе в начале XXI в.»³⁹.

Хотя в подобных и иных прогнозах сегодня недостатка нет, все же трудно сказать с определенностью, чего следует ожидать Японии от набирающего экономический вес и политическое влияние партнера в близком и не очень близком будущем. Не вызывает сомнения то, что в отстаивании своих интересов в регионе на легкий успех Японии рассчитывать не

³⁷ Жэньминь жибао. 22.12.1993.

³⁸ Япония о себе и мире. М., 1994, № 7, с.146.

³⁹ Там же.

приходится. Скорее всего ее отношения с Китаем будут развиваться в русле усиливающейся взаимозависимости при нарастающем соперничестве. Насколько сбалансированы будут эти противоположные тенденции, во многом зависит от руководства и Японии и КНР.

Сегодня, если судить по многочисленным публичным заявлениям, правящие круги Японии и Китая хорошо осознают важность нормальных двусторонних отношений. «Укрепление на основе взаимного доверия отношений с Китаем является одной из центральных внешнеполитических задач Токио»⁴⁰, — заявил премьер-министр Японии Р.Хасимото. «Поддержание и развитие дружественных отношений, сотрудничества между двумя странами отвечают коренным интересам китайского и японского народов, благоприятствуют делу мира и стабильности в Азиатско-тихоокеанском регионе»⁴¹, — подчеркивал председатель постоянной комиссии ВСНП КНР Цяо Ши.

И в деловых, и в научных кругах Японии в настоящее время растет понимание того, что экономическая жизнь в АТР в большой степени будет зависеть от способности Токио и Пекина координировать свои усилия. Это понимание, в частности, проявилось в работе состоявшегося в ноябре 1995 г. в Пекине Международного симпозиума по вопросам китайско-японского экономического сотрудничества. Как отмечалось в одном из докладов на этом форуме, «в Восточной Азии в настоящее время идет формирование региональной системы торговли и капиталовложений, цель которой выработать механизм вывода экономики региона в качестве действующего субъекта на международную арену. Но, чтобы указанная система стала существенной опорой мировой экономики, требуется дополнительный шаг, который обеспечит более плавный переход. В этом весьма значительную роль в предстоящее десятилетие будет играть АТЭС. Задачей нынешнего, третьего этапа деятельности этой организации является обеспечение более эффективных результатов, а центральным вопросом — необходимость совместных инициатив Японии и Китая». Сотрудничество двух стран, подчеркнул советник министерства внешней торговли и промышленности Японии Юдзи Танахаси, «является необходимым для развития азиатских государств»⁴².

Однако простых решений для осуществления благих намерений на данном этапе, очевидно, не существует, что, в частности, показала осакая встреча АТЭС 1995 г., проходившая под эгидой Японии. Подходы Японии и КНР к характеру деятельности этой региональной структуры расходятся.

⁴⁰ Асахи симбун. 29.11.1996.

⁴¹ Mainichi Daily News. 02.03.1996.

⁴² Тюнити кэйдзай кёрёку кокусай симпозиуму, с.103,29.

Не случайно, итоги работы форума оказались скромнее, чем ожидалось. Принятые резолюции носили в основном декларативный характер⁴³.

Таким образом, к настоящему времени японо-китайские отношения получили значительное развитие. Они играют возрастающую роль в формировании международного климата в Азиатско-тихоокеанском регионе, но при этом носят непростой и противоречивый характер. Усиление взаимозависимости двух стран как результат прежде всего углубления и расширения торгово-экономических связей не стало препятствием для возникновения предпосылок к соперничеству. Оттого, как эти две тенденции будут разрешаться, существенно зависит и дальнейшее состояние двусторонних отношений и ситуация в регионе.

⁴³ Там же, с.103.

Японский опыт: уроки для России

А.И.Кравцевич

Вопрос об использовании зарубежного опыта в условиях других стран является в последние годы чрезвычайно актуальным для многих государств и первую очередь для стран с так называемой переходной (от централизованно-плановой к рыночной) экономикой. Не является здесь исключением и Россия. Попытку «кавалерийской атаки» на сложившуюся в эпоху СССР командно-административную систему путем внедрения весьма либеральной модели рыночного хозяйства, предпринятую командой Е.Гайдара, вряд ли можно оценить как успешную: рыночный механизм, если и «заработал», то отнюдь не так, как задумывалось, и как он обычно «работает» в развитых капиталистических странах. Детальный и развернутый анализ причин более чем специфической реакции нашей экономики на рыночные реформы, равно как и особенностей складывающейся «русской модели капитализма» выходит за рамки данной работы. Для нас здесь важен сам результат — фактический отказ от насаждения сверхлиберальной модели рыночного хозяйства в пользу «управляемого» типа рынка, что и предопределило «реанимацию» интереса к изучению альтернативных англосаксонскому вариантам организации рынка, одним из которых по праву считается японский.

Однако прежде, чем перейти непосредственно к рассмотрению вопроса о применимости японского опыта в России, необходимо, на наш взгляд, сделать несколько общих замечаний. Во-первых, как свидетельствует мировая практика, прямое заимствование зарубежного опыта в целях повторения феномена успешного социально-экономического развития той или иной страны, как правило, оказывается либо невозможным, либо малопро-

дуктивным. Причинами этого являются в первую очередь общие культурные различия каждой конкретной отдельно взятой страны. Причем культура здесь трактуется расширительно и включает в себя не только исторически сложившиеся системы ценностей, уровень образования, но и национальную психологию, устойчивые модели и стереотипы поведения, определяющие трудовую и прочую мотивацию населения.

Кстати, немногочисленные примеры успешной имплантации зарубежной модели развития, как, например, это имело место в Южной Корее и на Тайване в отношении японской экономической модели, лишь подтверждают наш тезис.

Культуры этих стран не только изначально «родственны» исторически (расовая близость, конфуцианская мораль, буддийская философия и т.п.), но и в значительной степени формировались под прямым и чрезвычайно сильным воздействием (а если говорить более определенно, то насильственным внедрением) японской культуры в течение весьма длительного периода колониального господства Японии. В то же время попытки прямого перенесения этой модели в «чужеродную» культурную среду (например, в сфере менеджмента японскими ТНК за рубежом), по свидетельству многих зарубежных и российских исследователей, неизменно оказывались малоэффективными.

Во-вторых, сказанное отнюдь не означает необходимости априорного отказа от изучения и тем более использования зарубежного опыта в целях национального развития. Та же мировая практика свидетельствует, что те или иные элементы такого опыта вполне успешно могут применяться в различных «инокультурных» странах. Но при определенных условиях, а именно — при решении аналогичных или близких по своему характеру и целям задач, и при условии серьезной работы по адаптации методов реализации такого опыта к местной национально-культурной среде.

Так, в послевоенный период Япония активно и достаточно успешно использовала выработанную советским ГОСПЛАНом практику мобилизации ресурсов для решения конкретных задач экономического строительства. В частности, были позаимствованы не только концептуальные подходы (внутри- и межотраслевое кратко- и среднесрочное планирование) и оперативные методы управления ГОСПЛАНа (командно-административное распределение материальных, финансовых и людских ресурсов), но даже сама его организационная структура, что проявилось в создании Штаба экономической стабилизации. При этом советский опыт использовался вполне творчески, т.е. сочетался с рыночными формами управления и адаптировался к местным национальным условиям. Можно также сослаться и на пример из нашей собственной истории: как известно, концепция политики «военного коммунизма» большевиков была ни чем иным, как адап-

тацией к российским условиям политики «военного социализма», осуществлявшейся в Германии во время первой мировой войны. Можно спорить о том, насколько эффективной была эта политика, но исходя из ставившихся перед ней целей (сохранение нового режима в условиях гражданской войны и иностранной интервенции) и принимая во внимание конечный результат, следует признать успех данной попытки заимствования зарубежного опыта.

Как экономист-японист автор в течение нескольких лет специально изучал данную проблему как самостоятельно, так и в составе исследовательской группы японских ученых в рамках специального проекта в Научно-исследовательском институте национальной экономики Японии, что позволило ему сформулировать принципиальные выводы, которые вкратце можно свести к следующему.

Идея использования иностранного опыта в процессе проведения рыночных реформ обычно основывается на предположении, что, если какая-либо страна (в нашем случае Япония) в сходных условиях была вынуждена решать и успешно решила схожие задачи, то этот опыт с определенными коррективами, предполагающими его адаптацию к местным условиям, может быть использован и в другой стране (например в России).

В период перестройки в бывшем СССР, да и в последующие годы особенное внимание уделялось послевоенному опыту Японии, тем более что многие японские и зарубежные специалисты и эксперты видели в этом опыте реальную возможность форсированными темпами совершить рывок из административно-командной системы в новое «царство свободы» — рыночную экономику.

Выбор Японии отнюдь не является случайным и связан с попытками представить наиболее подходящую модель рыночного хозяйства, вытекающую из исторических, культурных и национальных традиций страны. Весь исторический опыт развития капитализма показал, что для стран так называемого «догоняющего (catch-up economy) типа» (к каковым относились дореволюционная Россия, Япония и Германия, а в послевоенный период добавились «новые индустриальные страны») характерна более значительная роль государства, чем в странах «традиционно-индивидуалистического капитализма» (Англия, США). Она заключалась в том, что государство в «догоняющих» странах было вынуждено компенсировать «недоразвитость» рыночных структур, т.е. не только «дополнять и корректировать» действие рыночного механизма в тех областях, где он давал «сбои», но и вмешиваться с помощью административных действий и государственного предпринимательства в процессы накопления капитала, воспроизводства и т.д. Иными словами, здесь государство было вынуждено в значительной мере регулировать создание и развитие самого рыночного хозяйства.

Подобное вмешательство государства, естественно, не могло не сказаться на типе рыночного хозяйства, которое формировалось в данных странах, определяя конкретные разновидности и модели. Очевидно, что японский (как и западно-европейский) тип рыночного хозяйства значительно отличается от, скажем, американского, в первую очередь тем, что государство играло и играет существенно большую роль в экономическом развитии страны.

Формирование каждого конкретного типа рыночного хозяйства вытекает из исторических, национальных и прочих особенностей данной страны, и в этом смысле рыночная модель России, несомненно, будет по-своему уникальной. Но в то же время очевидны и общемировые закономерности, присущие типическим моделям хозяйствования, и нет оснований считать, что Россия станет каким-либо особым исключением.

Иными словами, можно с достаточной долей уверенности полагать, что *российская модель рыночного хозяйства при всей своей индивидуальности будет в течение довольно длительного периода основываться преимущественно на закономерностях, свойственных типу «догоняющей» экономики*. И в этом смысле выбор Японии, причем не современной, а послевоенного периода представляется достаточно обоснованным и оправданным. Ее опыт (как и опыт позже вставших на этот путь «новых индустриальных стран») неоднозначно свидетельствует о том, что «требуется активное вовлечение государства (в экономическую жизнь. — А.К.) для того, чтобы процесс развития экономики «догоняющего» типа был успешным»¹.

В то же время в условиях интернационализации мирового рынка и мировой экономики действует сильная тенденция к сближению хозяйственных механизмов различных стран. Сближение это отнюдь не означает унификации (национальные и региональные особенности сохраняются). Оно проявляется в действии общих закономерностей, присущих определенным стадиям экономического роста. Одной из таких закономерностей является *постепенное сокращение прямого участия государства в экономической жизни* (при сохранении функции дополнения и корректировки рынка) по мере реализации задач периода развития экономики «догоняющего» типа и достижения зрелости рыночных форм хозяйствования.

Однако тот же мировой опыт свидетельствует, что достижение этой стадии требует исторически продолжительного периода (порядка нескольких десятилетий). Например, Япония вступила на путь либерализации в начале 60-х годов, и этот процесс еще отнюдь не завершен и продолжается по настоящее время. В Германии аналогичный процесс шел несколько

¹ Sato Tsuneaki. Transition to Market Economy: Lessons from East European Experiences. Synopsis for Conference on «Asian Transitional Economies: Challenges and Prospects for Reform and Transformation». Osaka, October 30-31, 1994, p.7.

быстрее, что во многом было обусловлено ее участием в Европейском экономическом сообществе, но тем не менее он также занял не один десяток лет.

Можно, конечно, предположить, что России удастся пройти этот путь еще быстрее, однако все равно период достижения «зрелости рынка», вне всякого сомнения, будет довольно длительным.

И, наконец, последнее замечание. Тот исторический факт, что Японии удалось успешно решить задачи экономического восстановления и трансформации своей хозяйственной системы, ни в коей мере не означает, что японскую модель следует рассматривать как универсальную или общеприменимую даже для стран с внешне схожими стартовыми условиями.

То, что сущностное содержание процессов, происходящих в России и имевших место в послевоенные годы в Японии, кардинальным образом различается, не требует особых доказательств. Не вдаваясь в детальный анализ этих различий, достаточно указать на важнейшее принципиальное отличие: перед Японией стояла задача исправления *деформаций* функционирования рыночного механизма, вызванных жесткой системой военного контроля над экономикой, тогда как Россия стоит перед необходимостью формирования такого механизма и обеспечения условий его функционирования в преимущественно нерыночной среде².

Национальные условия всегда уникальны, и потому простое копирование зарубежного опыта бесперспективно по определению. Такая постановка вопроса, однако, отнюдь не означает, что из зарубежного опыта (как позитивного, так и негативного) нельзя извлечь уроков. Наоборот, делать это можно и нужно по крайней мере для того, чтобы избежать ошибок, вызванных принятием заведомо обреченных на провал решений. В более положительном варианте уроки, извлеченные из изучения зарубежного опыта, могут стать существенным подспорьем для выработки и корректировки собственной стратегии и тактики экономического развития.

Что касается использования японского опыта, то, как справедливо отмечают ведущие японские ученые, «уроки из опыта Японии могут быть извлечены не столько из позитивной оценки задним числом характера японского развития, сколько посредством изучения процесса создания методом проб и ошибок системы, приспособленной к специфическим нуждам экономики в определенный период»³.

² Более подробно данная проблема схожести и различий в условиях и задачах двух стран рассмотрена нами в специальном разделе гл.1 коллективной работы: К вопросу об использовании опыта послевоенного восстановления экономики Японии для России. Научно-исследовательский институт промышленной политики, Научно-исследовательский институт национальной экономики. Япония, Токио, 1995 (далее — К вопросу...).

³ The Japanese Experience of Economic Reforms. St. Martin Press, 1993, p.18-19.

В применении к России исследование японского опыта, как представляется, может быть полезным, во-первых, с точки зрения изучения *комплексного подхода к решению стоящих перед страной конкретных экономических проблем*, который включает в себя следующие необходимые стадии и элементы:

- осознание и формулирование национальных интересов с обязательным ранжированием их в соответствии с иерархией национальных приоритетов;

- вычленение наиболее насущных задач в сфере экономики;

- отбор и детальная разработка методов и способов их решения;

- выбор объектов и инструментов экономической политики, призванной реализовать эти задачи.

Во-вторых, этот опыт может служить своеобразным *«пособием» для проведения конкретных видов экономической политики с соответствующим инструментарием*, который должен быть обязательно адаптирован к конкретным национальным условиям и фазе экономического развития страны.

Конкретные направления и сферы возможного использования опыта послевоенного восстановления экономики Японии в условиях России (система приоритетных производств, поддержка мелкого и среднего предпринимательства, политика финансовой стабилизации, стратегия рационализации промышленности и т.д.) проанализированы автором в упоминавшейся выше работе⁴. Поэтому здесь мы остановимся на более общих вопросах, предопределивших, по нашему мнению, успех данной страны в преодолении экономической разрухи и обеспечении ускоренного хозяйственного строительства. Изложенные ниже тезисы отнюдь не исчерпывают всего многообразия условий, предпосылок и механизмов, которые стали залогом реализации феномена японского «экономического чуда». На наш взгляд, они являются только наиболее значимыми из обширного комплекса *необходимых* условий для возможности запуска механизма самоподдерживающегося роста, но это как раз те элементы японского опыта, которые следовало бы осмыслить и адаптировать к условиям нашей страны.

На первое место, безусловно, следует поставить *наличие мощной объединяющей нацию идеи*, понятной каждому японцу и приемлемой для каждого члена общества, а именно — *восстановление за Японией статуса мировой державы*. Выдвижение этой идеи позволило мобилизовать духовные силы нации, помогало народу переживать материальные тяготы послевоенного экономического кризиса и психологическое бремя американской оккупации. Кроме того, наличие идеи создало возможности консоли-

⁴ См.: К вопросу..., гл. 1 и 2.

дации интеллектуального потенциала нации для решения конкретных задач восстановления народного хозяйства. Следует признать, что правящие круги страны (в первую очередь в лице премьер-министра Сигэру Иосида) проявили большую гибкость и смогли создать весьма «разношерстную» в идеологическом отношении, но тем не менее сплоченную команду специалистов-профессионалов, в которую вошли и марксисты, и социалисты, и кейнсианцы, и либералы. Идеологические разногласия не помешали этой команде не только сформулировать основные направления политики восстановления, но и, заняв ключевые посты в госаппарате, провести ее в жизнь.

Команда высококлассных специалистов и ученых, подобранных исключительно по профессиональным качествам, ни в коей мере не представляла собой вариант коалиционного правительства, о создании которого сейчас идет много разговоров в России. Хотя премьер Иосида собрал в ней отнюдь не единомышленников, ее членов объединял по сути дела один принцип — патриотизм (или, если угодно, здоровый национализм), понимаемый как необходимость приложить свои знания и опыт для скорейшего преодоления послевоенной разрухи и восстановления экономики, для обеспечения Японии достойного места в мировом сообществе. Именно наличие такой объединяющей идеи позволило членам команды преодолеть идеологические разногласия и мобилизовать свой духовный и интеллектуальный потенциал для решения этой задачи.

Такая идея в настоящее время в России официально не сформулирована. Декларируемый с эпохи «перестройки» лозунг построения «социально-ориентированной рыночной экономики», безусловно, не может служить даже субституту идеи объединения россиян, так как представляет собой не самую цель, а лишь средство ее достижения. Точно также неприемлем и лозунг построения «демократического гражданского общества» как в силу своей излишней абстрактности, так и вследствие отсутствия сколь-нибудь устойчивых демократических традиций в России. Общенациональную идею-сверхзадачу еще предстоит сформулировать, и делать это надо как можно скорее.

Кроме того, важным элементом успеха японцев стало то, что с самого начала при обнародовании той или иной политики очень большое значение придавалось обеспечению ее поддержки основной частью населения посредством пропаганды правительственного курса. Примечательно, что уже в самом первом пятилетнем «плане восстановления народного хозяйства» 1946 г., реальной целью которого было достижение в важнейших отраслях довоенных объемов промышленного производства, на передний план выдвигалась его социальная цель — обеспечение довоенного уровня потребления населения. То же самое относится и ко всем последующим мероприятиям правительства.

В этой связи заслуживает внимания и более общая проблема диалога правительства и народа. Сейчас в России подавляющая часть населения просто не обладает достаточной информацией о ситуации в стране в целом и в отдельных регионах, о том, как правительство оценивает эту ситуацию и как намерено решать стоящие перед страной проблемы, какие проводятся (и проводятся ли вообще) реформы, какая осуществляется политика в отношении частного, кооперативного и государственного секторов, чего можно ожидать от правительственной политики завтра, через месяц, через год. А ведь такая информация абсолютно необходима и деловым кругам, и частным лицам, да и в неменьшей степени самому правительству, поскольку отсутствие или явный недостаток координации в деятельности отдельных министерств и ведомств уже стали у нас притчей во языцех.

Здесь, на наш взгляд, можно и следовало бы использовать опыт Японии по информированию населения о намерениях и планах правительства. Вряд ли экономическая ситуация в первые после военного поражения годы в Японии была более благоприятной, чем в нынешней России (по крайней мере проблемы дефицита продовольствия, товаров, финансовых ресурсов и бюджета стояли значительно острее). Однако уже в 1947 г. были изысканы средства на составление и широкую публикацию первой «Белой книги по экономике», в которой детально анализировались хозяйственная ситуация, стоящие перед страной социально-экономические проблемы, разъяснялась выработанная правительством программа выхода из кризиса, давались прогнозные оценки развития экономики и социальной сферы.

В то же время правящие круги никогда не декларировали нереальных целей. Рост благосостояния и социальной защищенности неизменно увязывался с реальными возможностями национальной экономики. Форсируя экономический рост, правительство смогло внедрить в сознание японцев очень простой и эффективный мотивационный стереотип-схему: *хозяйственный рост «твоей» компании ⇒ общий рост экономики страны ⇒ рост жизненного уровня народа.*

Для того чтобы поддержать на высоком уровне трудовую мотивацию, по убеждению правящих кругов страны, все члены общества должны постоянно и явно ощущать прямую и непосредственную зависимость уровня жизни от результатов своего труда. Поэтому государство в 50–60-х годах направляло подавляющую долю находившихся в его распоряжении ресурсов на стимулирование и расширение хозяйственной конъюнктуры, намеренно сдерживая уровень социальной защиты населения, предпочитая компенсировать отсталость социальной сферы ростом реальных денежных доходов (повышая уровень минимальной оплаты труда, неоднократно снижая ставку подоходного налога и т.п.). При этом достигался двойной эффект: не только государство получало непосредственную возможность инвестиро-

вать в экономику «сэкономленные» на социальных программах средства, но и население, вынужденное по необходимости откладывать средства «на черный день» (т.е. поддерживать на высоком уровне норму личных сбережений), опосредованно (через увеличение объема вкладов и депозитов в кредитно-банковской сфере) способствовало активизации инвестиционного процесса и, следовательно, поддержанию высоких темпов экономического роста.

Только в 70-е годы, т.е. после того, как Япония превратилась во вторую по экономической мощи державу капиталистического мира после США, были предприняты весьма эффективные усилия по развитию систем социального страхования и обеспечения. И хотя уже с 80-х годов Япония стала одной из самых «богатых» стран мира по уровню жизни населения, тем не менее социальная направленность экономики была официально декларирована только в начале 90-х годов, когда в очередной среднесрочной программе правительства на повестку дня была поставлена задача формирования «общества благосостояния японского типа». В данном контексте упомянутый лозунг построения в России «социально-ориентированного рыночного хозяйства» в современных условиях объективно представляет собой не более чем худший пример популизма и социальной демагогии: на нынешнем этапе развития и еще в весьма длительной перспективе у нас не будет ни сил, ни средств для реализации такого типа экономики.

Особого внимания заслуживает проблема создания юридической основы для функционирования рыночного хозяйства в России. В нашей и иностранной печати, высказываниях представителей деловых кругов и официальных заявлениях властных структур на протяжении уже многих лет муссируется тезис о «недостаточности правовой базы» для того, чтобы обеспечить нормальные условия для экономического и социального развития. Общеизвестно, что этот фактор является одним из важнейших препятствий для снижения уровня криминализации нашей экономики, сокращения масштабов «бегства капиталов» и расширения притока в Россию иностранных инвестиций.

Вполне понятно, что создание такой базы представляет собой чрезвычайно сложное и трудоемкое дело, тем более в условиях фактически полного отсутствия правовых норм, соответствующих демократической организации общества и экономики, и общей весьма низкой «юридической грамотности» как населения, так и представителей законодательных органов. Эти объективные причины имеют своим результатом, с одной стороны, затягивание процесса принятия совершенно необходимых законов, а с другой — наличие многочисленных противоречий между старыми (унаследованными от СССР) и новыми законами (а нередко и между вновь принимаемыми юридическими актами).

В связи с этим нам представляется, что опыт Японии также заслуживает пристального внимания. Когда после реставрации Мэйдзи (1868 г.) страна встала перед необходимостью создания новой юридической основы функционирования государства, соответствующей прекращению многовековой политики изоляции, она действовала более разумно и эффективно. Понимая, что выработка всего комплекса правовых норм собственными силами потребует многих и многих лет, правящие круги выбрали совершенно неординарный способ решения проблемы: законодательства ведущих стран мира были переведены на японский язык и проанализированы под углом зрения их соответствия японским условиям. Наиболее приемлемыми были признаны уголовное, административное и коммерческое законодательство Пруссии и Гражданский кодекс Франции, которые после незначительной корректировки (адаптации к местным политическим условиям) были приняты парламентом целиком, в комплексе. В результате Япония в очень сжатые сроки получила проверенную на исторической практике всеобъемлющую, логически стройную и взаимоувязанную систему законов, которая обеспечивала функционирование всех звеньев государства, экономики и общества.

Конечно, не все элементы «импортированной» системы работали одинаково успешно, и в последующие годы постоянно шла работа по корректировке практически всех разделов уголовного, административного, гражданского, коммерческого и других кодексов. Параллельно существующее законодательство дополнялось, развивалось и совершенствовалось. И это вполне естественно — изменение условий, целей и степени зрелости государства, экономики и общества диктовало необходимость адаптации его юридической основы. Но сохранялась общая юридическая целостность системы и неизменно действовал главный принцип: «лучше плохой закон, чем полное отсутствие закона». Очевидно, что интеллектуальный потенциал современной России не сопоставим с японским почти полуторавековой давности, но, думается, сам принцип японского подхода к формированию правовой базы можно было бы взять на вооружение.

И, наконец, следует обратить внимание на созданный в Японии механизм подготовки и принятия решений с помощью системы совещательных комитетов. Такая практика не является уникальной, и в других государствах подобные органы существуют и функционируют. Но, по призванию множества специалистов, ни в одной стране они не играют столь значительной роли в процессе подготовки и принятия политических решений во всех областях деятельности государства.

Данная система неоднократно была объектом анализа как наших, так и зарубежных японоведов, поэтому здесь мы ограничимся лишь формулированием основных составляющих ее элементов. Наиболее важной харак-

теристикой этой системы следует признать комплексный подход к формулированию целей, разработке концепции, выбору объектов и инструментов политики. Можно сказать, что в основе этой системы лежат три стадии подготовки к проведению государственной политики.

1. Юридически оформленное решением парламента создание специального совещательного комитета для определения целей политики, выбора ее объектов и вычленения основных проблем.

2. Формулирование в процессе работы комитета концепции новой политики, ее соотнесенности и соподчиненности со стратегическим курсом страны и другими направлениями государственной политики, а также обеспечение координации и сотрудничества правительственных ведомств с частным сектором.

3. Обеспечение правовой базы для осуществления политики.

В Японии совещательные комитеты представляют собой не просто консультативные органы, к мнению которых правительство вольно прислушиваться или игнорировать его, а основной субъект и одновременно важнейший инструмент политического процесса, причем юридически институализированный, так как само создание и функционирование таких комитетов осуществляется на основе правовых актов. По заключению английских ученых С. Уилкса и М. Райта, система совещательных комитетов в Японии «объединяет в себе технический анализ, форум для дискуссий и консультаций и механизм достижения консенсуса (в отношении конкретной политики. — А.К.) ..., [а также] механизм мобилизации и координации широкого спектра организаций в русло желаемого [направления] развития»⁵.

Японские ученые М.Окуно и К.Судзумура, оценивая роль совещательных комитетов, подчеркивают, что они оказались очень «эффектным механизмом сбора, обработки и распространения информации (связанной с конкретной политикой. — А.К.). Можно сказать, что, не будучи сами по себе средством осуществления политики, они были ни чем иным, как необходимым политическим орудием проектирования и законодательного оформления инструментов осуществления политики»⁶.

Особенностью японской системы совещательных комитетов является то, что они формируются из представителей соответствующих правительственных ведомств, частного бизнеса, академических кругов, средств массовой информации и потребителей. Это позволяет еще на стадии формирования концепции политики добиться компромисса интересов практически всех страт общества. Дополнительной формой общественного контроля за пра-

⁵ Wilks Stephen, Wright Maurice. Comparative Context of Japanese Political Economy — in: The Promotion and Regulation of Industry in Japan. Macmillan, 1991. p.16.

⁶ Нихон-но сангэ сэйсаку (Промышленная политика Японии). Токио, 1984, с.482.

вительственной политикой является ее обязательное законодательное оформление, предполагающее утверждение парламентом соответствующих правовых актов.

Необходимо также учитывать, что очень многие проекты, касающиеся разработки новых направлений государственной политики в социально-экономической сфере, хотя и вносятся в совещательные комитеты министерствами и ведомствами Японии, но изначально иницируются деловыми кругами. Более того, как отмечает весьма критически относящийся к засилью бюрократии Р.Комия, «совсем не обязательно, что всегда проходит мнение чиновников. В этом отношении совещательные комитеты можно назвать местом для урегулирования различных интересов. Можно даже сказать, что в данном смысле система совещательных комитетов является одной из конкретных форм послевоенной японской демократии»⁷.

В России имеется ряд подобных консультативных органов при президенте, правительстве и законодательных институтах. Однако их юридический статус законодательно не оформлен, списки членов этих органов и разрабатываемые ими проекты не находят отражения в средствах массовой коммуникации (не говоря уже о широкой публикации подготовленных рекомендаций не после, а до принятия политических решений, как это принято в Японии), поэтому и роль этих органов в выработке политических решений, судя по всему, минимальна.

По нашему глубокому убеждению, для России всемерное развитие системы совещательных комитетов не только полезно, но абсолютно необходимо (может быть, даже в большей степени, чем в Японии). Дело в том, что у российского чиновничества явно ощущается нехватка опыта (а нередко и конкретных специальных знаний) управления экономикой в условиях рыночной системы. Поэтому участие в таких комитетах наряду с чиновниками представителей деловых и академических кругов чрезвычайно желательно.

Особенно важно участие представителей частного сектора, так как они по собственному опыту знают, что именно в данный момент необходимо для развития промышленности и других секторов экономики. Кроме того, среди них многие являются выходцами из среды бывших чиновников и хозяйственников (причем, как правило, наиболее способных и «незашоренных»), и потому в полной мере представляют себе как общие проблемы частного и государственного предпринимательства, так и те трудности, которые возникают при переходе и адаптации к рынку.

Помимо чисто практической экономической выгоды создание системы таких смешанных, полуправительственных-получастных органов может быть полезно и политически, упрочивая основу молодой российской демо-

⁷ Там же, с.20.

кратии. В этих же целях, чтобы избежать диктата чиновничества вкупе с «новыми капиталистами», членами этих органов должны стать также представители профсоюзов, средств массовой информации⁸ и потребителей.

Подобного рода совещательные комитеты необходимы и с точки зрения построения в России правового государства, так как они могли бы стать хорошей «школой» по приобретению навыков законодательного оформления каждого вида разрабатываемой политики.

Кроме того, престиж членства в совещательных комитетах Японии с точки зрения социального статуса чрезвычайно высок, поэтому их члены получают не столько заработную плату, сколько символические «благодарственные». Очевидно, на нынешнем этапе вознаграждение членов таких комитетов в России должно быть достаточно «весомым», чтобы привлечь по-настоящему высококлассных специалистов. Однако дело того стоит.

В заключение следует отметить, что в данной статье приведены только примеры положительного опыта Японии, хотя в истории этой страны есть немало примеров отрицательного опыта (опыта ошибок, просчетов и неудач), который тоже может быть полезен для нас. В более общем плане можно сделать вывод, что пристального внимания заслуживает не только опыт Японии. Необходимо изучать позитивный и негативный опыт многих стран, в том числе и «новых индустриальных экономик третьего мира», а также и собственный, для того чтобы, с одной стороны, не «изобретать велосипед», а с другой — хоть в какой-то мере учиться не только на своем (как правило, горьком) опыте, но и на ошибках других стран и народов.

⁸ В российских средствах массовой информации имеется немало высококвалифицированных специалистов (обозревателей и журналистов-аналитиков в области экономики, промышленности, права и т.п.), зачастую лучше чиновников и ученых представляющих себе конкретные проблемы нашего народного хозяйства. Их опыт и способности следовало бы активно использовать.

Особенности деловых отношений в Японии

И.П.Лебедева

ФИНАНСОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЕ ГРУППЫ

Одним из направлений развития крупной промышленности в России становится формирование финансово-промышленных групп. В Японии эта форма организации бизнеса имеет долгую историю и отличается рядом специфических черт, не имеющих аналогов в других развитых странах. Именно финансово-промышленные группы олицетворяют в настоящее время научно-техническую, финансовую и экономическую мощь Японии. На наш взгляд, для российских специалистов, занимающихся вопросами организации крупной промышленности в новых рыночных условиях, японский опыт в этой области может оказаться далеко небезынтересным.

В настоящее время в Японии существует шесть финансово-промышленных групп, объединяющих около 200 крупнейших корпораций. С учетом контролируемых фирм на них приходится, по разным оценкам, от 30 до 40% всех активов японских промышленных компаний и кредитно-финансовых учреждений и около 1/4 общего объема продаж.

Четыре наиболее крупных группы — «Мицубиси», «Мицуи», «Сумитомо» и «Фуё» («Ясуда») — ведут свое начало от прежних дзайбацу (семейных торгово-финансовых домов в довоенной Японии), а две группы — «Дайити кангё» и «Санва» сформировались вокруг банков с теми же названиями уже в послевоенный период. Между «старыми» и «молодыми» группами можно обнаружить некоторые отличия. «Старые» группы, как правило, являются более мощными и более прочными в организационном

отношении, в то время как «молодые» обладают более подвижными границами и в организационном плане менее сплочены. Однако при некоторых отличиях общие принципы функционирования финансово-промышленных групп, или *кигё сюдан* в японской терминологии, в целом совпадают. На них мы и остановимся ниже.

Каждая из *кигё сюдан* представляет собой «федерацию» могущественных независимых компаний, группирующихся вокруг соответствующего банка и *сого сёся* (универсальной торговой компании). Помимо городского банка и *сого сёся*, в каждой группе можно обнаружить траст-банк, одну-две страховые компании и от одной до четырех крупнейших промышленных компаний, представляющих важнейшие отрасли японской промышленности¹. Кроме того, как правило, в группу входят одна-две компании, занятые строительством и операциями с недвижимостью, а также одна-две транспортные фирмы. Некоторые группы имеют также свои собственные универмаги (группа «Мицуи» — «Мицукоси», «Санва» — «Такасимая», «Дайити кангё» — «Сэйбу»).

Эти могущественные компании (в среднем их число составляет 20—25) формируют ядро групп, а их президенты — элитные «Президентские клубы». Однако наряду с этими крупнейшими фирмами в финансово-промышленные группы входят также крупные и средние компании, в которых группе принадлежит свыше 50% капитала (их число составляет в среднем 800—1000), и компании, в которых она владеет от 10 до 50% капитала (их насчитывается соответственно 1000—1300).

В основе объединения компаний в *кигё сюдан* лежит прежде всего их стремление разделить с другими участниками группы риск, связанный с ведением бизнеса в такой «жесткой» среде, какой является рынок, и хотя бы отчасти снизить степень ее непредсказуемости и неопределенности. *Кигё сюдан* достигают этой цели путем использования системы перекрестного акционерства и внутригрупповых поставок товаров и услуг.

Хотя антимонопольное законодательство Японии запрещает создание холдинговых компаний, чей «основной бизнес состоит в контроле за предпринимательской деятельностью другой корпорации», оно в то же время

¹ При этом группа «Мицубиси» занимает особо прочные позиции в производстве промышленного оборудования и строительстве атомно-энергетических объектов, а также в авиакосмической и военной промышленности, электромашиностроении. Основными сферами деятельности группы «Мицуи» являются химическая промышленность и производство синтетических волокон, а также угледобыча, автомобилестроение и электронное машиностроение. Группа «Сумитомо» включает корпорации цветной металлургии, стройматериалов, нефтехимической, электронной и электротехнической промышленности. В отраслевом составе корпораций, входящих в три другие группы («Фуэ», «Дайити кангё» и «Санва»), относительно ниже доля фирм, оперирующих в базовых отраслях, и относительно высока доля компаний, действующих в высокотехнологичных наукоемких производствах.

разрешает нефинансовым корпорациям владеть акциями других компаний, «если это не ограничивает конкуренцию».

Начало развитию системы перекрестного владения акциями было положено в 1954 г., когда в обмен на поддержку решения о воссоздании торговой компании группы «Мицубиси» (путем поглощения ею трех других торговых фирм) компании — члены «Президентского клуба» получили солидные пакеты акций этой вновь возрожденной *сого сёся*. Сильный толчок к развитию система перекрестного акционерства получила в середине 60-х годов, когда был либерализован импорт капитала. Опасаясь скупки своих акций иностранными инвесторами, многие корпорации в то время построили системы перекрестного акционерства, используя прежде всего свои связи в рамках старых *дзайбацу*. В других случаях подобные системы создавались при содействии банков, выступавших в качестве посредников между своими клиентами.

В своем нынешнем виде система перекрестного владения акциями между компаниями, входящими в *кигё сюдан*, имеет форму матрицы, когда каждая корпорация связана такими отношениями одновременно с несколькими компаниями. При этом, если одна компания по закону может владеть не более 5% акций другой компании, то группе в целом может принадлежать весьма значительный пакет. Так, группа «Мицубиси» в среднем владеет 17,2% акций группированных фирм, «Мицубиси» — 26,4%, «Сумитомо» — 23,8, «Фуё» — 15,3%, «Санва» — 16,2% и «Дайити кангё» — 12%.

Каков же экономический смысл системы перекрестного владения акциями в *кигё сюдан*?

Тот факт, что группе принадлежит весьма значительный пакет акций входящих в нее компаний, свидетельствует о ее возможности оказывать определенное влияние на поведение каждой из них и контролировать ее действия. Однако, поскольку в условиях перекрестного владения акциями на месте контролируемой фирмы может оказаться любая из группированных компаний, такая ситуация ведет в конечном счете к углублению взаимозависимости между членами группы и усилению их взаимной заинтересованности в благополучии друг друга. С экономической точки зрения этот своего рода «взаимный фаворитизм» дает участникам группы по крайней мере два очевидных преимущества.

Во-первых, он создает основу для неконкурентного, или нерыночного поведения фирм при осуществлении сделок с компаниями группы. В результате путем отхода от норм конкуренции и принятия определенных правил игры (т.е. установления внутргрупповых цен и заключения неформальных долгосрочных соглашений) участники группы получают возможность снизить степень риска, связанного с ведением дел в неопреде-

ленной рыночной среде. Поскольку на внутригрупповые сделки приходится в среднем 20—30% общего объема продаж участников группы, можно предположить, что примерно в такой же пропорции стабилен и гарантирован от существенных потрясений их бизнес.

Во-вторых, «взаимный фаворитизм» делает предсказуемым и управляемым поведение участников группы как акционеров. Юридические лица вообще являются более надежными акционерами, чем физические лица, поскольку в отличие от последних приобретают акции не для игры на повышение курсов, а для поддержания межфирменных связей. Тот же факт, что в *кигё сюдан* эти юридические лица связаны системой перекрестного акционерства, приводит к полному взаимопониманию между ними как в отношении политики дивидендов, так и в отношении поддержания курсов акций партнеров.

Что касается политики дивидендов, то по взаимному соглашению участники группы отказываются от какого-либо нажима друг на друга с целью увеличения размеров выплачиваемых дивидендов, что позволяет им направлять дополнительную часть прибыли на развитие производства или на выплату бонусов для поддержания благоприятного социально-психологического климата в компаниях.

Что же касается поддержания курсов акций партнеров, то суть этой практики состоит в следующем. В обычных условиях для корпорации существует лишь один способ повысить курс своих акций — улучшить результаты хозяйственной деятельности и увеличить тем самым спрос на свои акции. Однако спрос на акции той или иной компании может быть организован и искусственно, если на это согласятся ее партнеры. Очевидно, что перекрестное владение акциями и «взаимный фаворитизм» членов группы, создают все необходимые предпосылки для совместных действий по поддержанию курсов акций друг друга путем организации искусственного спроса на них. Особенно усилилась эта практика с начала 70-х годов, когда японские компании стали переходить к выпуску акций не по номинальной стоимости, а по рыночным ценам. Однако, как замечает Х.Окумура, рыночными эти цены можно назвать лишь условно, поскольку цены фактически определяет выпускающая акции компания, а поддерживать их на высоком уровне помогает искусственно организованный спрос со стороны партнеров. Хотя этот механизм явился одним из основных элементов «экономики мыльного пузыря», крах которой в начале 90-х годов ввергнул страну в глубокий и продолжительный кризис, в 70—80-х годах благодаря ему крупнейшие японские компании смогли привлечь огромные дополнительные средства, которые были направлены на техническое перевооружение производства, освоение высокотехнологичной продукции, развитие научных исследований и опытно-конструкторских работ (НИОКР) и т.д.

Наряду с перекрестным акционерством специфику японских *кигё сюдан* составляют и особые отношения между банками и промышленными компаниями. При этом обе стороны, основываясь на принципе «взаимного фаворитизма», оказывают друг другу различные услуги, в том числе и такие, которые возможны только при полном доверии и долговременных связях между партнерами.

По-видимому, самым уникальным моментом в отношениях между банками и компаниями, входящими в *кигё сюдан*, является система так называемых «компенсационных балансов». Суть ее состоит в следующем. При предоставлении кредита банк и компания-заемщик договариваются о том, что определенную часть полученного кредита компания поместит в банк в форме депозита. При этом, когда условия кредита ужесточаются, размеры «компенсационных балансов» уменьшаются и, наоборот, при смягчении условий кредита — несколько увеличиваются. По некоторым оценкам, на депозиты банков возвращается от 20 до 30% кредитов, выданных ими компаниям. Поскольку министерство финансов не поощряет эту практику, очевидно, что она возможна только между партнерами, абсолютно доверяющими друг другу и связанными глубокими взаимными интересами.

В ответ на «понимание» со стороны компаний японские банки не только предоставляют им кредиты в первую очередь, но и идут на не слишком выгодные для себя меры и, напротив, избегают шагов, которые могут нанести ущерб финансовому положению клиентов. В частности, ни один банк никогда не применял в отношении своих клиентов «штрафных» процентов, хотя соглашения о намерениях, которые подписывают банк и компания при проведении финансовых операций, предусматривают такую возможность. Наоборот, обычной практикой стало продление банками краткосрочных кредитов компаниям и превращение их таким образом в долгосрочные (наиболее дефицитные), которые компании могут использовать для инвестиций в оборудование.

Об особых отношениях между банками и компаниями, входящими в *кигё сюдан*, говорит следующий факт. В последние годы, когда из-за снижения интенсивности инвестиционного процесса в промышленности общая потребность компаний в кредитах снизилась, по просьбе банков они продолжали прибегать к заимствованиям, чтобы поддержать активные операции «своих» банков на необходимом уровне. Вряд ли подобное возможно в Европе или Америке.

Особое положение в *кигё сюдан* занимают *сого сёся* — универсальные торговые компании. Через них осуществляется не только внутригрупповая торговля, но и значительная часть торговых операций членов группы с аутсайдерами (в том числе и экспортно-импортные). Кроме того, аккумулируя и обрабатывая огромные потоки информации, *сого сёся* играют роль

информационных центров группы, а также весьма часто выступают в качестве координаторов при разработке крупномасштабных групповых проектов.

Таким образом, если такие базовые элементы японской культуры, как группизм и эгалитарное сознание создают социокультурную основу для группирования компаний по типу *кигё сюдан*, то перекрестное владение акциями, внутригрупповые производственно-торговые связи и особые функции банков и *сого сёся*, дающие членам группы определенные экономические преимущества, формируют рационалистическую основу группирования.

Внутригрупповая солидарность и приоритет, отдаваемый внутригрупповым интересам, подчас проявляют себя весьма специфическим образом. Так, работников группированных компаний и членов их семей побуждают приобретать товары, производимые только компаниями — членами группы (в том числе и путем организации специальных распродаж). Например, работники компаний группы «Фуё» покупают пиво «Саппоро» и автомобили «Ниссан», а работники компаний — членов группы «Мицубиси» — пиво «Кириин» и автомобили «Мицубиси».

С точки зрения общих принципов функционирования *кигё сюдан* напоминают старые японские деревенские сообщества — мура. Так, в повседневных делах сплоченность группы проявляется не слишком сильно (в том числе постепенно ослабевают ориентация на закупки продукции преимущественно внутри группы, расширяются самостоятельные торговые операции компании на внутреннем и внешнем рынках), однако она дает о себе знать в полной мере, когда речь идет, например, о проникновении в новую сферу бизнеса или об оказании помощи кому-либо из членов группы в случае финансовых затруднений. Возрастает при этом и роль «Президентского клуба» — неформального лидера *кигё сюдан*.

Как отмечалось выше, членами «Президентских клубов» являются президенты 20—25 крупнейших компаний, формирующих ядро *кигё сюдан*. Интересен тот факт, что когда по окончании режима оккупации прежние дзайбацу начали воссоединяться, одними из первых были восстановлены «Президентские клубы».

Согласно устоявшейся практике члены «Президентских клубов» встречаются раз в неделю по определенным дням для обсуждения текущих дел группы. «Президентские клубы» выступают как посредники в улаживании разногласий между членами группы, а также решают кадровые вопросы, касающиеся назначений или перемещений высших управленцев группированных компаний (например, рассматривают кандидатуры на посты президентов компаний, одобряют или отклоняют предложения о совмещении высших должностей и т.д.).

Однако основной задачей «Президентских клубов» является определение общей стратегии развития группы и схемы действий по отношению к аутсайдерам. Именно «Президентским клубам» принадлежит решающая роль при принятии решений о целесообразности внедрения группы в новую сферу бизнеса, о том, какими должны быть ее отношения с деловым сообществом и правительством. «Президентские клубы» вырабатывают также схему действий и выступают в качестве координаторов при оказании помощи членам группы, попавшим в затруднительное положение. Несмотря на неформальный статус «Президентских клубов», их решения являются обязательными для всех группированных компаний.

В то же время следует подчеркнуть, что существование *кигё сюдан* с присущими им специфическими внутригрупповыми отношениями отнюдь не подрывает, а лишь видоизменяет формирование рыночного механизма в Японии. При этом солидарность и неконкурентное поведение членов *кигё сюдан* при внутригрупповых сделках сосуществуют с ожесточенной межгрупповой конкуренцией, а также конкуренцией между компаниями группы и независимыми аутсайдерами.

Наиболее ожесточенный характер межгрупповая конкурентная борьба носила в период быстрых темпов роста (вторая половина 50-х — начало 70-х годов), когда каждая группа стремилась захватить как можно большую долю рынков бурно развивавшихся новых и новейших отраслей и производств японской промышленности. К началу 70-х годов сферы контроля и влияния каждой из групп были уже четко определены, и в последующие годы борьба между ними шла уже в основном за удержание завоеванных позиций. При этом центр тяжести конкурентной борьбы все более смещается в сферу научных исследований и опытно-конструкторских работ, так как стало очевидно, что от успехов именно в этой области зависят возможности опережения конкурентов и завоевания новых рынков.

Интересно отметить, что НИОКР стали не только ареной ожесточенной конкуренции между группами, но и сферой сотрудничества между ними. Так, в начале 70-х годов были созданы три межгрупповых объединения, задачей которых являлась разработка компьютеров, способных достойно ответить на вызов американской «IBM»: «Фудзицу» (группа «Дайити кангё») — «Хитати» (независимая); «NEC» («Сумитомо») — «Тосиба» («Мицуи»); «Мицубиси дэнки» («Мицубиси») — «Оки дэнки» («Фуё»). Для упрочнения этих объединений была использована система перекрестного акционерства, а финансовую поддержку обеспечивали банки соответствующих групп. В последующие годы аналогичные проекты были созданы в ряде отраслей высокой технологии и атомной энергетике.

Именно подобные формы сотрудничества имеют в виду западные специалисты, называя Японию «Japan, Incorporated». Между тем очевидно,

что это всего лишь одно из проявлений присущего японцам чувства национальной солидарности, которое перед лицом внешней угрозы заставляет вчерашних врагов забыть о разногласиях и объединиться для совместных действий.

Среди других примеров сотрудничества компаний конкурирующих групп наиболее известным являются так называемые «добровольные экспортные ограничения», которые в 60-70-х годах вынуждены были принять и распределить между собой компании текстильной, сталелитейной, автомобильной и электронной промышленности. Результатом сложного компромисса между конкурирующими группами явилась также осуществленная во второй половине 70-х — первой половине 80-х годов программа широкомасштабного скрапирования мощностей в так называемых «структурно-больных» отраслях японской промышленности. Она определяла не только объемы, сроки и объекты скрапирования, но и механизм распределения между конкурирующими фирмами издержек этой крайне болезненной акции. В обоих случаях посредником в организации сотрудничества выступило государство.

Возвращаясь к вопросу о принципах функционирования финансово-промышленных групп, следует еще раз подчеркнуть, что деловые связи между членами группы носят в значительной степени нерыночный характер. Разумеется, за отход от чисто рыночных принципов в деловых отношениях японский бизнес платит определенную цену. Так, по расчетам японских специалистов, у компаний-членов *кигё сюдан* уровень текущей прибыли обычно ниже, чем у независимых компаний, действующих в тех же областях. Если учесть, что в основе действия рыночного механизма лежит принцип «высокий риск — высокий доход», то более низкую прибыльность группированных компаний можно рассматривать как плату за снижение риска, которое дает им членство в группе.

Тот факт, что крупнейшие японские компании, имеющие долгий опыт работы в рыночной среде, готовы платить эту цену, уже сам по себе достаточно красноречив. Он наглядно подтверждает, что солидный, респектабельный бизнес предпочитает интересам получения высоких текущих прибылей возможность работать в относительно стабильной среде и рассчитывать на длительную перспективу.

ОРГАНИЗАЦИЯ СУБПОДРЯДНЫХ РАБОТ

Далее мы хотели бы ознакомить читателей еще с одной из наиболее интересных сторон японского опыта межфирменных связей — основными принципами кооперационных отношений между крупными и мелкими фирмами в рамках субподрядных работ.

Основной формой организации субподрядных работ в Японии являются так называемые *кэйрэцу* — объединения крупных фирм со средними и мелкими предприятиями, пронизанные различными видами связей (производственными, технологическими, по линии обмена персоналом, акционерства и т.д.). Подобие *кэйрэцу*, т.е. относительно устойчивые взаимосвязи между крупными фирмами и их подрядчиками различных уровней, можно встретить и в других странах (например, в автомобильной промышленности ФРГ или Италии). Однако уникальность японской практики состоит в том, что в силу долговременного характера и высокой устойчивости связей между головной фирмой и группированными предприятиями *кэйрэцу* функционирует как целостная, органически взаимосвязанная структура или единая организационная единица.

Стержнем, который объединяет компании, входящие в *кэйрэцу*, являются производственные связи, ориентированные на нужды головной фирмы. При этом с точки зрения характера обслуживания производственных нужд головной фирмы группированные предприятия можно подразделить на следующие виды.

Первый вид — предприятия, располагающиеся «над» или «под» материнской фирмой с точки зрения организации производственного процесса. Как правило, в материалопроизводящих отраслях группированные предприятия располагаются «над» материнской фирмой, а в отраслях конечной обработки и сборки — «под» ней.

Второй вид — предприятия, которые располагаются «по горизонтали», т.е. действуют в той же области производства, что и материнская фирма, и используются для расширения доли на рынке.

Третий вид — предприятия, созданные для организации сбыта продукции материнской компании. (Наибольшее распространение эта форма *кэйрэцу* нашла в автомобилестроении и электромашиностроении.)

Четвертый вид — предприятия, созданные (или присоединенные) материнской компанией с целью проникновения в новые области производства на основе стратегии диверсификации.

Пятый вид — предприятия, созданные для проникновения на зарубежные рынки. Их могут представлять компании самого различного профиля — торговые, финансовые, производственные и др.

Однако наряду с производственными взаимосвязями группу «пронизывают» и другие виды зависимости между головной и группированными фирмами, дополняющие и скрепляющие первые. Среди них можно назвать такие, как участие головной фирмы в капитале дочерних или зависимых фирм, направление в директораты группированных фирм представителей головной компании, предоставление головной фирмой финансов, технологии и консультационных услуг своим группированным

компаниям и т.д. При этом, как правило, чем значительнее производственные взаимосвязи между головной компанией и зависимыми фирмами, тем полнее она использует и другие формы зависимости и тем жестче контролирует последних. В результате с точки зрения интенсивности производственных и других связей между головной фирмой и зависимыми компаниями каждая *кэйрэцу* представляет собой многослойную, крайне неоднородную и при этом весьма подвижную и гибкую структуру, набор связей от крайне жестких до весьма слабых.

Наиболее распространенной формой *кэйрэцу* в обрабатывающей промышленности являются вертикальные *кэйрэцу* в сборочных производствах, в которых материнская фирма выступает в качестве вершины пирамиды, а зависимые фирмы располагаются на различных ее «этажах». По типу вертикальных *кэйрэцу* организована по существу вся система субподрядных работ в японской промышленности, которой охвачено более 2/3 мелких и средних предприятий.

Классическим примером, иллюстрирующим принципы субподрядных отношений в рамках *кэйрэцу*, является автомобильная промышленность Японии.

Согласно результатам обследования министерства внешней торговли и промышленности в среднем на одну крупную автомобилестроительную фирму приходится около 170 субподрядчиков первого уровня, 4700 субподрядчиков второго и около 32 тыс. субподрядчиков третьего уровня. Субподрядчики первого уровня могут быть довольно крупными фирмами, в то время как субподрядчики второго уровня — это в основном мелкие фирмы, а субподрядчики третьего уровня — мельчайшие предприятия.

Особенно высока степень зависимости от поставок головной фирме у субподрядчиков первого уровня, хотя некоторые из них превращаются со временем в солидные независимые фирмы, работающие на несколько крупных компаний или рынок. Чисто производственные связи, как правило, дополняются здесь и другими видами зависимости — участием головной фирмы в капитале субподрядчиков, направлением в них в качестве высших менеджеров представителей головной фирмы, предоставлением им технологической и финансовой помощи и т.д. Значительно реже подобные отношения связывают головную фирму с субподрядчиками второго уровня, не говоря уже о субподрядчиках третьего уровня. В то же время между субподрядчиками второго и третьего уровней могут существовать весьма тесные производственно-технологические связи, хотя на этих «этажах» пирамиды они обычно дополняются такими формами связей, как участие в капитале или командирование управленческих кадров, дающими право непосредственного контроля за деятельностью зависимой фирмы.

Так же «многослойны» *кэйрэцу* и с точки зрения структуры акционерства. Например, компания «Мицубиси дзюкогё» имеет около 300 группированных фирм, которые делятся на три категории. В категорию А включены компании, в которых материнской фирме принадлежит более 50% акционерного капитала. Таких компаний насчитывается 40 и они включаются в систему консолидированных финансовых отчетов «Мицубиси дзюкогё»².

В категорию В включены компании, в которых доля «Мицубиси дзюкогё» составляет от 10 до 50% капитала, в том числе в категорию В₁ входят компании, в которых она контролирует и направляет политику управления, включая операции с капиталом, торговые сделки, кадровые перестановки; в категорию В₂ — зависимые фирмы, в которых «Мицубиси дзюкогё» имеет долю в акциях наряду с другими фирмами и не может контролировать их непосредственно; в категорию В₃ — компании, в которые она инвестирует капитал с целью использования их в основном для организации сбыта продукции и других подобных операций. Наконец, в категорию С входят компании, в которых более 50% капитала принадлежит компаниям группы А и которые являются субподрядчиками второго уровня по отношению к «Мицубиси дзюкогё» и дочерними компаниями ее субподрядчиков первого уровня. Очевидно, что через свои дочерние фирмы — компании группы А — «Мицубиси дзюкогё» имеет возможность контролировать положение дел даже в третьем слое группы — компаниях категории С — вплоть до выдвижения определенных критериев рентабельности и контроля за назначением высших управленцев.

Система акционерства, безусловно, является основой для осуществления контроля со стороны головной фирмы за группированными предприятиями. Однако обычно, чем ниже к основанию пирамиды *кэйрэцу*, тем реже можно встретить такую форму связей, как участие фирмы-заказчика в капитале зависимой фирмы. На нижних этажах пирамиды право контроля, как правило, основывается на других принципах и прежде всего на зависимости подрядчика от технологии и заказов головной фирмы. Многие фирмы, располагающиеся у основания пирамиды *кэйрэцу*, пытаются ослабить эту зависимость, организуя работу сразу на нескольких заказчиках. Но это удается далеко не всем из них, так как большинство предприятий нижних этажей *кэйрэцу* являются мельчайшими (часто семейными) фирмами.

Многие крупные промышленные компании имеют одновременно несколько *кэйрэцу*, при этом наиболее часто сочетаются производственные и

² Система консолидированных финансов, введенная в 1977 г., обязывает компании, зарегистрированные на бирже, отражать в своих ежегодно публикуемых финансовых отчетах положение дел и в дочерних компаниях, в которых им принадлежит более 50% капитала.

распределительные *кэйрэцу*. Последние также представляют собой вертикальные многослойные структуры и охватывают весь процесс обращения продукции — от дверей заводов до торговых прилавков магазинов розничной сети. При этом система взаимных обязательств между магазинами розничной сети и головной фирмой (реализуемая через посредничество ее дочерних торговых компаний) состоит в следующем: первые предоставляют торговые площади под товары головной фирмы и поддерживают возможно более высокие цены на них; головные же фирмы обеспечивают магазины финансовыми ресурсами, консультированием по вопросам управления и поощряют за поддержание высоких цен, используя субсидии и различные виды скидок к цене товара.

Обратимся теперь к вопросу о характере взаимоотношений между головной компанией и группированными фирмами.

В отличие от финансово-промышленных групп типа *кигё сюдан*, где отношения между компаниями носят равноправный характер и где каждый извлекает примерно одинаковые преимущества, в вертикальных группах типа *кэйрэцу*, напоминающих квазисемейную организацию, позиции сторон — головной фирмы и ее подрядчиков, — а также извлекаемые ими преимущества выглядят по-разному.

Что касается головных фирм, то их выгоды от участия в *кэйрэцу* японские специалисты видят в следующем.

Во-первых, система пожизненного найма, применяемая практически во всех крупных японских компаниях и связанная со значительным объемом моральных и материальных обязательств фирм перед своими работниками, побуждает японских менеджеров в возможно большей степени сужать слой работников, на которых эта система распространяется. Вынос значительной части производственного процесса за пределы головной фирмы, т.е. в субподрядные предприятия *кэйрэцу*, позволяет ей, с одной стороны, сократить текущие расходы на рабочую силу (так как заработная плата на мелких и средних предприятиях на 30—40% ниже, чем на крупных), а с другой — защититься от воздействия конъюнктурных колебаний саму систему пожизненного найма, передавая мелким и средним фирмам функцию «абсорбентов потрясений».

Во-вторых, головные фирмы используют *кэйрэцу* для решения ряда вопросов, связанных с организацией и управлением производством. Как известно, по мере расширения предприятия и усложнения его производственных связей происходит неизбежный рост бремени бюрократизации и снижения эффективности управления. Они могут быть устранены с помощью децентрализации управления путем придания отделениям права хозяйственной самостоятельности. Однако, когда и эта мера оказывается недостаточной с точки зрения повышения эффективности управления, компании

идут еще дальше — выделяют дивизионы из основной организации и превращают их в дочерние или зависимые фирмы. В результате процесс децентрализации управления выходит за рамки компании, и единицей децентрализованного управления становится дочерняя или зависимая компания. Одновременно головная компания решает и очень важный с точки зрения поддержания своей жизнеспособности кадровый вопрос. А именно, создавая таким образом определенное количество высших управленческих постов и направляя на них менеджеров преклонного возраста, она получает возможность предоставить новые должности молодым перспективным менеджерам и тем самым поддержать их трудовую мотивацию и лояльность фирме.

В-третьих, группирование дает головным компаниям ряд очевидных преимуществ с точки зрения экономии издержек. Выше уже говорилось об экономии на издержках на труд, извлекаемой из передачи определенных стадий производственного процесса мелким и средним фирмам. Кроме того, как отмечают американские специалисты, *кэйрэцу* имеют такое преимущество, как «экономия трансакционных издержек», вытекающая из практики долговременных деловых отношений между материнской фирмой и зависимыми компаниями. Под ней имеются в виду сокращение затрат времени на ведение переговоров, доступ к закрытым технологиям, вообще невозможный вне рамок тесных и долговременных партнерских отношений и т.д. Здесь следует также упомянуть и о тех выгодах, которые получает головная фирма благодаря синхронизации производственного процесса в рамках группы и координации действий членов группы на основе краткосрочного и среднесрочного планирования.

В-четвертых, с точки зрения адаптации к изменениям во внешней среде *кэйрэцу* предоставляют головным фирмам намного более широкие возможности, чем, например, вертикальные интегрированные корпорации, получившие распространение в США. Если последние представляют собой жестко детерминированные структуры, то *кэйрэцу* — это совокупность жестких и слабых взаимосвязей, центростремительных и центробежных тенденций, и потому они могут легко и гибко приспосабливаться к требованиям, выдвигаемым внешней средой.

И, наконец, в-пятых, значительные конкурентные преимущества приносит головным фирмам специфический характер сделок в рамках группы, который в целом можно определить как «нерыночный». Под последним имеется в виду прежде всего практика установления цен на продукцию субподрядных фирм, а именно тот факт, что они находятся под довольно сильным нажимом со стороны головной компании в отношении уровня издержек производства и цен на продукцию. При этом обычно головная фирма не соглашается с повышением цен на продукцию субподрядчиков,

если оно связано с ростом издержек на труд или энергию (заявляя, что он должен быть перекрыт ростом производительности труда). Но в то же время большинство головных компаний берут на себя обязательство одобрить повышение цен, если оно связано с улучшением качества продукции.

Хотя «нерыночный» характер сделок в рамках *кэйрэцу* ставит субподрядчиков крупных фирм в весьма жесткие условия, нельзя не видеть того факта, что и они извлекают определенные выгоды из членства в группе.

Во-первых, решающее значение для мелких и средних фирм имеет то обстоятельство, что в рамках *кэйрэцу* они получают возможность работать на известный рынок и рассчитывать на долгосрочную перспективу. Так, в соответствии с традициями *кэйрэцу* даже в случае, когда аутсайдеры предлагают головной фирме продукцию по более низким ценам, она не спешит передавать им заказы, а терпеливо работает со своими прежними поставщиками с целью доведения издержек производства и цен до уровня, предлагаемого их конкурентами.

Во-вторых, в рамках внутригрупповых отношений головные фирмы берут на себя обязательство обеспечить субподрядчиков финансами, технологией и консультированием по вопросам управления, что представляет особую ценность для развития мелких и средних фирм.

Наконец, в-третьих, в периоды экономических потрясений, идя на определенное снижение своих доходов, головная фирма берет на себя функции гаранта по отношению к своим субподрядчикам, обеспечивая их заказами и другими видами поддержки и помогая им выжить в сложных условиях (в обмен на монопольные доходы, которые она извлекает из «нерыночного» характера сделок в рамках *кэйрэцу* в периоды процветания).

Таким образом, *кэйрэцу* можно охарактеризовать как систему взаимных обязательств сторон — головной фирмы и ее субподрядчиков, при которой каждая из сторон идет на некоторое ущемление своих интересов в одних областях в обмен на получение значительных преимуществ в других.

По своему характеру сделки в рамках *кэйрэцу* занимают промежуточное положение между рыночными и внутрифирменными сделками. С одной стороны, они лишены такого недостатка рыночных сделок, как нестабильность и неопределенность, а с другой — избавлены от такого минуса внутрифирменных сделок, как низкая эффективность, являющаяся следствием утраты элементов конкуренции.

Хотя, как отмечалось выше, преимущества от членства в *кэйрэцу* извлекают обе стороны, следует признать, что до последнего времени большие выгоды получали головные фирмы. Оценивая перспективность своих субподрядчиков с точки зрения цены и качества поставляемой продукции, головная фирма могла время от времени принимать решение об

изменении их состава. Такая ситуация, с одной стороны, усиливала конкуренцию между субподрядными фирмами, а с другой — создавала условия для психологического давления на мелкие и средние фирмы в отношении цен на поставляемую ими продукцию.

Однако в последние годы позиции головных и субподрядных фирм в рамках *кэйрэцу* все более выравниваются. Во-первых, вследствие значительного роста технического уровня субподрядных предприятий (некоторые из них даже стали партнерами крупных фирм в проведении НИОКР) их роль в рамках *кэйрэцу* все более усиливается. Во-вторых, вследствие значительных вложений головных фирм в НИОКР, технологию, подготовку кадров на своих субподрядных предприятиях все более возрастает цена, которую должна была бы заплатить головная фирма за разрыв связей со своими подрядчиками. И, в-третьих, в последние годы значительно возросло число субподрядных фирм, работающих одновременно на нескольких заказчиков, что снижает их зависимость от головной фирмы. Так, согласно одному из последних обследований у 36,2% мелких и средних фирм насчитывается шесть и более заказчиков, у 26,4% — соответственно от трех до пяти и только 17,3% фирм имеют одного заказчика.

Очевидно, что усиление позиций субподрядных фирм в рамках *кэйрэцу* означает определенное ослабление центростремительных сил в группе. С целью сохранения целостности группы в последние годы многие крупные компании приступили к реорганизации своих *кэйрэцу*, целью которой является нахождение такого баланса между самостоятельностью группированных фирм и контролем головной компании, который позволил бы, с одной стороны, сохранить единство группы, а с другой — обеспечил бы ее гибкость и адаптивность. В частности, в последние годы во многих *кэйрэцу* были созданы специализированные дочерние финансовые компании, целью которых является повышение эффективности финансовых операций группы (сбалансирование избытка и нехватки средств внутри группы, обеспечение группы необходимыми финансами под возможно более низкие проценты, повышение мобильности в использовании свободных средств, подключение к новым финансовым технологиям и т.д.).

Гибкая организация *кэйрэцу*, подвижность их границ (расширение границ группы за счет «отпочкования» от головной компании дочерних фирм или приобретения новых предприятий и в то же время сужение границ группы за счет предоставления некоторым фирмам полной независимости) уже сами по себе облегчают ход этой реорганизации, а следовательно, предопределяют и живучесть этой уникальной формы организации бизнеса в Японии.

В то же время следует отметить, что «нерыночный» или квазирыночный характер сделок в рамках *кэйрэцу*, придающий весьма существенное

своеобразие функционированию рыночного механизма в Японии, вызывает серьезную критику со стороны ряда японских специалистов, а также западных бизнесменов и политиков. При этом, если первые сосредоточивают огонь критики на «несправедливом» характере сделок в рамках группы, то вторые прежде всего указывают на то, что *кэйрэцу* являются и основным признаком «закрытости» японского рынка, и основным препятствием для проникновения на него западных компаний.

Критика в адрес *кэйрэцу* со стороны партнеров Японии нарастала по мере увеличения положительного сальдо платежного баланса страны и достигла своего пика к началу 90-х годов. В конечном итоге японская сторона вынуждена была признать справедливость значительной части обвинений в адрес *кэйрэцу* и заявить о своей готовности предпринять ряд шагов, чтобы сделать их более открытыми и «прозрачными» (прежде всего путем ужесточения антимонопольного законодательства в части, касающейся *кэйрэцу*). Однако, на наш взгляд, намеченные в отношении *кэйрэцу* меры вряд ли смогут существенно изменить положение вещей. Дело в том, что названные выше очевидные конкурентные преимущества этой формы организации бизнеса (извлекаемые обеими сторонами) налагаются на чисто японские представления о нормах общественных отношений (таких, как ориентация на группу, коллективистское сознание, патернализм). Иными словами, *кэйрэцу* — слишком японское по духу явление, чтобы измениться в соответствии с какими-либо предписаниями, от кого бы они не исходили.

В свете последнего замечания очевидно, что прямое копирование японского опыта в области организации субподрядных работ невозможно (хотя отдельные его стороны, такие, как, например, синхронизация производственного процесса между головной фирмой и поставщиками деталей в рамках системы камбан, или «точно вовремя» имеют, на наш взгляд, универсальное значение). В то же время нам хотелось бы привлечь внимание российских предпринимателей и специалистов к общему подходу к организации деловых отношений в Японии, суть которого состоит не в слепом копировании западных моделей и форм, а в максимальном учете национальной специфики и особенностей исторического развития страны.

Феномен японской потребительской кооперации

И.А.Цветова

Возникнув как простое и весьма доступное пониманию людей средство удовлетворения их самых насущных потребностей, кооперативное движение в Японии получило развитие во всем его многообразии. Оно приобрело самые различные формы (кооперативы сельскохозяйственные, рыболовецкие, закупочные и сбытовые, кредитно-страховые, потребительские и пр.), проявляя при этом способность к самоорганизации, выживанию в условиях жесткой конкуренции с частными и государственными предприятиями. Жизнестойкость кооперации объясняется тем, что в основе ее деятельности лежат не только экономические, но и социальные цели, отвечающие интересам многих людей, особенно с небольшими доходами. В условиях переходной экономики России, где уровень доходов большинства населения невелик, может пригодиться опыт японских потребительских кооперативов (как одной из разновидностей кооперации). Они на протяжении многих лет являлись для определенной части японского населения незаменимым средством обеспечения сносного существования, предоставляя для своих членов продовольственные и иные товары повседневного потребления на более выгодных условиях, чем в обычной торговле.

Потребительская кооперация в Японии создавалась в довоенный период на основе Закона о промышленной кооперации, принятого в 1900 г., после второй мировой войны ее деятельность стал определять Закон о потребительских кооперативах 1948 г. Согласно последнему закону «потребитель-

ский кооператив ставит целью своей деятельности максимальное обслуживание членов своей организации». В круг его обязанностей входят:

- «1) закупка, переработка и производство товаров, необходимых для жизни членов кооператива, в переработанном или непереработанном виде;
- 2) создание полезных для членов кооператива сооружений, которые предоставляются им для совместного использования;
- 3) меры, направленные на улучшение жизни и подъем культуры членов кооператива;
- 4) взаимопомощь в жизни членов кооператива;
- 5) меры, направленные на повышение знаний членов кооператива и его служащих;
- 6) меры, сопутствующие перечисленным выше».

Для учреждения потребительского кооператива требуется не менее 20 желающих. Он организуется обычными людьми — рабочими, служащими, домохозяйками, которые для того, чтобы получить определенные товары и услуги, делают денежные вложения при вступлении в кооператив и затем ежемесячно в виде взносов. При выходе из кооператива эти деньги возвращаются, но без дивидендов, так как, по Закону о потребительских кооперативах, получение чистой прибыли не является целью данной организации. Это позволяет не разделять членов кооператива на производителей, потребителей, инвесторов.

Не являясь коммерческим предприятием, потребительский кооператив имеет льготное налогообложение — 28%, тогда как обычно налог с юридических лиц — малых и средних предприятий — составляет 43,3%, что неизменно вызывает протесты мелких и средних розничных торговцев.

Потребительские кооперативы подразделяются на территориальные (для лиц, проживающих в одной местности) и профессиональные (учительские, университетские, служащих и т.д.). Среди названных категорий выделяются кооперативы по виду предлагаемых услуг — медицинские, страховые, жилищные. За послевоенный период в этом движении произошли кардинальные изменения: кооперативы главным образом работников предприятий и студентов учебных заведений превратились в основном в кооперативы домохозяек, создаваемые по территориальному принципу.

Положения послевоенного Закона о потребительских кооперативах во многом схожи со статьями Закона о сельскохозяйственной кооперации, но предписывают более строгий контроль за деятельностью этих кооперативов и в то же время не предусматривают активной финансовой поддержки со стороны государства.

Общациональной организацией потребительской кооперации является Японский союз потребительских кооперативов (Нихон сэйкёрэн, сокр. Ниссэйкё), созданный в 1951 г. В начале 90-х годов в нем состояли 670 ко-

оперативов, насчитывавших 15,1 млн.членов. По сравнению с 1970 г. численность потребительских кооперативов увеличилась в 5,2 раза, взносы возросли в 26,9 раза, а совокупный объем деятельности в денежном выражении — в 16,6 раза. На долю потребительских кооперативов приходилось 2,6% розничной торговли.

Первичное звено потребительских организаций — группа *хан*. Объединение членов потребительского кооператива в малые группы по 5—10 человек для совместной закупки нужных им товаров быстро увеличивалось в 70—80-е годы и охватило почти половину всех членов потребительских кооперативов. В 1990 г. насчитывалось 1040 тыс. малых групп, через которые проходило 45% общего объема закупаемых кооперативных товаров.

Группы *хан*, как правило, состоят из нескольких женщин-кооператоров, живущих по соседству. Группа получает юридическое признание после проведения первого учредительного собрания. С этого момента она может осуществлять совместные закупки. *Хан* являются формой кооперативного собрания, своего рода кооперативным комитетом. До того, как их деятельность была официально признана в кооперативном движении, аналогичные функции выполняли гильдии домашних хозяек или женские комитеты. Главный девиз группы — каждый должен чувствовать себя хозяином своей организации. Собрания группы посвящаются в основном разбору жалоб, мнений и требований членов кооператива. *Хан* выступает таким образом как механизм обеспечения демократического управления кооперативной организацией. Эти группы решают вопросы приема новых членов, увеличения паевых накоплений кооператива, сбора коллективных подписей и организации кампаний в защиту прав потребителя. С требованиями и рекомендациями малых групп считаются члены правлений, исполнительные руководители кооперативных обществ, представители региональных комитетов и другие должностные лица.

Кооперативы в обязательном порядке должны выделять своих кураторов для координации деятельности малых групп. Ими могут быть члены правлений, районных комитетов, представители административных органов кооператива. Их главная задача — информировать членов группы и их руководителей о специфике данного кооперативного общества, постепенно научить понимать особенности кооперативного движения, чтобы впоследствии сделать их компетентными кооператорами. Кураторы должны своевременно информировать руководство кооперативных обществ о вопросах, обсуждаемых на собраниях групп, для того чтобы оперативно решать проблемы. Особое внимание уделяется разбору жалоб на неудовлетворительное обслуживание, низкое качество продуктов, предложений по улучшению деятельности кооператива и т.д.

Такого рода мини-объединения таят в себе большой потенциал, позволяя полнее учитывать интересы каждого потребителя, привлекать членов кооператива к решению всех касающихся их жизни дел. Спонтанные встречи («совещания у колодца») в отличие от редких официальных собраний кооператива способствуют проявлению личной инициативы.

Социальная природа группы *хан*, представляющей кооперативное объединение с горизонтальной интеграцией, состоит в укреплении отношений с соседями первоначально для коллективных закупок, а затем и для других целей. Собрания членов группы проводятся не только с сугубо деловой целью. Это могут быть и мероприятия типа званых обедов, дегустации новых блюд, рецептов приготовления различных блюд, демонстрации новой бытовой техники и т.д. Малые группы выступают также в роли организаторов бесед, лекций, викторин, вечеров детской песни, любительских спектаклей. Постоянно расширяющаяся работа по «взаимной помощи в повседневной жизни» (главным образом в работе по дому) избавляет человека от одиночества, прививая навыки коллективного общения и напоминая о необходимости заботиться о ближнем. В местных группах принято окружать вниманием и оказывать помощь тем, кто в ней особенно нуждается, — пожилым людям, матерям с малолетними детьми. В больших городах, где неизбежна изоляция человека от общества, нередко очень важна бывает и психологическая поддержка, которую также стараются оказывать члены группы *хан*. В некоторых кооперативах для пожилых проводятся «беседы за столом», создаются «дешевые магазины для стариков и инвалидов», вводится практика заказов по телефону и доставки товаров для них.

На основе деятельности групп *хан* возникло движение потребительских кооперативов «Сэйкацу курабу» («Клубы жизни»). Принципом этого движения стал естественный характер его эволюции: от элементарной организации соседями совместных закупок основных продуктов питания с целью экономии денег к таким формам участия в общественной жизни, как работа в представительных органах власти в масштабах всей страны, организация различных общественно-политических инициатив. Зародилось же это движение более 30 лет назад, в 1965 г. в токийском районе Сэтагая по инициативе домохозяйки, предложившей соседям объединиться для коллективных закупок молока («движение за 15-иенное молоко»). В то время число членов этого объединения составляло 200 человек, а объем закупок — 300 бутылок. Особенно активно кооперативы «Сэйкацу курабу» стали развиваться в период нефтяного кризиса 1973 г., когда возникла резкая нехватка товаров и участники этого движения ощутили необходимость независимого развития своей организации для обеспечения стабильного предложения и снабже-

ния, а также потребность в выпуске продуктов с собственной торговой маркой.

Процесс коллективных закупок начинается с группы. В начале каждого месяца ее члены представляют заказ на необходимые товары на следующий месяц. Заказы собираются в группе, а затем в региональном кооперативном союзе, откуда общий заказ отправляется конкретным производителям. В начале 90-х годов на одного члена кооператива в течение месяца в среднем использовалось 17 240 иен, причем на закупку продуктов питания приходилось 68,4% (в территориальных кооперативах — 76,8%), непродовольственных товаров — 21,6% (20,5%), на прочие расходы — 10% (2,7%). Отсюда видно, что в системе потребительской кооперации преобладает доля закупок продуктов питания, особенно в кооперативах территориального типа, где она составляет 3/4 общего объема продукции. Основные продукты питания — рис, молоко, цыплята, яйца, рыба, овощи. Молочные продукты доставляются два раза в неделю, яйца, мясо, полуфабрикаты и сезонные продукты — раз в неделю. Остальные продукты типа риса распределяются раз в месяц. С помощью системы заказов появляется возможность потребления также необычных продуктов, которые сложно купить на рынке.

Коллективные закупки с доставкой на место (50,4%) и покупки товаров через кооперативные магазины (46,4%) наиболее популярны среди кооператоров, а на долю заказов по каталогам и прочих форм приходится лишь 3,2%. В отличие от других японских кооперативов, распространяющих товары через собственные магазины, в кооперативах «Сэйкацу курабу» продукты поставляются непосредственно потребителю, но не в каждый дом, а в дом ответственного группы.

Если члены кооператива не могут найти продукта, удовлетворяющего их требованиям к его качеству, экологическим и социальным стандартам, они организуют свои собственные предприятия. Так, например, было со строительством молочной фабрики в Тиба и молочной фермы на Хоккайдо в 1978 г.

Члены группы получают относительную независимость от рыночных колебаний цен, что в некоторой степени активизирует плановое производство и ведет к формированию собственного альтернативного рынка. В этих условиях в век массового производства потребитель собственным участием и путем коллективных действий может проявлять инициативу при выборе того, что ему потреблять, становясь тем самым субъектом (а не объектом) сознательного выбора в потреблении. Член кооператива не обязательно должен ограничивать свой выбор только той разновидностью продукта, которую ему предлагает кооператив, поскольку в его распоряжении всегда имеется другой магазин.

Согласно 140-му обследованию «жизни и сознания членов потребительских кооперативов», проведенному Ниссэйкё, стимулом для вступления в потребительский кооператив назвали «безопасные и качественные продукты» 63,3% опрошенных, пользующихся кооперативным магазином, и 82,6%, предпочитающих форму коллективных закупок, причем среди первых 41,4% указали также на «близость магазина», среди вторых 45,1% — на «возможность доставки товаров на дом». «Расширение через кооператив знаний о товарах» тоже было названо среди причин вступления в кооператив.

Усиливается экологический аспект деятельности потребительских кооперативов. Они стремятся формировать у своих участников привычку к рациональному здоровому питанию, не иметь дел с продукцией, которая может быть опасна для человека и окружающей среды, например, с некоторыми видами синтетических моющих средств, одеждой из материалов с вредными искусственными примесями, продуктами, полученными с применением химических добавок, товарами в упаковке, изготовленной из экологически опасных веществ. Кооперативы развешивают деятельность по сбору для переработки упаковок различных товаров, включая молочные упаковки, алюминиевые и прочие банки, выдвигают различные инициативы по охране окружающей среды, проводят опросы населения и т.д.

Потребительские кооперативы выступили в поддержку Закона об ответственности за произведенную продукцию, участвуя в кампаниях за компенсацию ущерба от некачественных товаров, по сбору подписей за скорейшее принятие этого закона. Расширяются сферы деятельности потребительской кооперации, которая подключается к общечеловеческой проблематике, уделяет особое внимание повышению благосостояния людей, вопросам качества и уровня жизни. Усиливается социокультурный аспект ее деятельности, повышается роль в формировании нового типа человеческих отношений, установлении новых ценностных ориентиров в обществе. Члены потребительских кооперативов являются активными участниками движения за мир.

Несмотря на популярность потребительской кооперации в Японии, у нее есть серьезные противники. Торговые круги, особенно розничные торговцы, требуют приравнять кооперативы по условиям их деятельности к крупным универсам и супермаркетам, отменить льготное налогообложение. Участвуя в политической борьбе на стороне оппозиции, потребительские общества нередко вызывают недовольство правящих кругов.

Не обходится без проблем и деятельность самих потребительских кооперативов, прежде всего их малых групп *хан*. В частности, с увеличением числа работающих женщин сокращается число помощников, организующих совместные заказы, что в дальнейшем может привести к замедлению роста

малых групп. Поэтому необходимо искать новые способы укрепления связей между членами кооператива. Важнейшей задачей становится расширение организационной базы за счет мужчин-пенсионеров, студентов, а в перспективе работающих мужчин. В создавшихся условиях намечается усиление тенденции к поставкам через кооперативные магазины при сохранении и укреплении малых групп.

В наше время можно прямо говорить о феномене японского движения потребительских кооперативов, тогда как в ряде высокоразвитых европейских стран остро встал вопрос о дальнейшей судьбе потребительской кооперации. Ныне потребительские кооперативы в этих странах теряют своих членов, не заинтересованных более в их услугах в связи с общим повышением благосостояния и бурным развитием разнообразных современных форм торговли. Некоторые кооперативы терпят банкротства, не выдерживая конкуренции с универмагами, супермаркетами, другими магазинами. Один из постоянных директоров Японского союза потребительских кооперативов Тадао Отани причину кризисного положения кооперативов видит в следующем: «Что касается Западной Европы, то из-за стремления отдать приоритет победе в конкурентной борьбе кооперативами осуществлялись непосильные капиталовложения, неразумное управление, и это в итоге вело к самобанкротству. К тому же игнорировался исходный принцип, гласящий, что потребительская кооперация есть организация самих членов кооператива, а именно: участие членов кооператива в капиталовложениях, в их использовании, в управлении делами становится экономическим предприятием с коллективным руководством постоянно работающих специалистов».

В конце октября 1992 г. в Токио состоялся 30-й конгресс Международного кооперативного альянса (МКА). Выбор места был не случаен. Одна из причин созыва конгресса состояла в желании его участников поближе познакомиться с опытом японской потребительской кооперации. Определяя «основные принципы» и «ценности» кооперативного движения на современном этапе, конгресс не без учета практики японских потребительских кооперативов подчеркнул необходимость соблюдения в деятельности кооперативов «демократии типа участия», поскольку участие — залог успеха не только потребительского, но и всех других видов кооперативов.

Японский опыт опровергает пессимистические прогнозы относительно будущего потребительской кооперации, подтверждает эффективность и жизнеспособность названного выше принципа, на последовательном проведении которого в нашей стране в свое время настаивал известный теоретик кооперативного движения А.В.Чаянов. Он требовал, в частности, чтобы потребитель «своим личным трудом участвовал в деле». Главный фактор эффективности японских потребительских кооперативов — в нахождении ими

форм привлечения их членов к активному участию во всех делах кооперативов.

В 20—30-е годы Россия прошла мимо разработанных нашими учеными-экономистами различных форм кооперации, приняв на вооружение единственную из них — полную коллективизацию крестьянских хозяйств, повсеместное принудительное создание колхозов, сузив тем самым наши представления об истинных возможностях и перспективах кооперативного движения. Было упущено то, что А.В.Чаянов называл самым важным в кооперации и что наглядно проявляется в потребительской кооперации: перенесение внимания с интересов капитала на интересы потребителей, тех хозяйств, которые объединились в союз, в результате чего «не интересы этого капитала стоят в нем на первом месте, а интересы тех хозяйств, которые он обслуживает».

Может быть, пришло время и в нашей стране учесть ошибки прошлого и, опираясь на современный японский опыт, возродить на качественно новом уровне потребительскую кооперацию (в ее подлинном смысле), которая смогла бы принять широкое участие в укреплении рыночных отношений, а также сыграть позитивную роль в обеспечении товарами по более низким ценам малоимущих слоев населения (включая пенсионеров, многодетные семьи, инвалидов), жителей отдаленных сел и деревень, небольших городов и поселков, где сильны связи между соседями и нет мелко-оптовых рынков.

Участие государства в формировании общенациональной инновационной политики

Ю.Д.Денисов

В современной Японии определение главных ориентиров научно-технического и технологического развития находится под неослабным вниманием со стороны государства. Как известно, экономический процесс здесь основывается на деятельности частного сектора, которую координируют и направляют различные министерства и ведомства, воздействуя на нее через механизм рекомендаций, подкрепляемых различными материальными стимулами. Компании не подотчетны никаким правительственным органам в отношении осуществляемой ими научно-технической политики. Следить за развитием мировой научно-технической мысли, улавливать тенденции в области новейших технологий, предвидеть как близкие, так и более отдаленные «прорывы» в инновационном процессе — все это в первую очередь дело самих фирм. Крупные фирмы неплохо справляются с этими задачами: они решают их самостоятельно или прибегают к услугам соответствующих аналитических центров. Но для большинства компаний такой метод мало подходит. И государство, учитывая это обстоятельство, старается вычертить для них своего рода «дорожную карту» научно-технического странства, облегчить им ориентирование и выбор правильного инновационного курса. Другими словами, оно помогает им выбрать приоритеты научно-технического и производственно-технологического плана.

С этой целью организуются крупномасштабные исследования, в которых анализируется положение, складывающееся в мировой науке и технике, и прогнозируются дальнейшие тенденции. Наиболее солидными материалами подобного рода, появившимися в Японии в 90-е годы, являются прогнозы Управления экономического планирования (УЭП) и Управления по науке и технике (УНТ). Это — работы особого рода: в них прогнозируется не только год практической реализации инноваций, но и многое другое, что полезно или даже необходимо знать разработчикам.

Так, в прогнозе УЭП, где детально проанализирован 101 технический объект, для каждого из них, кроме сроков реализации, оценивались состояние соответствующих исследований и разработок (в процентах от состояния полной завершенности), уровень исследований и разработок в США и Западной Европе по сравнению с японскими, предполагаемые объемы рынка, научно-технические и технологические трудности, экономические и социальные препятствия, общий характер положительного влияния на общество, влияние на объемы производства ранее выпускавшейся продукции и др.

В прогнозе УНТ анализировалось содержание 1149 тем для сферы научных исследований и опытно конструкторских работ (НИОКР). В нем получили детальную оценку актуальность каждой темы (высокоактуальная, актуальная, малоактуальная, неактуальная), возможные препятствия на пути практической реализации (технические, экономические, социокультурные и др.), целесообразность сотрудничества с зарубежными партнерами (с оценкой по четырехбалльной шкале), сравнение уровня НИОКР по данной теме в Японии и за рубежом (выше, равен, ниже) и, конечно, временной интервал, в пределах которого ожидается завершение работ по теме.

Таким образом, оба прогноза подсказывают, в каких условиях придется работать над каждой конкретной инновацией, какие обстоятельства следовало бы при этом учитывать. Все это, вместе взятое, обеспечивает предпринимательский сектор добротными ориентирами для выбора приоритетов инвестиционной политики, способствует улучшению взаимопонимания и согласованности между участниками инновационного процесса.

Как отмечалось выше, в прогнозе Управления экономического планирования, был проанализирован 101 перспективный технический объект. Из них 64, т.е. почти 2/3, предполагается вывести на стадию практической реализации до 2010 г.¹ Четвертую часть этой группы составляет техника многоотраслевого применения — компоненты электронных изделий, компьютеров, материалы со специальными свойствами. Более половины инноваций предназначается для совершенствования инфраструктуры — средств

¹ 2010-нэн гидзюцу ёсоку (Прогноз техники и технологий 2010 г.). Токио, 1993, с.55-56.

ва связи, транспортная техника, строительные объекты. Остальное — техника промышленного назначения (главным образом средства автоматизации) и системы защиты окружающей среды. Все эти инновации отнюдь не предлагаются непосредственно в качестве приоритетов. Прогноз показывает лишь их перспективность, приглашая заинтересовавшихся к более глубокому ознакомлению с ними с помощью других источников информации. И главным адресатом являются те компании, которые намечают сменить профиль своей деятельности или диверсифицировать ее, а также те, кто только начинает бизнес в сфере наукоемкой продукции.

Вместе с тем некоторые инновации могут оказаться «неподъемными» даже для крупных промышленных компаний и вряд ли станут их приоритетами. Так, пассажирские самолеты вертикального взлета и посадки, самолеты вместимостью около 1 тыс. пассажиров, лайнеры на 200—300 человек со скоростью полета в 2—3 раза выше скорости звука, хотя и возглавляют перечень транспортных инноваций, но в Японии, где авиастроение развито довольно слабо, приоритетными видами техники станут, по-видимому, лишь для авиатранспортных компаний.

Зато безусловными приоритетами японских промышленных фирм должны стать чипы для систем искусственного интеллекта, суперпараллельные компьютеры, терабайтные оптические файлы, терабитные устройства оптической связи, большие жидкокристаллические дисплеи, нелинейные оптические стекла. Эти инновации, как свидетельствует прогноз УЭП, будут лидировать по объему рынка, что крайне привлекательно для японских производителей, проявляющих интерес в первую очередь к производству продукции массового спроса. Кроме того, названные изделия хорошо стыкуются с существующими заделами в японской электронной промышленности.

О том, насколько полезный для потенциальных разработчиков комментарий сопровождает описание приводимых в прогнозе УЭП перспективных инноваций, показывают следующие примеры.

Так, при описании «суперинтеллектуальных чипов», предназначенных для систем искусственного интеллекта новых поколений, выделяются направления, на которых необходим мощный «прорыв», чтобы дело закончилось успехом. Среди них технологии интегрирования и модулирования схем сверхвысокой интеграции, разработка программного обеспечения для систем искусственного интеллекта, формирование «разумных» файлов и др.

К важнейшим проблемам, с решением которых связано создание суперпараллельных ЭВМ (с быстродействием более 1 трлн. операций в секунду), отнесены: реализация механизма передачи информации между параллельными процессами, разработка программного обеспечения операционной системы, ориентированного на параллельную обработку информации, раз-

работка технологий проектирования высокоточных оптических устройств на микроструктурах и др.

Для создания терабайтных оптических файлов в качестве «ключевых» указываются технологии проектирования дисков со сверхвысокой плотностью записи информации, технологии изготовления сверхплотных оптических запоминающих устройств (с возможностью считывания и записи), лазерные технологии и др. Успех в области терабитных устройств оптической связи, по мнению разработчиков прогноза, базируется на достижениях в таких областях, как конструирование сверхплотных оптических запоминающих устройств, техника управления сверхкогерентным излучением, создание сверхширокополосных интегральных цифровых сетей связи. По существу, все это конкретные приоритеты, предлагаемые для сферы исследований и разработок на период до 2010 г., когда ожидается начало коммерциализации новых технических систем.

Весьма полезные ориентиры прогноз УЭП дает и для других специалистов, например, занимающихся подготовкой научных и инженерных кадров. Видно, на какие дисциплины и специальные предметы следует сделать акцент в обучении студентов, чтобы последние были лучше вооружены знаниями, требующимися для грамотной реализации новейших высоких технологий и их дальнейшего совершенствования. Ценную информацию получают также специалисты по социологическим проблемам. Так, прогресс в области искусственного интеллекта ведет к стремительному расширению возможностей машин и оборудования, всех технических средств. Японские аналитики подчеркивают особую важность такого распределения ролей между машиной и человеком, чтобы последний не утрачивал командных позиций и не превращался в исполнителя примитивных функций, поскольку это унижало бы его достоинство.

Авторы прогноза отмечают также актуальность формирования нового качества общественного сознания в связи с предстоящим введением в практический оборот резко возросших объемов информации. Общество должно быть подготовлено к активному взаимодействию с практически безграничной и качественно многообразной информационной средой. Другой аспект проблемы — урегулирование прав собственности на те или иные виды информации, совершенствование правовой базы использования ее в качестве товара. Это выдвигает на повестку дня новые приоритеты для психологов и юристов, требует увязки с ними приоритетов коммерческой сферы.

Важной особенностью прогноза УЭП является то, что он устанавливает перечень из 34 технологий, необходимых для практической реализации содержащихся в нем инноваций. В этот перечень входят микроэлектронные, оптоэлектронные, биоэлектронные технологии; технологии проектирования

и производства электронного оборудования; программные технологии; технологии керамических, полупроводниковых, металлических, органических и композиционных материалов; технологии роботизации, автоматической станочной обработки, автоматизации проектирования и производства, гибких интегрированных производств; технологии энергопроизводства и энергосбережения; технологии передачи информации; технологии основных машиностроительных и строительных отраслей; химические, био- и природосберегающие технологии.

Принцип построения данного перечня технологий относительно прост и в то же время оригинален. Он основывается на проведенной ранее классификации технических объектов, которая была завершена распределением их по 34 подгруппам. Технологии, наиболее типичные для каждой подгруппы (по одной на подгруппу) были затем сведены в общий перечень, который был приведен выше и который, таким образом, содержит также 34 позиции. Причем в одних случаях выделяются технологии, обеспечивающие создание техники (например, оптоэлектронные технологии как основа создания техники оптической связи), а в других — ее рациональное использование (например, технологии роботизации как основа производства с помощью роботов самой разнообразной продукции).

Принципиально важно, что многие технологии данного перечня являются «ключевыми» для целого ряда технических объектов, вовсе не обязательно принадлежащих к одной и той же подгруппе. Например, на использовании микроэлектронных технологий базируется создание сверхпроводящих устройств, автомобиля нового поколения, роботов с искусственным интеллектом и др. Использование этого обстоятельства позволило составителям прогноза УЭП построить весьма полезную для практики матрицу «техника — технологии», небольшой фрагмент которой приводится ниже. Цифры 1 и 2 характеризуют степень зависимости конкретного технического объекта (технической инновации) от уровня развития ключевой технологии: 1 — высокая, 2 — исключительно высокая.

Нетрудно представить себе, насколько информирована эта матрица, когда она приведена в полном объеме. (В японском издании прогноза она занимает восемь страниц, равных по ширине двухстраничному развороту.) Если анализировать эту информацию «по горизонталям», определяется полный набор технологий для создания любого из 101 технического объекта, рассматриваемого в прогнозе. Анализ «по вертикали» т.е. по отдельным технологиям, показывает, какие технические объекты и какое их количество зависят от каждой из технологий².

² Там же, с.28-35.

Таблица 1

Фрагмент матрицы «техника — технологии»

Технические объекты (общее кол-во 101)	Ключевые технологии (общее количество — 34)						
	микро-электронные	оптоэлектронные	биоэлектронные	программные	керамических материалов	металлических материалов	обеспечивающие экологическую чистоту
Сверхпроводящие устройства	1				1	2	
Автомобиль нового поколения	2			1	1	2	1
Роботы с искусственным интеллектом	2	1	1	2	1	1	

Авторы данного материала не разграничивают в пределах матрицы технические объекты по ожидаемым срокам их реализации. Однако этот анализ нетрудно произвести, используя другие данные прогноза. В частности, оказывается, что до 2000 г. с прогрессом технологий материалов (металлических, органических, керамических, композиционных и полупроводниковых) связано создание 12 новых технических объектов, с 2000 до 2010 г. — 32 объектов, с 2010 до 2020 г. — 19 объектов. В эти же периоды времени микроэлектронные технологии являются ключевыми соответственно для 4, 11 и 6 инноваций, программные — для 3, 12, и 9.

Интересно отметить, что в пространстве матрицы «техника — технологии» на месте индексов 1 и 2 может быть размещена информация о необходимых ресурсах. Например, какой объем средств следует вложить в развитие микроэлектронных технологий для создания сверхпроводящих устройств и соответственно других видов техники, где микроэлектронные технологии являются ключевыми. Если затем эти данные тщательно обработать (исключить повторный счет затрат на конкретные элементы технологий, которые будут использоваться в нескольких технических объектах), то суммирование «по вертикалям» определит необходимый объем затрат на развитие каждой из ключевых технологий. А если вместо прогнозируемых технических объектов в ней разместить виды техники, избранные в качестве приоритетов, то можно будет подсчитать затраты на технологии, необходимые для их реализации. Таким образом, матрица «техника — технологии» может быть эффективным инструментом управления научно-техническим прогрессом.

Изложенная классификация технологий, насчитывающая 34 позиции, по-видимому, может быть модифицирована в зависимости от конкретных требований практики: сокращена или, напротив, еще более детализована. В любом случае она будет обеспечивать достаточно строгое отслеживание взаимосвязей в системе «техника — технологии», учет которых весьма важен при выполнении работ в области технико-экономического анализа приоритетных направлений.

Заметим, что за рубежом является языковой нормой выражать одним и тем же термином, с одной стороны, приемы и методы, используемые в практической деятельности (технологии), а с другой — сферу и результаты их конкретной реализации (технику). Иначе говоря, под «технологиями» в зависимости от конкретной ситуации там подразумевают как технические методы, так и технические объекты, а в ряде случаев — одновременно и то, и другое. Аналогичное использование термина «технология» порой наблюдается и в отечественной практике, что совершенно неоправданно. Как раз именно благодаря тому, что в соответствии с нормами русского языка термины «технология» и «техника» представляют собой два различных понятия, появляется возможность повысить четкость изложения и облегчить его понимание.

Следующим предметом нашего рассмотрения является пятый прогноз Управления по науке и технике. Как и все предыдущие, он включает в себя тематику, отражающую в первую очередь объективные потребности японского общества, стоящие перед ним проблемы. Так, особое внимание уделяется экологической тематике, вопросам ресурсосбережения, альтернативным источникам энергии, морскому промыслу, исследованиям Мирового океана, сейсмологии и другим направлениям, актуальным для Японии как островной страны, расположенной в зоне повышения сейсмической активности и лишенной традиционных энергоносителей и практически всех сырьевых ресурсов. Конечно, свою роль в выборе тематики для экспертного анализа играет и вся предыстория научного, технического, промышленного, да и в целом экономического развития, поэтому некоторым направлениям, в частности в области космических технологий, придается меньшее значение, чем, например, информатике. Ниже приведен перечень тематических разделов прогноза с указанием числа входящих в них тем³.

1. Материалы и процессы их обработки — 108.
2. Информация и электроника — 106.
3. Науки о жизни — 98.
4. Космос — 46.
5. Электроны и другие частицы — 40.
6. Земля и Мировой океан — 82.

³ The Fifth Technological Forecast Survey. Tokyo. NISTEP. Paper № 25, 1992, с. 2.

7. Минеральные и водные ресурсы — 39.
8. Энергия — 51.
9. Окружающая среда — 50.
10. Сельское, лесное и рыбное хозяйство — 74.
11. Производство — 72.
12. Город и строительство — 65.
13. Связь — 65.
14. Транспорт — 62.
15. Здравоохранение и медицина — 109.
16. Социальные условия — 82.

При анализе этого прогноза обращает на себя внимание резкий рост актуальности исследований в области живой материи, т.е. по тематике наук о жизни.

Чтобы убедиться в этом, обратимся к таблице, которая отражает наиболее активную тематику исследований, начиная с темы, получившей ранг высокой актуальности у наибольшего числа экспертов. (Речь идет об относительном числе экспертов, т.е. проценте тех, кто присвоил теме указанный ранг актуальности, в общей численности членов экспертной группы, анализировавших тематику соответствующего раздела.) Поскольку десятое место делят три темы, выборка включает в себя не 10, а 12 тем⁴.

Произведем краткий анализ содержания табл.2. Открывается она темой, относящейся к экологической проблематике: «Разработка способов устранения веществ, загрязняющих атмосферу». Столь широкая постановка задачи предусматривает и недопущение появления веществ-загрязнителей, и эффективное их удаление, если таковые возникли, и предотвращение их выброса в атмосферу с последующей нейтрализацией, и др. В первую очередь речь идет об окислах азота — наиболее вредных продуктах сгорания нефтепродуктов. С ними, как известно, связана острота проблемы загрязнения воздуха автомобильным транспортом. Высокоактуальной ее признало 94% экспертов, анализировавших тематику экологического раздела. Несмотря на то что почти половина экспертов отметила превосходство японских исследований и разработок в этой области над зарубежными, 70% экспертов указали на необходимость международного научно-технического сотрудничества в работах по данной теме. Это вполне согласуется с их мнением относительно главных трудностей в решении проблемы, которая была признана весьма сложной технически и требующей серьезных финансовых затрат.

Практически такую же значимость имеют еще две темы, их признало высокоактуальными 93% экспертов. Это — «Создание компьютера с быстройдействием 10 трлн. операций в секунду» и «Выяснение механизма возникновения всех видов раковых заболеваний». Если первая вполне может

⁴ 2020-нэн но какаку гидзюцу (Наука и техника 2020 г.). Токио, 1992, с. 31-32.

Таблица 2

Наиболее актуальная тематика исследований и разработок согласно пятому прогнозу УНТ Японии

№ п/п	Тема	Сроки реализации, годы	Относительная доля экспертов (%), отметивших				
			высокую актуальность темы	превосходство Японии	паритет с заграничней	превосходство других стран	важность сотрудничества с другими странами
1.	Разработка способов устранения веществ, загрязняющих атмосферу (окись азота и др.)	2000-2005	94	46	24	12	70
2.	Создание компьютера с быстродействием 10 трлн. операций в секунду	2001-2008	93	41	43	9	15
3.	Выяснение механизма возникновения всех видов раковых заболеваний	2006-2017	93	2	54	37	82
4.	Эффективное предотвращение метастазов рака	2003-2013	92	1	44	39	61
5.	Поглощение или преобразование методами искусственного фотосинтеза углекислого газа, осуществление глобальной экологической политики	2004-2017	91	14	41	20	94
6.	Обработка информации в виде изображений с размером их элементов до 0,01 микрона	2000-2007	90	57	30	4	13
7.	Реализация на одном чипе СБИС с объемом памяти 1 гигабит (1 млрд. бит)	2000-2004	90	75	12	4	6
8.	Прогнозирование землетрясений силой более 7 баллов за несколько дней до их начала	2005-2018	88	38	48	5	42
9.	Сортировка и разделение городского мусора с возвратом ценных компонентов в хозяйственный оборот	1998-2005	88	37	40	5	7
10.	Глобальный контроль за воздушным транспортом через спутниковые системы	1997-2004	87	5	56	34	91
11.	Выявление генов, препятствующих развитию раковых процессов	2005-2016	87	1	44	42	71
12.	Разработка методов лечения различных форм слабоумия, связанных со старением	2008-2019	87	1	25	56	81

* 2020 — нэп но кагаку гидзюцу (Наука и техника 2020 г.), с. 31-32.

разрабатываться японцами самостоятельно (84% экспертов считают, что уровень зарубежных работ не выше, чем в Японии), то вторая — в сотрудничестве с зарубежными специалистами (к тому же более 1/3 экспертов оценивают уровень зарубежных работ, как более высокий). Практически идентичной по актуальности является и следующая тема — «Эффективное предотвращение метастазов рака».

Как видим, из четырех самых актуальных тем три посвящены проблемам здоровья человека. Заметим, что и «сверхкомпьютер» как инструмент для обработки информации в масштабе реального времени — тоже чрезвычайно серьезный вклад в развитие аналитических и инструментальных методов решения проблем генной инженерии, определения структуры вирусов, комплексной диагностики организма и др. Иными словами, на передний край научных исследований и технических разработок японские эксперты выносят вопросы, имеющие или самое непосредственное, или весьма близкое отношение к проблемам здоровья людей.

Данный вывод подкрепляется и дальнейшим рассмотрением перечня наиболее актуальных тем. Так, следующая по рангу актуальности пятая тема также посвящена улучшению условий жизни и сохранению природы. Она предусматривает создание техники для поглощения, а также преобразования методами искусственного фотосинтеза выделяемого промышленными объектами углекислого газа, создание технологий полного обезвреживания отходов, разработку и осуществление в глобальных масштабах единой политики по сохранению окружающей среды. Шестая тема, высокоактуальная по мнению 88% экспертов, касается безопасности жизни на сейсмически активных территориях. Девятая, одиннадцатая и двенадцатая темы также имеют экологическую и медикобиологическую направленность. В целом восемь из двенадцати тем относятся непосредственно к указанной проблематике; а еще три (вторая, шестая и седьмая) предусматривают создание комплексного инструментария, необходимого для форсирования работ в области наук о жизни.

Таким образом, весьма наглядно проявляется то обстоятельство, что сегодняшние ориентиры японской науки и техники — это уже не только промышленные технологии, но и «технологии жизни», синтезирующие на нынешнем этапе своего развития глубокие медикобиологические и информационные процессы.

Особенностью пятого научно-технического прогноза УНТ является выделение в особую группу тем, связанных с крупномасштабной интеллектуализацией практической деятельности, получением и применением более полного и совершенного знания, т.е. исследований и разработок в области изыскания новых аналитических и инструментальных методов взаимодействия с объектами природы и техносферы. Всего в прогнозе выделено 225

таких тем, а сроки их реализации, по оценкам экспертов, заключены в интервале 1999—2020 гг.⁵ Произведена их разбивка по трем направлениям: изыскание новых принципов (26 тем); создание базовых технологий (68 тем); разработка прикладных методов (131 тема).

Первое направление представлено прежде всего проблематикой раздела «Науки о жизни» (более 40%), а затем темами разделов «Социальные условия» и «Информация и электроника». Второе направление возглавляет тематика раздела «Информация и электроника» (около 40%). В третьем направлении были отражены практически все тематические разделы.

Несомненный интерес представляют результаты экспертного обследования названной группы тем. Более 50% экспертов присвоили ранг высокой актуальности 54 темам. Среди них 11 тем относится к разделу «Земля и Мировой океан». Далее идут темы разделов «Науки о жизни», «Информация и электроника», «Город и строительство» (по семь тем), «Транспорт» (пять тем). Остальные 17 тем входят в другие семь разделов прогноза.

Более конкретное представление о направленности, которую приобретает наука и техника в «постиндустриальном обществе», а также о содержании «постиндустриальных» технологий, дает краткий обзор этих тем.

Раздел «Земля и Мировой океан» включает создание методов среднесрочного метеорологического прогнозирования (на 7—10 дней вперед) для конкретных участков земной поверхности малых размеров (порядка 100 кв. км), а также разработку методов общего метеопрогнозирования на срок от одного до шести месяцев. Решить эти задачи возможно лишь на основе развития теоретических концепций, активного привлечения фундаментального слоя естественных наук. Первые результаты должны появиться в 2001—2003 гг. В числе прикладных исследований — создание более эффективных приборов и систем для зондирования поверхности Земли со спутников, существенное повышение точности прогнозирования ливней и буранов (за счет усовершенствования аналитических методов и радиолокационной техники), высокоточное прогнозирование оползней от проливных дождей.

Актуализируются работы, обеспечивающие более точные методы прогнозирования процессов в земной коре и Мировом океане. Речь идет о прогнозировании: а) морских течений вокруг Японских островов, б) изменений параметров Мирового океана, в) извержений вулканов и последствий вулканической деятельности, г) изменений температуры воды (для повышения эффективности морского промысла), д) сильных землетрясений. В таком порядке ожидается и решение этих проблем в целом к 2010 г.

В разделе «Науки о жизни» большинство высокоактуальных тем принадлежит к первому направлению («изыскание новых принципов»). Это —

⁵ Там же, с. 48-57.

выяснение механизмов: самопроизводства в нервной системе, запоминания информации и извлечения ее из памяти, работы головного мозга по построению логических выводов. Еще одна теоретическая проблема, близкая по содержанию, — установление взаимосвязи между активностью нейронов головного мозга и процессом мышления. Имеется также тема, ориентированная на преломление этих результатов в «техносфере»: разработка нейрокompьютера, в рабочем процессе которого реализуются высшие функции головного мозга. Две проблемы связаны с углублением анализа белковых структур — определение их параметров при получении белков из аминокислот и определение функциональных характеристик белков по параметрам их структуры. Более половины тем ориентировано на завершение после 2010 г.

Как видим, на два раздела прогноза — «Земля и Мировой океан» и «Науки и жизни» — приходится 1/3 выделенного блока тем. Уже это свидетельствует о том, что японским специалистам представляются приоритетными темы, связанные с условиями и процессами жизни.

В разделе «Информация и электроника» в качестве катализаторов крупномасштабной интеллектуализации практической деятельности выступают следующие темы:

- создание высокоразвитых средств системотехники и разработка систем автоматизированного проектирования интегральных схем (к 2001 г.);
- введение в организм приборов для диагностики и лечения заболеваний, а также контроля за состоянием здоровья (к 2005 г.);
- быстрая и безошибочная разработка больших массивов программного обеспечения (к 2009 г.);
- создание автономных микроустройств для перемещения по кровеносным сосудам (к 2009 г.);
- выяснение механизмов запоминания, понимания и обучения и их использование при создании новых компьютеров (к 2010 г.);
- создание роботов, обеспечивающих уход за больными (к 2010 г.);
- выяснение механизма выработки и принятия решений на основе теоретического анализа работы мозга (к 2020 г.).

Аналогичного рода проблематика по разделу «Город и строительство» представлена следующими прикладными темами:

- обеспечение прогресса в области рационализации и безопасности сложных видов строительных материалов (туннелей, гидросооружений и др.) путем применения роботов и специальных строительных машин (2001 г.);
- создание датчиков, регистрирующих ранние признаки предстоящих стихийных бедствий, и использование их в системах оповещения и спасения (2001 г.);

— создание интеллектуальных роботов для быстрого и безопасного выполнения строительных работ (2004 г.);

— развитие техники составления местных метеорологических прогнозов, использующих спутниковые и наземные средства, и обеспечение на этой основе эффективной работы систем контроля, прогнозирования, предупреждения и эвакуации (2004 г.);

— разработка специальных систем передачи прогнозов и информации для населения больших городов с учетом законов социальной психологии и особенностей поведения в экстремальных условиях, т.е. систем, обеспечивающих предупреждение паники при землетрясениях, пожарах и т.д. (2004 г.);

— широкое распространение жилых домов, оборудованных роботами и другой автоматической техникой для обслуживания проживающих (2005 г.);

— реализация в общенациональных масштабах локальных информационных сетей, предупреждающих о предстоящих землетрясениях (2007 г.).

Таким образом, по тематике данного раздела наиболее значительные сдвиги на пути к новому качеству жизнедеятельности произойдут на таких направлениях, как роботизация строительства и создание высокоинформатизированной «инфраструктуры безопасности». Все это должно стать реальным в 2001—2007 гг.

В разделе «Транспорт» акцентируется внимание на темах:

— распространение систем управления дорожным движением, обеспечивающих оптимизацию транспортных потоков с учетом характера транспортных средств, а также скорости и плотности их движения (2003 г.);

— распространение в глобальных масштабах систем, обеспечивающих метеорологические прогнозы на 10 дней вперед (2003 г.);

— реализация спутниковых систем контроля воздушного движения в глобальных масштабах (2003 г.);

— распространение систем управления движением на регулярных маршрутах (включая взлет и посадку) с использованием средств искусственного интеллекта и тем самым значительное повышение безопасности полетов (2003 г.);

— разработка системы управления воздушным движением, основанной на четырехмерном контроле (три координаты самолета и время) и позволяющей значительно увеличить плотность движения с одновременным повышением его безопасности (2003 г.).

Раздел «Сельское, лесное и рыбное хозяйство» включает следующие темы:

— создание методов моделирования процесса воспроизводства морских организмов в прибрежной зоне и открытом море и оценка на их основе

возможных масштабов рыбного промысла в различных морских зонах (2008 г.);

- разработка методов предотвращения ущерба от заморозков, основанных на высокоточных средне- и долгосрочных прогнозах погоды (2009 г.);

- реализация систем, основанных на технике искусственного интеллекта и компьютерном моделировании, для обеспечения сохранности лесов, качества почвы и воды и повышения экологической культуры сельского и лесного хозяйства (2011 г.);

- прогнозирование развития на 10–20-тилетний период важнейших рыбных ресурсов и обеспечение хозяйственного регулирования в системе «Рыбные ресурсы — рыболовство» (2018 г.).

Новый методологический базис для сферы «Минеральные и водные ресурсы» раскрывается через содержание следующих четырех тем:

- создание комплексной системы, обеспечивающей прогнозирование ливневых дождей и управление дамбами для исключения опасных затоплений (2004 г.);

- разработка безлюдных методов добычи полезных ископаемых с помощью роботов (2005 г.);

- разработка высокоточных методов оценки влияния на окружающую среду микродоз различных химических веществ (2007 г.);

- значительно снижение числа человеческих жертв благодаря усовершенствованию методов прогнозирования горных обвалов, оползней и др. (2008 г.).

В разделе «Социальные условия» выделяются три темы:

- разработка систем безопасности для спасения людей, находящихся в высотных зданиях при землетрясениях, пожарах и др. (2002 г.);

- создание многоцелевых роботов для ухода за лежащими больными и немощными (гигиеническая уборка, купание и др.) под контролем оператора (2003 г.);

- широкое применение методов и техники прогнозирования стихийных бедствий (2008 г.).

В сущности, подобная тематика в значительной степени представлена в других разделах. Так, отвечающая этому разделу проблематика уже встречалась в разделах «Транспорт», «Город и строительство» и др. Поэтому упомянутые три темы, конечно, не раскрывают всех направлений, на которых должны проявляться социальные последствия перехода к новому уровню интеллектуализации принципов жизнедеятельности.

В то же время раздел «Космос», представленный двумя темами, не имеет «пересечений» с другими разделами, если не считать тематику, связанную с наблюдением и связью через спутники. Он действительно пред-

ставлен довольно узко, тем более что обе эти темы очень близки по содержанию:

- создание роботов, обладающих высоким уровнем искусственного интеллекта и снабженных рукой с большим числом степеней свободы, для выполнения сложных работ в космосе (2005 г.);

- разработка космического робота, способного производить самодиагностику и собственный ремонт и восстанавливать тем самым свои функции (2010 г.).

Раздел «Производство» содержит также две темы, что в определенной степени знаменательно, поскольку — «прорывы» на традиционных направлениях уже реализованы (или реализуются), а на футуристических направлениях многое будет зависеть от успехов в области искусственного интеллекта и пока конкретно не ощущается:

- разработка систем автоматизации производства (офисов и заводов) на базе компьютеров, в значительной степени обладающих функциями мозга живых организмов (2009 г.);

- создание карманного аппарата для автоматического звукового перевода, позволяющего вести разговор с иностранным собеседником (2008 г.).

Разделы «Окружающая среда» и «Связь» содержат лишь по одной высокоактуальной теме, предполагающей радикальные сдвиги в интеллектуализации жизнедеятельности. Исчерпание известных базовых принципов, по-видимому, проявляется и в этих сферах. Темы формулируются соответственно:

- возможность точного прогнозирования подъема вод Мирового океана вследствие потепления климата Земли (2005 г.);

- разработка устройства для автоматического, в режиме реального времени, перевода телефонного разговора между говорящими на английском и японском языках (2008 г.).

Изложенное выше показывает, насколько глубоко и детально государственные ведомства Японии анализируют ход инновационного процесса у себя в стране и за рубежом, стараясь существенно облегчить предпринимательскому сектору задачу выбора главных направлений научно-производственной деятельности, ее приоритетов. Более того, результаты прогноза УЭП использовались также министерством внешней торговли и промышленности в работе по совершенствованию отраслевой структуры японской экономики. Особое внимание было уделено содержащимся в прогнозе оценкам рынка инноваций, а их наименования были положены в основу перечня перспективных видов наукоемкой продукции. Несомненно, значительная доля информации, содержащейся в прогнозах УЭП и УНТ, поступает к тем, на кого она изначально рассчитана, т.е. к широким предпринимательским слоям, представленным мелкими и средними фирмами,

не имеющим собственных «мозговых центров» и остро нуждающихся в надежных ориентирах, с которыми можно было бы связать свою деятельность в обозримой перспективе.

Большое влияние прогнозы оказывают и на японское общество в целом. После их опубликования выпускаются многочисленные популярные издания, позволяющие массовому читателю ознакомиться с существом современного инновационного процесса.

И, конечно, важны также общие выводы, вытекающие из упомянутых прогнозов, в первую очередь о вероятных сдвигах в научно-технической политике Японии. А они очень серьезные. Исследования и разработки направлены на глобальные природные объекты, живое вещество, использование закономерностей высокоразвитой материи в технических системах. Таков в Японии «социальный заказ» науке на рубеже двух столетий.

Эволюция взаимовосприятия в отношениях Японии и Запада

С.Б.Маркарьян

В современных условиях, когда самые различные народы осознают потребность заявить о своей этнической уникальности, проблема взаимовосприятия приобретает все большую значимость. Она становится особенно актуальной при все более расширяющейся интернационализации, затрагивающей не только межгосударственные, но и межличностные отношения, вторгаясь в повседневную жизнь людей.

Островное положение Японии издавна породило в сознании народа ощущение уникальности своей страны. Японцы никогда не ощущали на своих границах давления соседних народов, не случайно, их города не обносились крепостными стенами. Япония, по образному замечанию австралийского профессора Д.Арнасона, несла в себе «свою Италию, Голландию, Францию, Англию и Германию вместе взятые»¹.

Такое историческое мировосприятие японцев отнюдь не мешало им проявлять чрезвычайно большой интерес к проблемам континента, заимствовать достижения других цивилизаций. Российский исследователь древней Японии М.В.Воробьев удачно подметил, что привязанность к континенту «имела для Японии большее значение, чем изоляция, столь часто отмечаемая»². Водное пространство, отделявшее ее от материка, было слишком велико для широкомасштабных военных вторжений, но в то же время не являлось непреодолимой преградой для приобщения к достижениям континентальной культуры. По мнению крупнейшего японского этнолога и ис-

¹ The Japanese Tranjectory: Modernization and Beyond. Cambridge, 1988, с.240.

² Воробьев М.В. Япония в III-VII вв. М., 1980, с.29.

торика Янагида Кунио, его народу издревле была свойственна тяга к поиску чего-то нового за морем. Он считает, что в основном японцы стремились плыть в южном направлении и что это было своего рода магией (а возможно, генетический код, свидетельствующий о предках, пришедших с южных морей?).

Понимание себя и своего места в мире — универсальная потребность этносов, народов, личностей. Ф.М.Достоевский в романе «Братья Карамазовы» назвал это «потребностью познания». Он выводил ее из того, что «тайна человеческого бытия не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить». Потребность познания Л.Н.Гумилев, спустя почти столетие, облек в теорию пассионарности³. Но познание — явление сложное и многомерное. Философ-славянофил А.С.Хомяков, рассуждая о взаимовосприимчивости русских и иностранцев, писал: «Человеку трудно узнать самого себя... Точно так же и народу себя узнать. Наша западно-европейская братия разбита на множество племен и государств; каждое изучает и определяет своего соседа, и этот труд совершается уже несколько веков, а едва ли хоть один народ определен или понят вполне»⁴. Такой взгляд вполне можно экстраполировать на отношения Япония — Запад даже сегодня.

В истоках восприятия народами друг друга, равно как и своей собственной истории, во многих случаях лежит миф. Понять характер любого общества невозможно без учета его мифологизированной истории, ибо миф, по мнению крупнейшего специалиста по вопросам истории религии Мирча Элиаде, «является истинной историей, которая произошла в начале времени и которая служит моделью человеческого поведения»⁵, или, как писал А.Ф.Лосев, «миф — необходимейшая, прямо нужно сказать, трансцендентально-необходимая категория мысли и жизни; и в нем нет ничего случайного, ненужного, произвольного, выдуманного или фантастического. Это подлинная и максимально конкретная реальность»⁶.

Японская мифология является ярким тому свидетельством. Древние хроники «Кодзики» («Записи о деяниях древности», 712 г.) и «Нихон сёки» («Анналы Японии», 720 г.) асинхронны подлинной истории страны. Но, как подтверждают данные других наук (археология, этнология), в основе многих изложенных в них мифов лежат подлинные события, хотя нередко временные рамки и смещены. Тем не менее событийную канву исторического процесса по этим источникам проследить можно.

Первые знания европейцев о Японии действительно опирались на миф. Но в основе его не лежала действительность. Творцом этого мифа был вс-

³ См.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. М., 1989.

⁴ Хомяков А.С. О старом и новом. М., 1988, с.88.

⁵ Элиаде М. Космос и история. М., 1987, с.44.

⁶ Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М., 1990, с.397.

ликий итальянский путешественник XIII в. Марко Поло. С его слов, хотя сам он не бывал в Японии, эта страна предстала перед европейскими как идеальная, богатая, с чрезвычайно красивым и учтивым народом. Сведения эти были почерпнуты им из китайских источников, а возможно, из рассказов сподвижников хана Хубилая. Подобное же впечатление складывалось и у христианских миссионеров в XVI в. (Франциск Ксавье, Луиш Фроиш), и даже у американцев, прибывших на кораблях командира Перри в середине XIX в. В основе их восприятия лежал постулат, что эта страна ни на что не похожа. Даже мнение английского посла в конце XIX в. мало чем отличалось от впечатлений тех, кто посетил Японию тремя веками раньше. Не стовариваясь, они повторяли одно и то же, приводили одни и те же примеры. В восприятии европейцами японцев на рубеже веков все еще были слышны отголоски эпохи первоначальных контактов.

Даже такой знаток страны, как Лавкадио Хёрн (1850—1904 гг.), буквально растворившийся в ней, принявший не только буддизм, но и японское имя (Коидзуми Ягумо), был мифотворцем. Но, прожив около 20 лет в стране, он понял, что действительность намного сложнее и многогранней, чем творимый миф. Приступая к своей итоговой книге «Япония: попытка интерпретации», Лавкадио Хёрн заметил, что он совсем не понимает японцев, что характер этой нации «представляет нам много загадок, которые очень трудно объяснить»⁷.

Эти трудности связаны прежде всего с характером и структурой японского общества. Основной его ячейкой является группа, в то время как на Западе — индивидум. Отношения между группами строятся по принципу «внутренний — внешний», который как бы воплощает дихотомию «чистый — грязный». Этот принцип экстраполируется на все социальные уровни, но, что очень важно, он не подразумевает враждебности, а лишь определяет принадлежность к группе, к одной семье или компании, а не к другой семье или компании. Отношения в группе, между группами и в обществе в целом строго фиксируются, создавая как бы единое тканное полотно и не оставляя места вновь пришедшим.

Замкнутость японского общества традиционно не допускала ни проникновение иностранцев, ни уход своих. (Это положение, конечно, нельзя абсолютизировать. Естественно, что такие группы, как семья или компания, пополняются, иначе они исчезнут.) В соответствии с базовым принципом строения общества любой иностранец здесь воспринимается более чужим, чем свой, выпавший из социальных связей: его часто просто не замечают. Как чужеродные элементы воспринимаются и те, кто долгие годы проживал за границей. В силу такого психологического настроя японцы держат иностранцев на периферии своего сознания. Даже в информационных про-

⁷ Hearn Lafcadio. Japan: An Interpretation. Tokyo, 1971, с. 19.

граммах международным событиям отводится значительно меньше времени, чем внутренней жизни. Сведения об убийстве или краже в каком-либо уголке Японии уделяется больше внимания, чем серьезным происшествиям в других странах. Например, в случае авиакатастрофы за рубежом в первую очередь сообщается, не было ли на борту соотечественников.

Японцы употребляют слова «иностранец», «иностранное» в смысле «не-японец», «неяпонское», что вполне вписывается в дихотомию «свой-чужой». По-японски «иностранец» («гайдзин») обозначается двумя иероглифами — «другой» и «человек». Этим словом в первую очередь называются люди белой расы. Для японцев гайдзин всегда гайдзин, даже если он прекрасно говорит на их языке, живет, как они, в совершенстве знает японские традиции и владеет искусством икэбана или чайной церемонии. В таком случае о нем говорят как о странном иностранце, даже если он принял японское подданство⁸. Иностранцу нет доступа в японское общество. Его полноправными членами не могут стать даже проживающие не одно десятилетие в стране корейцы. Будучи другими по крови, они всегда останутся чужаками, несмотря на то что приняли японские имена, служат в японских компаниях, живут общей с японцами жизнью. В этом обществе иностранцы не могут стать японцами по культуре (как это часто случается в русском), ибо последние считают свою культуру уникальной. А вот в китайском обществе на окитаившихся японцев не смотрят как на иностранцев⁹, поскольку, очевидно, китайцы рассматривают японскую культуру производной от их собственной.

На этом фоне как сенсация прозвучало известие о том, что финн, женившись на японке, переделал на японский лад свою фамилию (вместо Марти Турунена стал Марутэи Цурунэн), принял японское гражданство и так вписался в местное общество, что жители выдвинули его в 1995 г. своим кандидатом в депутаты в палату советников. Он не получил необходимого числа голосов, чтобы победить (хотя его поддерживали многие), но важен сам факт доверия японцев гайдзину. Возможно, это первая ласточка наступающих перемен в эпоху, когда не проходит дня, чтобы в средствах массовой информации не встретилось слово «интернационализация». Как говорят в таких случаях японцы, ворона каркает каждый день.

Если в первые годы активных контактов иностранцы воспринимались без национальной дифференциации (после войны их всех называли американцами), то в настоящее время многие японцы, особенно молодежь, уделяют внимание их национальной принадлежности и не ощущают между ними и собой пропасти.

⁸ Сэкай то Нихон (Мир и Япония). Токио, 1983, с.57.

⁹ *Окада Хидэхиро*. Кокусай коккай то нихондзин (Международное сообщество и японцы). Токио, 1983, с.83.

Замкнутость японского общества, которая во многом базируется на этнической однородности нации, ведет к известной изоляции от внешнего мира, абсолютизации своей страны, пропаганде ее уникальности и исключительности. При этом под уникальностью понимается не присущая каждой культуре специфика, а, если так можно выразиться, абсолютная уникальность именно японцев. Это наиболее ярко отражается в теории японизма, но оттенок здесь скорее культурологический. Причем некоторые японские ученые усматривают в этой концепции даже биологический аспект, считая свою культуру частью физического бытования народа. Более того, эта теория предполагает классификацию понятий по признаку японское и неапонское. Это могут быть этнические, расовые или культурные параметры¹⁰.

Не вдаваясь в историю разовых контактов европейцев и японцев, заметим лишь, что регулярные отношения между ними начинаются с 60-х годов прошлого века. На своей территории европейцы практически впервые встретились с японцами на международных выставках в Лондоне (1862 г.) и Париже (1867 г.), когда искусство этой страны, особенно гравюра, сразу покорило западного зрителя. «То было сновидение, — писал русский искусствовед Н.Н.Пунин, — легкое и пленительное сновидение, окутанное лунными туманами, одинокое и грустное, овеванное неуловимой и хрупкой тоской..., то было сновидение мимолетное, все насквозь пронизанное светом, тихое и благоуханное, осыпанное цветами или снегом..., то была мечта, такая же чистая, как серебристый шелк или как края освещенного солнцем облака... То были сновидения и мечта Европы, до которой ветер впервые донес далекий и тихий вздох с берегов Японского моря»¹¹.

Япония представила на этих выставках то, с чем она могла в то время выйти на мировую арену — свою традиционную культуру, столь не похожую на западную. Это была своего рода политика правящей элиты, направленная на формирование своеобразного имиджа своей страны — сплошной экзотики — в глазах европейцев. Даже успешно проводя модернизацию, готовясь к агрессивным войнам, она продолжала целенаправленно поддерживать этот имидж. На международной парижской выставке 1890 г. европейцы не только привычно восторгались прикладным и изобразительным искусством, но и представленным здесь единственным кустом хризантемы (которая являлась гербом императорского дома) с 200 цветками, получившим две высшие награды выставки. В этот период Япония воспринималась европейцами прежде всего на эстетическом и эмоциональном уровне.

¹⁰ Mouer Ross, Sugimoto Yoshi. Images of Japanese Society. London — New-York, 1986, с.378.

¹¹ Апполон. 1915, № 16-17, с.1.

Правящая верхушка держала под контролем также процесс вестернизации страны. Характерной чертой было осуществление его сверху, через элиту нации. Широкие массы населения не сталкивались непосредственно с представителями западной цивилизации. Новые знания о западных странах они получали переведенными на японский язык. Поэтому даже быстрая европеизация не порождала у основной части жителей сильного чувства отторжения. Правящие круги воспринимали вестернизацию исключительно прагматически, брали только то, что считали необходимым в то время, прежде всего технические новшества, но, безусловно, сильному воздействию подвергалась и духовная жизнь.

После открытия страны, когда в Японию хлынул поток иностранцев, появилась достаточно многообразная литература о ней. Многие книги были написаны под исключительным влиянием японской экзотики, другие «из вежливости», но основная масса — с «милостивым снисхождением» (применяя выражения А.С.Хомякова к книгам европейцев о России). Причинами такого восприятия были игнорирование реальной действительности (в частности, восприятие японцев в общем контексте других азиатских народов), предубеждение, предвзятость, снобизм (отношения учителя и учеников). Но основанием для такого отношения было прежде всего не только незнание, но и нежелание знать, поскольку Восток в целом рассматривался как периферия, а люди, его населяющие, как низшая раса.

Примером может служить и карикатурное в антропологическом плане изображение азиатов и, конечно, японцев. Следует добавить, что в то время Япония не слишком интересовала европейцев и как перспективный партнер. Да и сейчас у многих иностранцев она ассоциируется с первой атомной бомбардировкой, но при этом они часто не представляют, кто кого бомбил. Нередко имидж Японии формируется названиями таких фирм, как «Тоёта», «Хонда», «Кэннон», или боевых искусств — «дзюдо» и «каратэ». Мало кто может сказать что-либо связанное об образе жизни и культуре ее населения. В частности, европейские специалисты по столь популярному во всем мире дзэн-буддизму, не учитывая его эволюцию, распространяют абсолютно неверное обоснование отношения японцев к труду — будто они столь усердно работают лишь по принуждению правительства и компаний. Эти специалисты исходят из того, что первоначальный дзэн-буддизм признавал только духовное совершенство и презирал труд. Однако обогащенный в начале XVIII в. идеями «морали простоты» Байган Исида¹² дзэн-буддизм стал проповедовать, что любая работа, если ее выполнять с усердием, приводит к просветлению. На этой базе и складывалось отношение японцев к труду как к непреходящей ценности.

¹² Подробнее см.: *Нагата Хироки*. История философской мысли Японии. М., 1991, с. 234-240.

Предвзятое отношение, незнание страны, закрытость японского общества приводили подчас к неправильным оценкам существа происходивших процессов. Радикальная модернизация и вестернизация порождали иллюзию, что японцы разрушают свои традиции. Даже известный русский мыслитель В.С.Соловьев, обладавший всей совокупностью знаний о Японии на то время и высказавший много прозорливых мыслей о будущем этой страны, оказался в плену подобных представлений. Он писал: «Японцы не очень ценят особенности своей культуры, судя по той поспешности, с которой они перенимают не только техническую сторону европейской цивилизации, но и жизненные ее принципы»¹³. Непонимание продемонстрировал уже в 20-е годы нашего века и много путешествовавший по азиатским странам известный немецкий писатель Б.Келлерман в своей книге «Страна хризантем». Он убежденно заявлял: «И... сегодня, завтра и через сотню лет... не произойдет никаких перемен»¹⁴. Это, конечно, художественный образ, но за ним стояло общее восприятие европейцами этой страны.

Недопонимание Японии, игнорирование действительного положения вещей не раз вызывали шок у иностранцев. Страна вееров (В.Брюсов), мадам Батерфляй (Дж.Пуччини), страна хризантем (Б.Келлерман) и вдруг... военные успехи той самой Японии, которую они считали хрупкой, как веер. В результате к традиционной хризантеме добавился меч (Р.Бенедикт), появился новый стереотип — желтая опасность. То же повторилось после второй мировой войны, когда поверженная в прах Япония спустя лишь десятилетие начала свой путь вверх и стала одной из ведущих держав мира. Каждый раз европейцы возмущались, ругали японцев за непредсказуемость, но все еще мало предпринимали усилий для того, чтобы составить правильное представление об этой стране.

Взаимовосприятие народов большей частью осуществляется через устоявшиеся стереотипы. Их содержание отчетливо отражает соотношение национальных и заимствованных элементов в сфере психологии, идеологии, социологии и политики, в целом в массовом сознании. Это то, что, по определению выдающегося философа Масао Маруяма, является «образами», которые создаются людьми в процессе их жизни и общения друг с другом и помогают их социальной ориентированности. Человек заранее создает те или иные образы явлений, событий и с их помощью адаптируется в обществе¹⁵.

Стереотипы дают возможность правящей элите манипулировать массовым сознанием. В отдельные периоды они выступают катализаторами взаимопонимания, а другие, напротив, служат барьером. Примером может

¹³ Соловьев В.С. Собрание сочинений. СПб., [б.г.], т. VI, с.126.

¹⁴ Келлерман Бернард. Страна хризантем. Л.-М., 1924, с.16.

¹⁵ Маруяма Масао. Нихон-но сисо (Общественная мысль в Японии). Токио, 1963.

служить взаимовосприятие японцев и американцев на разных этапах их отношений. Так, во время Тихоокеанской войны в средствах массовой информации и художественных произведениях Японии американцев называли «дьяволами», а в США своих военных противников именовали не иначе как «япошками», наделяя их всеми отрицательными чертами характера¹⁶. Но одновременно в США предпринимались попытки сформировать более взвешенное мнение о японцах, хотя большинство ученых, перед которыми была поставлена эта задача, мало что знали о Японии и не владели ее языком. Лишь некоторые результаты заслуживают внимания. Речь идет прежде всего о наиболее известной и распространенной, можно сказать просто хрестоматийной, книге Рут Бенедикт «Хризантема и меч». Несмотря на то что автор черпала свои знания из вторых рук — чтения романов, просмотра фильмов, встреч с японцами американского происхождения, в ее книге образ японцев предстает сравнительно объективным. Очевидно, это объясняется тем подходом, который она выбрала. Хотя работа выполнялась в военное время и была поставлена задача изучить характер противника, Р.Бенедикт попыталась, по ее словам, понять поведение японцев через их национальный характер и образ жизни¹⁷.

После сокрушительного поражения в войне, в годы оккупации США воспринимались в Японии как богатая страна, с высоким уровнем культуры, демократическими идеалами и свободами. Такой образ внедрялся путем наглядно-примитивной пропаганды американского образа жизни. А затем воздействие шло уже на более высоком уровне — заимствование опыта, в частности, в области образования, средств массовой информации, в кинематографе, индустрии развлечений. Более того, сами американцы подчас директивными указаниями прививали западные ценности. Не без их влияния на телевидении, радио, в кино, прессе шел поток соответствующей информации, в том числе касающейся западной духовной культуры. Однако по мере экономического возрождения постепенно меркнет магия американского образа жизни и ее имиджа «страны грез». Одновременно в характеристике американцев начинают преобладать такие эпитеты, как «грубые» и «бесцеремонные».

Стереотипы на бытовом уровне меняются и у американцев. Если в первые послевоенные годы наблюдалось достаточно сочувственное отношение к поверженному противнику и чувство вины за атомную бомбардировку, то в год 50-тилетнего юбилея окончания второй мировой войны более 60% американцев признали правомерность этого акта. Причин подобных перемен очень много — в экономике, политике, социальной и культурной сферах. Одни лежат на поверхности, другие — под спудом. Многомерность

¹⁶ Подробнее см.: *Wilkinson E. Misunderstanding: Europe versus Japan. Tokyo, 1982.*

¹⁷ *Benedict Ruth. The Chrysanthemum and the Sword. Tokyo, 1985, c.1-19.*

образов серьезно затрудняет создание унифицированного стереотипа представлений народов друг о друге. Как отмечает американский исследователь Шейла Джонсон, в системе координат интернационального сознания и стереотипов наций, например в Америке, японцам трудно сохранить благоприятный образ на протяжении длительного отрезка времени. Это связано с тем, что «хорошие отношения между двумя странами на правительственном уровне в общем и целом содействуют созданию благоприятных стереотипов, в то время как состояние войны, торговых эмбарго или других международных трений ведут к созданию нелицеприятного образа»¹⁸.

После поражения во второй мировой войне, как и после реставрации Мэйдзи, т.е. в период наибольшего распространения иностранного влияния в стране, доминирующей в формировании и взаимовосприятии в целом была формула «учитель-ученик», но быстрый экономический взлет Японии внес существенные коррективы в отношения партнеров. В известной степени роли поменялись. Уже в 60-е годы на Западе раздаются призывы «учиться у Японии», а оценки последней становятся все более положительными. До этого времени иностранцы видели Японию все еще более мифологизированной, т.е. такой, какой они хотели ее видеть. Это касалось и оценки экономического потенциала этой страны.

В нашумевшей работе профессора Гарвардского университета Эзры Вогеля Япония рассматривается уже как модель для подражания. Примечательно, что у себя на родине книга не стала бестселлером, хотя за четыре года выдержала восемь изданий и вокруг нее развернулись дискуссии на страницах журналов, научных конференциях, особенно в школах бизнеса. Это было первое комплексное исследование всех сторон жизнедеятельности японского общества. В предисловии к своей книге Э.Вогель отмечал, что до сих пор многие американские исследователи ограничиваются изучением «экзотической» Японии (с удивительной культурой, интересной историей, утонченной литературой, любопытными обычаями), а не подлинной страной, ставшей второй экономической державой мира. Дав подробный анализ факторов удивительных ее успехов, в заключение он задает вопрос: сможет ли Америка ответить на вызов, который ей бросает Япония, как в свое время сумела это сделать Япония по отношению к Западу¹⁹. Книга Э.Вогеля сразу же была переведена на японский язык и стала бестселлером, поскольку практически впервые раздался голос иностранца, призывающий учиться у Японии.

В то же время звучит очень много критических высказываний в ее адрес, зачастую не лишенных основания, но во многих случаях вызванных раздражением развитых стран — творцов модернизации и демократии по

¹⁸ Johnson Sheila K. *The Japanese through American Eyes*. Tokyo, 1989, с.170.

¹⁹ Vogel Ezra F. *Japan as № 1. Lessons for America*. Tokyo, 1980, с. 4,255.

отношению к более преуспевающему сопернику. Даже положительные качества японцев, как, например, дисциплинированность, часто трактуются как регламентированность, стремление учиться — как рабское подражание, т.е. все идет со знаком минус. Первые послевоенные поколения иностранцев ощущали огромный разрыв с японцами в политическом и моральном плане, но «чудо» подняло престиж страны и даже породило опасения, что они могут превзойти Запад и в духовной сфере. Это был период нового увлечения Японией.

Под влиянием ее грандиозных экономических успехов другие страны усиленно перенимают японский опыт в системе управления, организации производства и трудовых отношений. Высокие показатели продолжительности жизни, низкий уровень смертности, разводов, самоубийств, преступности привлекают внимание других народов к некоторым аспектам японского образа жизни, межличностных отношений, культурной традиции. Мирный путь развития в послевоенный период, сохранение самобытности при глубокой европеизации в целом может служить хорошей моделью для развивающихся стран, не вызывая у них чувства опасения потерять свою идентичность в условиях модернизации и интернационализации.

Суперсовременная Япония с ее информатизацией, сервисизацией, софтизацией вновь поражает мир тем, с чего она начала свое знакомство с Западом, — традиционной культурой. Нынешнее впечатление европейцев от выставок гравюр, представлений Кабуки, демонстраций искусства борцов сумо столь велико, что заговорили о новом открытии Японии. Новом потому, что было продемонстрировано оптимальное сочетание всех новейших достижений науки и техники с традициями. В таком сочетании прошлого и настоящего — ее сила. «Будь прошлое Японии, — писал итальянский японовед Ф.Мараини, — преградой для ее будущего, страна до сих пор была бы неким прилежным и многообещающим учеником своих западных менторов, а не могущественным соперником, поднявшим меч и играющим с умением и жаром, грозя в скором времени побить учителей в их собственной игре»²⁰.

В то же время именно большие успехи Японии на экономическом поприще создают и серьезные препятствия на пути ее сближения с другими странами. Опасаясь ее мощи, они обвиняют Японию в закрытости и требуют более активного сотрудничества с мировым сообществом. Наиболее серьезные проблемы связаны с внешней торговлей. На протяжении многих десятилетий японская экспортная экспансия вызывала серьезные трения с партнерами. Подчас сложные конфликты перерастали в «торговые войны». Достаточно напомнить текстильную «войну» начала 60-х, радиоэлектрон-

²⁰ Мараини Ф. Япония. Образцы и традиции. М., 1980, с.158.

ную — в 70-е и автомобильную в 80–90-е годы. Конечно, все они так или иначе разрешались или теряли свою значимость. Но по мере углубления процесса интернационализации, усиления движения капиталов, распространения технологий и расширения миграции рабочей силы, видимо, будут возникать более сложные проблемы, затрагивающие не только экспортно-импортную сферу, но и все стороны процесса воспроизводства. И на этом пути еще не раз Японию будут упрекать в «нежелании играть по правилам мирового сообщества» и требовать, чтобы она из страны, где господствует бюрократия и нет свободной экономики, уподобилась государствам Европы и Северной Америки.

Определенное несоответствие между экономической мощью и жизненным уровнем японского населения также дает возможность Западу уничижительно отзываться об этой стране как об «экономическом животном». Но такая оценка в большей степени была следствием недопонимания социопсихологических особенностей японцев и ряда их традиционных ценностей. В этом проявился европоцентристский подход, во все времена свойственный Западу. Для японцев, например, важнее накормить семью и дать детям образование, чем приобрести престижное жилье (тем более, что его размеры никогда не были здесь приоритетом).

Политическая элита не остается равнодушной к постоянной критике со стороны Запада. Она ставит и решает задачу повышения социально-политического и военного статуса страны, приведения его в соответствие с экономической мощью. Это, по ее мнению, поможет Японии стать «международным государством», что подразумевает не только органичное включение в мировое сообщество, но и создание сбалансированной социально-экономической и политической структуры внутри страны.

По мере реализации указанных стратегических установок Япония увеличивает свой вклад в развитие международного сообщества. Речь идет о расширении зарубежных инвестиций как в развитие, так и в развивающиеся страны, о все возрастающем влиянии на изменение там производственных структур. Япония активно участвует в различных экономических международных организациях, постоянно увеличивая свои взносы. Политика правительства направлена на углубление процессов интернационализации страны: предпринимаются меры по расширению доступа иностранных предпринимателей на внутренний рынок и снятия ряда таможенных барьеров на пути импорта иностранных товаров.

Экономическая помощь, предоставляемая развивающимся странам, прежде всего Азиатско-тихоокеанского региона, способствует созданию там более благоприятного облика Японии. Не без давления мирового сообщества размеры помощи, особенно государственной, постоянно растут. И сейчас Япония занимает по этому показателю первое место среди развитых

стран. Менее значимой в экономическом плане, но более эффективной в пропагандистском смысле является помощь, оказываемая по неправительственным каналам. Разного рода общественные организации (например, Корпус добровольцев, Корпорация международного сотрудничества) направляют более чем в сто стран десятки тысяч учителей, врачей, агрономов, других специалистов и добровольцев. Эта помощь, в основном гуманитарного характера, направлена на культивирование на местной почве японского опыта и установление человеческих отношений.

Принимая во внимание уровень развития большинства этих стран, японские специалисты стараются адаптировать современную технологию к местным условиям, например в сельском хозяйстве. Кроме основной деятельности, большинство из них выполняет большую просветительскую работу. Учителя или врачи, как это было раньше и в России, являясь носителями знаний и культуры, служат центром притяжения жителей: организуют библиотеки, помогают воспитывать детей, привнося в этот процесс элементы своей культуры, живут среди местных жителей, деля с ними кров. Подобная деятельность является своего рода базовым уровнем для достижения взаимопонимания и рассчитана на долгосрочную перспективу, а не на быструю отдачу. Это — одно из направлений на нелегком и непростом пути интернационализации.

Немаловажную роль в восприятии той или иной страны играет фактор языка. Если раньше для контактов с Западом японцы стремились овладеть иностранными языками, то теперь предлагают иностранцам изучать их язык. При этом они активно налаживают его преподавание у себя дома. Правительство разработало специальную программу, рассчитанную до 2000 г. В соответствии с ней в стране и за границей создаются школы, открываются курсы японского языка, проводятся семинары и симпозиумы для иностранных преподавателей. Более 100 тыс. студентов, в подавляющем большинстве из стран Азии, будут учиться в Японии²¹. В процессе интернационализации им отводится роль посредников, причем не только как профессионалов, но и как «носителей» японской культуры. Студенты-иностранцы часто живут в японских домах не как гости, а как члены семьи. Став выпускниками японских университетов, они не только все больше привлекаются на работу в самой Японии, но и широко используются на японских предприятиях в своих странах.

Вместе с тем японский язык продолжает оставаться определенным препятствием на пути расширения связей Японии с внешним миром. Это объясняется не только его лингвистическими трудностями, но и восприятием японцами своего языка как уникального, тесно связанного именно с их на-

²¹ The Japan Times. 28.06.1990.

цией. В известной степени создается еще один японский миф. Безусловно, у него есть реальная основа; но главным образом он укореняется в массовом сознании благодаря целенаправленной пропаганде официальных кругов. Разрушить такой миф, по словам российского лингвиста В.Алпатова, может только полная интернационализация японского языка, когда его использование перестанет связываться с генетическим происхождением, но до этого еще далеко²².

Однако даже такой сложный элемент своего языка, как иероглифы, японцы прагматически стремятся приспособить для продвижения товаров на рынки азиатских стран, которые пользуются иероглификой. Впервые этот прием применили автомобильные фирмы. Они заменили написание популярных марок машин на иероглифическое в надежде, что таким образом эта продукция станет более близкой своим потенциальным иностранным покупателям.

Несмотря на все усилия японцев в оказании помощи другим странам, мировое общественное мнение в отношении Японии до сих пор сохраняет негативный оттенок. Уже само за себя говорит определение Японии в средствах массовой информации как «политического карлика с большим кошельком». В нем отражена зависть, презрение партнеров-соперников и в то же время действительное положение вещей. Ведь роль Японии в мировой политике не адекватна ее экономическому потенциалу. Например, несмотря на ее огромный финансовый взнос во время операции «Буря в пустыне» на поддержание многонациональных сил и на послевоенное восстановление в странах, пострадавших от военного конфликта, представитель Японии не был приглашен на мирную конференцию по Ближнему Востоку, проходившую в 1991 г. в Мадриде. На Западе, преимущественно в США, была развернута антияпонская кампания, лейтмотивом которой было утверждение, что Япония откупилась деньгами за кровь, пролитую другими²³. В бессильной ярости США забывают, что именно благодаря их стараниям Япония получила мирную конституцию с ее всемирно известной 9-й статьей. Пересмотр ее до сих пор вызывает серьезное сопротивление в стране. Правительство было вынуждено даже отозвать из парламента осенью 1990 г. законопроект «О содействии мирным усилиям ООН», который разрешал направлять японских военных за границу.

Взаимовосприятию мешают особенности менталитетов, прежде всего исторически обусловленные различия в мировосприятии, философском подходе к действительности, социопсихологические отличия. Не последнюю роль здесь играет традиционная замкнутость японского общества и отсюда невысокий уровень интернационального сознания народа. Этническая одно-

²² Иностранная литература. 1993, № 5, с. 245-250.

²³ Подробнее см.: Япония. Ежегодник 1991-1992. М., 1994, с. 5-18.

родность японцев создает благоприятные условия и для националистических настроений, тем более что они, как уже говорились, склонны утверждать исключительность своей нации. (Такой настрой, естественно, вызывает сильное чувство неприятия у других народов, в первую очередь азиатских.) В настоящее время к этому прибавляется не только чувство гордости за успехи, но и порождаемое ими же определенное высокомерие — ведь опыт Японии используют не только развивающиеся страны, но и те, которые в недалеком прошлом были образцом для нее самой.

Японцы, осознавая равенство с другими развитыми странами и отчасти даже свое превосходство, изменили отношение к себе и внешнему миру. Япония всегда преподносила себя в качестве «прекрасной страны», но в довоенное время в эту формулу включалось понятие «сильная страна». Это означало, что силой оружия она способна подчинить себе весь мир. А после войны к словам «прекрасная страна» добавилось определение «Япония — богатая, мудрая, мирная». Теперь гордостью японцев является ее экономическая мощь²⁴. Сегодняшний набор параметров их автостересотипа выглядит так: работа, стиснув зубы, усердие, законопослушание, принадлежность к великой экономической державе. Такой образ поддерживается и пропагандируется на официальном уровне. Что касается внешнего мира, то теперь уже японцы считают, что у Европы отсутствует динамизм, ибо она обременена традиционализмом, под которым в данном случае понимают не традиции как таковые, а более медленное развитие. Но в целом нельзя не признать, что оценки японцев в отношении Запада, перед культурой которого у них до сих пор сохраняется пиетет, всегда были более взвешенными и объективными, чем у иностранцев в отношении их страны.

По мере углубления процесса интернационализации, естественно, осуществляется взаимодействие цивилизаций, взаимопроникновение культур. Япония входит в мировое сообщество как равноправный партнер, импортируя иностранную культуру и образ жизни и одновременно распространяя свои материальные и духовные ценности на мировой арене.

В современной Японии в повседневную жизнь населения органично вошли привычные для иностранцев высотные дома, многокилометровые подземные кварталы с площадями, фонтанами и магазинами, многоярусные автострады со сложными развязками, площадки для гольфа, супермаркеты, магазины круглосуточной торговли продовольственными товарами, цепные системы ресторанов Макдональдс и Кентукки фрай чикин, рестораны китайской, индийской, французской и итальянской кухни. Что касается распространения японских ресторанов в западных странах, то они только начинают завоевывать, например, западное побережье США, где традиционно проживали японские переселенцы, Париж, Лондон, а вскоре,

²⁴ Сакаия Таити. Что такое Япония. М., 1992, с. 150.

возможно, и Москву. Примечательно, что в европейских ресторанах в Японии шеф-повара в большинстве случаев японцы, да и на Западе в японских ресторанах тоже работают японцы. Их кухня медленно, но верно завоевывает популярность за рубежом, предлагая здоровую, недорогую и натуральную пищу. Здесь создаются японские кулинарные школы, издается много книг с рецептами национальной кухни.

Активное усвоение западного образа жизни, основанного прежде всего на более высоком уровне материального обеспечения, привело к утрате ряда традиционных ценностей. Постепенно разрушаются прежние семейные и социальные связи, утрачивается унифицированное коллективистское мышление, рождается индивидуалистическое восприятие мира. Одновременно на Западе все большее внимание привлекают японские традиционные ценности. С давних пор всему миру известны искусство аранжировки цветов, виды военных искусств, чайная церемония, только одна из школ которой — Ура Сэнка — имеет 43 филиала в 20 странах. Десятки тысяч людей в разных странах играют в японские шашки го, шахматы сёги, занимаются каллиграфией, устраивают японские сады.

В настоящее время японская культура проникает в другие страны не только традиционным путем, но и через такие суперсовременные формы, как телевизионные компьютерные игры, караокэ. Другими словами, уже массовая культура этой страны распространяется по миру. Всего один пример. В Республике Корея, откуда в Японию в глубокой древности проникли индийская и китайская цивилизации, 90% всех игровых телепрограмм и 73% современных мультипликационных фильмов — японские и лишь 12% приходится на долю США. Современная японская масскультура приобретает поклонников среди корейской молодежи, которая увлекается поп-музыкой, попгруппами, компакт-дисками, комиксами из Японии. Постепенно на это путь встает и Россия.

Именно в этих условиях возникает вопрос, может ли культура быть предметом продажи, как любой другой товар — компьютеры, машины, телевизоры, т.е. можно ли сделать открытым рынок культуры. Другими словами, можно ли поставить на одну доску духовную жизнь народа и материальную. Речь идет не о культурном обмене, а о засилье бездуховных поделок массовой культуры. Мнение представителей разных кругов французского общества о том, что нация, давшая миру Мольера и Бодлера, не может позволить своей молодежи питаться «Далласами» и «Санта-Барбарой», следует, пожалуй, отнести к любой стране. Единственным заслоном проникновению такого рода культуры может стать, как считает один из ведущих писателей Латинской Америки Марио Варгас Льева, высокий уровень морального воспитания и образования²⁵. В Японии этому в значитель-

²⁵ The Daily Yomiuri. 25.04.1994.

ной степени содействуют разного рода образовательные программы телесвидения, а также постоянная демонстрация фильмов, посвященных истории страны.

В последней четверти уходящего века большое значение для взаимовосприятия различных народов играет туризм. С каждым годом все большее число японцев осваивает мир с фотоаппаратами и видеокамерами. В 1994 г. только в течение «золотой недели» в конце апреля — начале мая около полумиллиона японцев выехало за рубеж. В глазах европейцев сложился новый стереотип — японец, обвешанный аппаратурой, снимающий все подряд.

Примечательно, что возросший интерес к заграничным путешествиям и отдыху за рубежом сочетается у японцев с желанием не порывать с традиционным образом жизни. Речь идет о том, что японские туристические фирмы приобретают за границей землю (в частности в Австралии) и строят комплексы для отдыха в национальном стиле. Здесь можно найти привычные для них рёканы с характерным интерьером, татами, фуру, сёдзи, национальной кухней и непременно японским садом. Но дело не только в желании обитать в привычных условиях. Скорее это психологический настрой населения мононационального государства с определенной настроженностью относиться ко всему иностранному и самим иностранцам, несмотря на все ширяющуюся тенденцию к интернационализации.

Любопытно и довольно своеобразное восприятие японцами других стран. Им хотелось бы, чтобы за рубежом все было, как дома (например, в Лондоне говорили по-японски, в Америке было бы также безопасно чувствовать себя на улицах, как на родине), и чтобы там, где они бывают, можно было не соприкасаться с реальной жизнью. Их интересует японская версия другого мира. Может быть, именно поэтому в Японии таким успехом пользуется Диснейлэнд, само название которого является символом Америки.

Возможно, таким видением мира объясняется популярность «перенесения» других стран на свои острова — то, что можно назвать тематическим парком или музеем под открытым небом. Одним из первых и самых крупных такого рода музеев, стала Голландская деревня (площадью 150 гектаров) под названием «Хаустенбош» («Дом в лесу»). Она расположена на небольшом острове в заливе Омура между городами Нагасаки и Сасэбо и представляет собой как бы квинтэссенцию Голландии. Здесь можно увидеть копию гостиницы «Европа» из Амстердама, городскую ратушу XVI в. из г. Гуду. На ее территории находятся гостиницы, магазины, музеи и выставочные залы, жилые дома. Для придания колорита построены три ветряные мельницы и прорыто 6 км каналов. Повсюду море тюльпанов. Планируется ее дальнейшее расширение.

Недавно вблизи г. Ниигата появилась и «Русская деревня». Первым был возведен собор по типу Рождественского в Суздале. Расписывали его русские мастера. Создан он не для отправления служб, а используется как концертный зал. В нем всегда можно увидеть выступления профессиональных и самодеятельных коллективов из России. В музее постоянно меняются экспозиции изобразительного и прикладного искусства. В ресторане, расписанном теми же русскими мастерами, можно отведать псевдорусскую кухню, а в лавках — приобрести столь любимые японцами предметы старинных русских промыслов. Строительство деревни продолжается.

На Хоккайдо расположилось сразу несколько тематических парков. Первый, знакомящий с Германией времен братьев Гримм, был создан в 1989 г. под названием «Счастливая страна». Здесь можно увидеть ветряную мельницу из Бремена, деревянные дома и каменную мостовую из Берлина XVI в., отведать немецкого пива. Тематический парк в г. Ноборибэцу посвящен Дании. Достопримечательностями являются копии дома Христиана Андерсена и аквариум, построенный в виде средневекового датского замка. На Хоккайдо не забыто и прошлое собственной страны. В городах Мацумаэ и Датэ парки воспроизводят городской колорит токугавской Японии.

Создание подобных тематических парков объясняется, возможно, желанием японцев понять другие народы, столь непохожие на них. А, может быть, они хотят познать мир, не покидая собственного дома, поскольку зарубежные путешествия дороги. Как бы то ни было, посещение таких парков содействует взаимовосприятию и углубляет взаимопонимание.

В новых условиях все усиливающегося процесса взаимопроникновения культур, естественно, встают вопросы: не возникнет ли при этом единая унифицированная цивилизация, в которой не останется места для национальных культур; не разрушит ли импорт иностранной культуры и образа жизни (американский гамбургер, немецкая симфония, французская кухня, итальянский дизайн) японскую культуру? Опыт Японии дает на эти вопросы отрицательный ответ. По мере насыщения быта японцев предметами материальной культуры западный, точнее американский, образ жизни постепенно теряет здесь свою привлекательность, а национальные традиции практически на всех уровнях жизнедеятельности общества, в том числе и бытовом, продолжают жить.

В стране сложилась уникальная ситуация, когда в жизнь ее населения органично вписываются две культуры. Японец в зависимости от условий абсолютно одинаково использует палочки для еды или европейские приборы, надевает кимоно или западную одежду, обувает ботинки или гэта, работает за письменным столом или занимается каллиграфией на татами, слушает симфонический оркестр или песнопения дзэрури в театре Бунра-

ку, следит за изысканной игрой актеров театра Кабуки или смотрит западные шоу, играет в го или часами просиживает перед игровыми автоматами. «Старое и новое, японское и европейское сосуществуют, словно отдельные комнаты в квартире — стучи в любую дверь, кому куда хочется»²⁶. В настоящее время — это общая комната. Для молодого поколения нет противостояния между традиционно японским и европейским. Многие молодые люди с рождения воспринимают элементы западной культуры как свои, отечественные.

Современный японец демонстрирует самостоятельное жизненное поведение (уважение личности) и принадлежность к социальной группе, признает железную логику дисциплины и творческий характер труда, отдает должное важности накопления и утверждению эстетических ценностей, твердо придерживается принципов демократии плюрализма, гарантирующих стабильность в обществе, но не забывает оказывать уважение старшим по возрасту и положению. Этот синтез поднимает на новый уровень процесс взаимовосприятия.

* * *

В эволюции взаимовосприятия народов отражается весь спектр взаимоотношений между странами. Немаловажное значение имеет то, как тот или иной народ умест впитать в себя чужой опыт, отреагировать на него. Это обеспечивается самобытностью каждого этноса, неидентичностью интеллектуальной сферы, многообразием систем ценностей, спецификой национального самосознания.

В эпоху интернационализации возникают новые возможности для каждого народа продемонстрировать свои национальные ценности как экономические, так и социокультурные, перенять необходимый ему международный опыт. На этом пути всегда можно найти незаполненную нишу для отношений с мировым сообществом с учетом менталитета и желания народов оценивать духовные ценности друг друга, становясь на позиции партнеров.

²⁶ Мори Рюкити. Икиру тамэ-но буккё (Буддизм для жизни) Токио, 1966, с.22 (Цит. по: Козловский Ю.Б. Современная буржуазная философия в Японии. М., 1977, с.49).

Истинное лицо японского политического мира

Нобухико Отиаи

Вниманию читателя представлена глава из книги Нобухико Отиаи «Нихон-но-сэтай» («Истинное лицо Японии», Токио, 1994, 270 с.). Книга произвела на японскую аудиторию впечатление взорвавшейся бомбы, мгновенно стала бестселлером и только за три месяца была переиздана девять раз. Н.Отиаи рассказывает в ней об «истинном лице» своей страны, подвергая анализу практически все стороны ее политической, экономической, общественной и культурной жизни: государственный аппарат и бюрократия, семья и брак, внешняя политика и дипломатия, политический мир, экономика, общество, образование, культура, мир спорта, средства массовой информации. Высказываясь остро и нелицеприятно, Н.Отиаи часто проводит параллели между Японией и другими странами. Глава о политике содержит и его мнение о сегодняшней России. И, хотя, на наш взгляд, это мнение далеко не бесспорно, тем не менее пусть оно послужит читателям «оселком», на котором он сможет проверить этого японского общественного деятеля на остроту и точность восприятия. Еще раз обращаем внимание на то, что книга была написана и подготовлена к печати к весне 1994 г. Предлагаемая российскому читателю глава переведена с незначительными сокращениями.

Октябрь 1993 г. Хотя в Москве еще только октябрь, но холодно, как в Японии лютой зимой. Неубранные улицы делают чувство холода еще более острым.

Народ живет по-прежнему тяжело. 70% влечит существование ниже уровня бедности. Однако «Мерседесов» и «БМВ» на улицах, кажется, больше чем в Токио. Их владельцы — мафиози, действующая с ними заодно экономическая бюрократия, политики, новые русские предприниматели. Обычный русский рабочий не сможет купить себе «Мерседес», даже прожив не одну, а десять жизней.

Я побывал в здании Верховного совета, всего неделю назад бывшем в центре внимания всего мира. Большая часть здания обгорела, и даже сейчас оно производит печальное впечатление. А ведь всего пять месяцев назад я брал здесь интервью у заместителя председателя Верховного совета Исправникова, других политиков, был в Кремле у вице-президента Руцкого. Однако сейчас многие из моих тогдашних визави — за решеткой. Всего за пять месяцев политическая система России полностью изменилась.

Неправильно оценивать результаты происшедших событий просто как победу Ельцина. Ему оказал поддержку Запад, прежде всего США. Однако эта поддержка может всколыхнуть волну русского национализма, и нельзя исключить, что именно она когда-нибудь положит конец системе правления Ельцина.

Смута в России скорее всего продолжится. Уже два года проводится политика «шоковой терапии», но положение трудящихся стало не лучше, а хуже. В народе говорят, что «шоковая терапия завершится смертью от шока».

После Мюнхенского саммита в течение года Запад влил в Россию около 30 млрд. долл. — такова сумма капиталовложений и средств, переданных в порядке помощи. Однако из них 17,9 млрд. вернулись обратно — в банки и другие финансовые учреждения Швейцарии, Англии, США — на счета российских граждан. Средства, полученные от экспорта никеля и других полезных ископаемых, не возвращаются в Россию, а остаются в зарубежных банках. Русские нувориши лучше других знают, что их страна — это потопленное судно.

Среди прочих виновниками этой отчаянной ситуации являются и политики. У них отсутствует реалистическое видение направления, в котором следует вести страну. Среди тех, с кем я встречался, не нашлось разбиравшихся в экономике. У них одна забота — как захватить власть и сохранить за собой полученные права. Логике их поведения можно называть «кремлевской логикой».

Битва за трон среди российских политиков достигала кульминаций во время правого переворота в августе 1991 г. и «путча сверху», организованного Ельциным в сентябре-октябре 1993 г. Борьба за власть будет продолжаться до тех пор, пока политики качественно не изменятся. Однако,

чтобы это произошло, потребуется срок, равный как минимум жизни одного поколения. Политики, принесшие с собой лозунг демократизации, по своей ментальности остались такими же, какими были во времена тоталитаризма.

Таким же осталось и население. Все — от Ельцина наверху до рядового бандита внизу — родились и выросли при тоталитарной системе. Никто из них не имел практического опыта построения настоящей рыночной экономики, демократии. И заставлять их реализовать эти понятия — дело совершенно безнадежное.

Ельцин, желая получить американскую помощь и содействие, предпринял насильственный переход к рыночной экономике и демократизации. Экономический и политический результат — большая смута, близкое к анархии состояние дел.

Ответственность лежит и на Западе. Навязывать России помощь при условии демократизации и перевода экономики на рыночные рельсы — это все равно, что насиловать дрессировкой новорожденного щенка, отказывая тому в пище, если он не выполнит команду.

Наблюдая российскую демократизацию и местных политиков, я невольно вспомнил о нашей, японской демократии и о японских политиках. «Кремлевская логика» очень похожа на «Логику Нагата-тё» (район Токио, в котором находится парламент. — *Прим. переводчика*).

И у России, и у Японии история, предшествующая введению демократии, имеет очень много общих черт. После большевистской революции Россия стала из царской коммунистической и более 70 лет была тоталитарной страной. Япония же с эпохи Эдо и на протяжении периода преобразований Мэйдзи имела монархический строй весьма тоталитарного толка, после чего стала милитаризованным государством.

После поражения Японии во второй мировой войне демократия в японское общество была внедрена Соединенными Штатами. Россия, проиграв в «холодной войне», почти насильственно получила демократию от США и западно-европейских стран.

И тут, и там население не завоевало демократию, заплатив за победу своей кровью. Поэтому не случайно, что качество японской политики сродни российскому. И тут, и там — корысть и погоня за привилегиями, свойственные нерадивым чиновникам. Слушаешь их — и поразительно похожими кажутся их вульгарность и грубость, низкий интеллектуальный уровень.

Однако, что касается России, то для нее еще может быть найдено какое-то оправдание. Демократия внедрена здесь только недавно, экономически страна находится на уровне развивающейся, велик разрыв между бедностью и богатством, и население даже не может по-настоящему ощутить блага демократии.

Между тем в Японии демократический строй существует уже полвека. Экономика страны является второй в мире, да и жизнь населения полнее, чем в развивающихся странах. Но взглянешь на политическую жизнь — и хочется покачать головой. Ведь ее уровень — ниже, чем в развивающейся стране.

Ныншнюю японскую политику можно описать такими выражениями, как «политика денег», «политика погони за правами и привилегиями».

В телевизионных исторических сериалах часто выводятся персонажи средневековых продажных чиновников, безнравственных оптовых торговцев рисом или лесом, но современные бюрократы мало чем от них отличаются.

Попытаемся взглянуть на причины болезней, свойственных современным японским политикам. Если быть точным, причин такого рода огромное множество. Но главных — две: первая — превращение политиков в маклеров и их качественная деградация; вторая — появление «наследственных политиков» во втором, в третьем поколениях, клановость в политическом мире.

Человек, ставший премьер-министром с помощью мафиозных кланов «якудза»; старик, ловко скопивший деньги за счет продажи государственных земель; губернаторы, собиравшие с предпринимателей изрядные деньги под речи на тему «глас народа — глас божий»... Если составить список нечистоплотных политиков, то Япония наверняка попадет в книгу рекордов Гиннеса. Японские политики позабыли свою основную деятельность — выработку государственной политики — и превратились в политических маклеров.

В послевоенной Японии политическая система приобрела одну особенность. А именно: в ней пустила глубокие корни коррупция. Я не нахожу среди промышленно развитых стран такой, которая была бы настолько коррумпирована, как Япония. Начиная скандалом о коррупции в судостроении и кончая последними скандалами со строительными компаниями — вся послевоенная японская политика покрыта черным туманом. Во всех скандалах — «дело Локхид», «дело Дуглас», «дело Рикрут», «дело Кёва», «дело Сагава», «дело строительных компаний» — замешаны политики.

За это время произошло несколько самоубийств и убийств — но это касалось шоферов, секретарей, бухгалтеров компаний, в то время как главные злодеи продолжают править политической жизнью. После обвинений со стороны общественности некоторые политики формально вышли из своих партий, но реально никто не ушел из политической жизни. У них есть запасной вариант: вернуться в свой избирательный округ и победить на следующих выборах.

Когда они возвращаются к себе на родину, к ним относятся как к «великим учителям». Это — «благодетели», которые направили общегосудар-

ственные налоговые средства на строительство мостов, дорог и тоннелей у себя на родине. Каким бы ни было общественное мнение, местный электорат все равно изберет «великого сэнсэя». Это — типичный случай демократии по-японски. Именно так остались в японской политике Какуэй Танака, Син Канэмару, Нобору Такэсита.

Некогда прибывший в Японию проповедник Франсиско Ксавьер в своих «Японских записках» отмечал, что японцы — это вежливая и добропорядочная нация, что «удивительно, насколько у них ценится честь» и что «честь здесь в большем почете, нежели деньги». Интересно, что написал бы Ксавьер, глядя на нынешних японцев? Скорее всего — ничего, настолько велик был бы его шок.

В 1993 г. прервалось единоличное правление Либерально-демократической партии и был сформирован кабинет министров во главе с Морихиро Хосокава. Средства массовой информации завопили о крахе продержавшейся 55 лет политической системы — но это было присущим им преувеличением.

Сердцевиной коалиции партий, поддерживающих Морихиро Хосокава, является партия Синсэйто во главе с Итиро Одзава, который вскормлен такими политиками, как Син Канэмару и Нобору Такэсита. Последние покинули партию, осознав, что из-за междоусобных раздоров не годятся на роль кормчих. Однако менталитет партии остался прежним — поменялся лишь ярлык.

А так как эти политики являются центральным звеном проводимой в Японии административно-хозяйственной реформы, то следует заметить следующее. Дать им такую роль — это то же, что пустить лису сторожить курятник, или назначить Аль Капоне директором чикагского департамента ФБР.

Главная идея административно-хозяйственной реформы — сделать «прозрачным» движение финансовых средств, реформировать систему избирательных округов, в сторону их уменьшения и добиться пропорционального представительства в соответствии с числом избирателей. Однако будет большим заблуждением полагать, что такое поверхностное мероприятие положит конец злоупотреблениям в политике. Рак компрессами не вылечишь. Необходимо удалить раковые клетки. Нелепа сама мысль, что от нынешних политиков можно ожидать выработки нормального политического курса.

Собственно, идея административно-хозяйственной реформы состоит в создании условий, при которых политики перестанут творить злоупотребления. Печально, но разговоры о реформе тянутся уже 20 лет — со времени правления кабинета Мики.

То, что политикам не пристало использовать свое положение в корыстных целях, понимают даже школьники младших классов. Но этого не по-

нимают некоторые важные взрослые дяди. Тех, кто умеет собирать деньги, руководствуясь логикой принципов «деньги — это сила» и «сила — в количестве членов фракции», называют «дзицурёкуся» — «влиятельными лицами». И такая ситуация вряд ли изменится, даже если реформировать систему избирательных округов. Однако, если политические деятели изменятся качественно, то такая реформа станет ненужной. Вполне достаточно будет мероприятий меньшего масштаба, которые, кстати, можно осуществить без особой подготовки.

Хорошо было бы создать независимый комитет, который бы провел исследование, а затем попросить население оценить его итоги. Причем нельзя допускать вмешательства политиков в деятельность комитета — даже если он будет ошибаться.

Думаю, этот комитет в первую очередь должен оценивать профессиональное соответствие кандидатов, которые баллотируются на выборах. Ведь мы живем во время, когда оценивают на соответствие кандидатуры для любой работы. Адвокаты, аудиторы, риэлтеры, переводчики, таксисты — всех экзаменуют на соответствие. Однако в высшем учреждении государственной власти — парламенте — нет экзамена на профпригодность. Нет подобной оценки и при назначении на самые ответственные государственные посты. Поэтому на выборах в верхнюю палату японского парламента без проблем могут быть зарегистрированы в качестве кандидатов профессиональный борец, актер развлекательных передач и богатый ростовщик. А безответственные избиратели «из интереса» вполне могут их избирать.

Когда-то, когда некий профессиональный борец выдвинул свою кандидатуру в палату советников, я выразил в одном журнале свой протест. Пусть этот господин и добился успехов в области единоборств, но он не был тем, кому можно поручить заниматься политикой. Если в японскую политику, которая и так известна, как мир сговора, войдет еще и дух сговора мира профессиональных борцов, то это уже будет нетерпимо.

В ответ на мою статью пришло письмо от молодого читателя. Общий смысл его сводился к тому, что Япония — это демократическое государство, и вопрос о выдвижении своей кандидатуры — это вопрос свободы воли самого кандидата. Баллотироваться могут и профессиональные борцы, и деятели из шоу-бизнеса. Так как в этом проявляется дух демократии, которая гарантирует свободу и равенство.

Юноша в тяжелой форме охвачен чувством безответственности, но, как я полагаю, в данном случае он выразил общее представление японцев о демократии. Я отнюдь не хочу сказать, что лица таких профессий, как борец или шоу-мен, не могут стать парламентариями. Я не сомневаюсь, что политиком может стать любой — был бы человек серьезным и порядочным. Я горячо приветствую, когда политиками становятся такие люди,

как Рональд Рейган или Джек Кемп. Рейган был актером и пришел в политику с поста председателя профсоюзов актеров. Джек Кемп, кандидат в президенты от республиканской партии, был профессиональным игроком в американский футбол. Оба, начав в политике с азов, стали в ней профессионалами. Японский профессиональный борец, наговорив глупостей типа «вреем по парламенту!», был на ура принят нашими студентами. В то же время невозможно представить, чтобы нечто подобное было сказано Кемпом. В противном случае избиратели всерьез бы заинтересовались состоянием психического здоровья кандидата.

И нашего борца-профессионала избирают в парламент. Затем он будет замешан в нескольких скандалах, его секретарь подаст на него в суд. Для него ринг и политика были одним и тем же. Интересно, что думает по этому поводу мой корреспондент-студент? Скорее всего ничего не думает. Наверное, он, как и борец-парламентарий, полагает, что политика и профессиональная борьба — одно и то же.

На выборах в японский парламент критерием для избирателей является не то, что депутат может сделать для страны, а то, что он может сделать для своего избирательного округа. Барометром силы парламентария является то, сколько налоговых средств он сможет направить сюда из центра. Поэтому в Японии и появляются такие политики, как Какуэй Танака и Син Канэмару.

Что стоит за появлением таких политиков-маклеров? Дело в том, что выборы, являющиеся столпом демократии, превратились у нас в дело жизни и смерти для населения.

В период высокого промышленного роста резко увеличился разрыв между городом и деревней. Сельские районы дошли до такого состояния, когда не могли больше существовать без вливаний средств из центра. Такие дотации осуществлялись через заказы на проведение общественных работ. Заказчиками выступали префектуральные управления, мэрии, поселковые и деревенские управы.

Таким образом, в глубинке поселковые и деревенские управы являются одним из самых крупных работодателей для местной экономики. Именно на этом уровне чаще всего проводятся «грязные выборы».

Эта тенденция особенно заметна в бедных префектурах — Аомори, Кагосима. Общеяпонскую известность приобрели «выборы в Цугару» (префектура Аомори) и «грязные выборы» в Токуносима.

Район Цугару занимает всю западную часть префектуры Аомори, в нем проживает 800 тыс. человек. Он знаменит тем, что здесь выращивается около половины общеяпонского урожая яблок, а в послевоенные годы пятеро местных уроженцев стали «ёкодзуна» — великими чемпионами борьбы сумо. И, конечно, район Цугару известен своими выборами.

Здесь случаются происшествия, необычайные для демократического государства: похищение урн для голосования, массовая подмена бюллетеней, наличие одновременно двух мэров... Возможно, это связано с горячим и неуступчивым характером цугарцев, но скорее с тем, что выборы для них — крайне болезненный вопрос.

Несколько лет тому назад в городке Адзигасава появились сразу два мэра. Это сейчас Адзигасава стал известен как место, где вырос популярный борец сумо Май-но-уми, но до этого название города символизировало отсталость японской демократии. На местных выборах мэра соперничали два влиятельных кандидата, и после вскрытия урн выяснилось, что с незначительным отрывом победил господин А. Однако спустя несколько дней председатель избиркома объявил, что среди бюллетеней, поданных за г-на А., оказалось большое количество недействительных, и назвал победителем г-на Б. (Видимо, избирком больше симпатизировал г-ну Б.)

В результате избрания двух мэров в городке возник политический вакуум. Фоном данного события послужило то, что местная управа превратилась в крупнейшего работодателя. Если бы мэром стал г-н А., то фракция г-на Б. была бы на четыре года отрезана от заказов на выполнение общественных работ, и ее членам пришлось бы перейти на сухари и воду. Именно поэтому г-да А. и Б. остервенело боролись за пост мэра; еще более грязным делало происходящее участие в нем заинтересованных парламентариев из центрального парламента.

Нечто подобное «цугарским выборам» в той или иной форме можно наблюдать в любом районе Японии. Политики — от депутатов общенационального парламента и до депутатов поселковых собраний — в качестве благодарности за избрание презентуют избирателям дороги, мосты и т.д. Чтобы заработать средства для этого, они ведут борьбу за права и привилегии. Таким образом выстраивается система корыстных отношений между избирателями и политиками. Как и в период Эдо, продолжает существовать модель в виде семейственности и клановости. В эпоху Эдо помещики управляли своими деревнями из поколения в поколение. Подобное мы видим и в сегодняшней японской политике.

Вот еще один из корней болезни японской политики. В нынешней политической элите много политиков второго, третьего поколений. В палате представителей таких сейчас около 130 человек. Хосокава, Кавано, Хасимото, Одава, Миядзава, Като, Ханэда — все они потомственные политики. Социалисты Ямахана, Мацукава, губернатор Хоккайдо Ёкомити — тоже потомственные политики. Так стоит ли после этого смеяться над Северной Кореей?! Политики такого типа, получившие в наследство избирательную территорию, вывеску и портфель, имеют самые высокие шансы при проведении избирательной кампании. Молодым людям, которые всерь-

ез желают стать политиками, придется разочароваться: если бы Итиро Одава родился в семье рядового клерка, разве стал бы он депутатом парламента?!

Я ничего не имею против потомственных депутатов — если бы они имели задатки политиков. Но ведь большая часть из них — это «моральные старики», поднаторевшие только в политических торгах.

В других развитых странах тоже имеются потомственные парламентарии, хотя и не в таком количестве, как в Японии. В Америке, например, — Кристофер Додд и Джозеф Кеннеди. Вице-президент Гор — также сенатор во втором поколении. Но ведь все они перед тем, как стать политиками, имели каждый свою работу, преуспели в ней, сделали себе имя. Никто из них не стал регистрироваться кандидатом в депутаты непосредственно сразу после смерти отца. Даже если бы они и сделали такой опрометчивый шаг, строгий американский электорат вряд ли бы поддержал их. Там не бросают бюллетени в урны из сочувствия. Даже если бы Джозеф Кеннеди выдвинул свою кандидатуру после смерти отца, он вряд ли был бы избран (впрочем, он не мог этого сделать, так как в момент убийства Роберта Кеннеди ему было только 15 лет). Джозеф окончил университет и после этого некоторое время работал в добровольной организации, занимающейся помощью неимущим.

Затем он начал работать в нефтяном бизнесе, объездил весь мир, имел возможность узнать закулисную сторону международной политики. Из заработанных на нефти средств несколько миллионов долларов он потратил на благотворительность. Отдавать деньги людям — один из лозунгов дома Кеннеди. Доказав свою силу в нефтебизнесе, Джозеф решил двинуться в политику, но не стал баллотироваться от округа отца. Как и в бизнесе, на выборах он хотел преодолеть трудности собственными силами.

Встретившись с Джозефом Кеннеди полтора года назад в Вашингтоне, я спросил его о причинах, которые побудили его вступить в мир политики. Кеннеди ответил так: «Несколько лет назад я и не помышлял о том, чтобы стать политиком, такого желания у меня не было. Я думал о том, что здорово поставлять бедным людям по дешевой цене керосин, электричество и газ. Но вдруг я понял, что, занимаясь политикой, я могу делать то же для населения в качественно больших масштабах. Даже если бы я поставлял населению для отопления всю свою нефть бесплатно, мне было бы далеко до правительства, которое расходует на социальные цели в сотни тысяч раз большие суммы. Я решил, что участие в этом процессе, использование собственного влияния предоставят мне больше возможности непосредственно помочь людям, и пришел к выводу, что самым правильным будет стать политиком».

Разве смог бы кто-нибудь из ничтожных японских политиков во втором или третьем поколении произнести наполненное таким чувством собственной уверенности слова?

Я полагаю, что для осуществления настоящей политической реформы следует прежде всего внести в Закон о выборах положение, ограничивающее семейственность (например, не более 30% таких представителей в каждой партийной фракции), или установить мораторий сроком в пять-десять лет на выдвижение сына-политика от того же округа, по которому баллотировался отец.

«Наследование» избирательного округа — это единственный вид активизма в Японии, который не облагается налогом. Ничего хорошего в этом нет, и должны быть приняты какие-нибудь ограничивающие положения.

Кроме этого, абсолютно необходимо ввести экзамен на профессиональную пригодность, чтобы Нагата-тё не превратился в зоопарк. О содержании экзамена пусть подумает специальный комитет, но, вероятно, к обычным тестам на рациональность и здравость мышления следует добавить сочинение на тему «Взгляд на современный мир и историю», что совершенно необходимо для политика. Надеюсь, что после тестирования 90% обезьянника Нагата-тё отсеется.

По моему мнению, обязательным условием для политиков должна стать вспомогательная работа в течение двух лет в международных лагерях беженцев и приютах для малоимущих. Люди, которые приобретут опыт заботы о больных оспой детях в больнице Матери Терезы или жизни бок о бок с находящимися на грани голодной смерти беженцами в Боснии, уже будут представлять себе хотя бы немного картину современного мира. Люди, разделившие с другими печаль и мучения, становятся мягче сердцем, более зрелыми душой. Познание мира приносит знание о собственной стране. Именно это и есть настоящая интернациональность.

Такое обязательное условие стало бы не менее важным, чем экзамен, способом повышения качества политиков. Барчуки — «наследственные политики» — вряд ли будут буруеваемы желанием пройти через такое испытание — ведь для этого требуется сила тела и сила духа. Старики же просто не в состоянии этого сделать. Если такое правило ввести, то мир политики сразу омолодится. И в него будут вливаться молодые люди, имеющие глобальный кругозор. А низкокачественные политики исчезнут. Перефразируя японскую поговорку, можно будет сказать, что одним камнем мы убьем трех птиц.

Может быть, кто-то подумает, что это не демократично. Но я в который раз повторяю: в нынешней Японии демократия не работает. А в отношении того, чего нет, вести какую бы то ни было дискуссию невозможно.

Между тем многие мои соотечественники полагают, что Япония — демократическое государство...

Жить в условиях демократии намного сложнее, чем при тоталитарном строе, потому что ответственность каждого по отдельности гражданина выше. И свободные выборы проводятся, основываясь на важной предпосылке наличия такого чувства ответственности. Ответственность избирающего выше, чем ответственность избираемого. Чем сильнее такое чувство ответственности, тем более «божественным» и серьезным событием становятся выборы. Если такой ответственности нет — выборы превращаются в цирк.

В развитых странах Европы и Америки в принципе невозможно «возвращение» угодивших в скандалы политиков. Для окончания карьеры достаточно один раз сказать неправду. Гарри Харт, кандидат в президенты США, был вынужден уйти из политики после того, как его репутация оказалась под сомнением после скандала, в котором была замешана дама. Тем же путем последовал Джеффри Арчер в Великобритании. Том Додд, отец Кристофера Додда, был влиятельным сенатором, но вынужден был уйти после скандала, связанного с финансами.

После скандалов все эти политики уже не пробовали счастья на следующих выборах, понимая, что будут отвергнуты избирателями. Настолько строго и ответственно относятся те к кандидатам. Это и есть чувство ответственности.

Большая часть нынешних японских избирателей таким чувством ответственности не обладает. В прошлом году, когда в Японии разгорелся скандал о коррупции, связанный с универсальными строительными компаниями, я был в Сеуле, собирая материал для статьи. Мои корейские друзья задали мне тогда много жестких и неприятных вопросов. Это как раз совпало по времени с завершением начатой президентом Ким Ён Самом кампании по борьбе с коррупцией.

В ходе этой кампании были арестованы три сверхвлиятельных политика: Пак Чо Рон, которого из-за его положения иногда называли «принцем» прежнего режима (главный директор политического административного управления при бывшем президенте Ро Дэ У); бывшие министры обороны — И Чон Ку и И Сам Фун. Были арестованы 30 политиков рангом чуть ниже, отправились в отставку несколько послов. Мои сеульские друзья спрашивали: почему вы в Японии не можете устроить такую же большую чистку, как мы в Корее, хотя после провозглашения демократизации у нас прошло только семь лет? Мне пришлось согласиться с тем, что стоящая экономически много выше Япония в отношении продвинутости демократии сильно уступает в настоящее время Южной Корее.

Процесс демократизации в Корее был совсем не простым. Военный режим многих бросил за решетку, была пролита кровь. Президент Ким Ён

Сам провел два года под домашним арестом. Но южнокорейцы смогли сбросить военный режим. В 1987 г. Ро Дэ У был вынужден провозгласить демократизацию. В этом разница между Японией и Южной Кореей. В Южной Корее народ завоевал демократию, заплатив ценой многих жертв. Демократизация была не получена, а завоевана собственными руками. В этом смысле путь, по которому Южная Корея пришла к демократии, похож на путь США, Англии, Франции.

Когда-то, в то время как Какуэй Танака проходил в качестве уголовного преступника по «делу Локхид», население трех избирательных округов в префектуре Ниигата поставило его фамилию первой среди избранных здесь в общенациональный парламент депутатов. Один из избирателей, объясняя перед телекамерой свой выбор, сказал: «Я чувствую себя обязанным Танака-сэнсэю и благодарен ему. Вполне естественно, что мы вернули сэнсэю долг». Создавалось впечатление, что избирательные права были даны не современным гражданам, а людям феодальной эпохи Эдо. Какая уж там демократия... Население просто пыталось любым способом провести старейшину от своего «клана».

Чтобы заставить работать демократию, следует прежде всего изменить политиков. В условиях нынешней системы выборов это невозможно...

Раз мы смогли осуществить в Японии такое мероприятие, как приватизацию государственных железных дорог, то не является невозможной и реформа в политике. А если этого не сделать и продолжать идти той же дорогой, то Япония превратится в политический «евразийский парк», объект насмешек всего мира.

ПОСЛЕСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

По японским меркам, Н.Отиаи высказывается слишком резко, эпатируя привыкшее к сглаживанию углов японское общество. Если спросить мнение о книге Н.Отиаи у профессора какого-либо из японских университетов, входящих в структуру истеблишмента, тот наверняка начнет стыдливо мяться, в лучшем случае ответит рассуждениями типа «с одной стороны..., а с другой стороны...». Н.Отиаи никого не жалеет — ни политиков, ни избирателей. Это — мужественная позиция, она вызывает уважение — ведь у нас, в России, даже самая беспощадная критика в адрес «верхов» до сих пор сопровождается реверансами (иногда молчаливыми) в адрес «низов» — хотя те чаще всего не заслуживают хвалебных оценок.

Отиаи критикует нынешнее положение дел в Японии справа. Например, в главе о внешней политике он призывает создать мощную службу разведки и контрразведки, ставя в пример Израиль и указывая, что нынешняя Япония — это «шпионский рай», где не собирает информацию

только ленивый, и что в новых геополитических условиях это уже недопустимо.

Его озабоченность качественным уровнем японских политиков тоже понятна. Я не могу забыть случай, когда мне пришлось быть переводчиком очень влиятельного политика, долгое время бывшего министром иностранных дел, а ныне возглавляющего имеющую отношение к России общественную организацию. Его партнером по переговорам был высокопоставленный чиновник из Якутии, просивший о предоставлении денежной и гуманитарной помощи (дело было в начале 90-х годов). Беседа прошла во всех смыслах удачно, но когда якут вышел, бывший министр задал мне вопрос: «Что такое Якутия и где она находится?». Я не высокого мнения о высших дипломатах советской эпохи, но, уверен, Громыко не стал бы спрашивать, где расположен, к примеру, Тибет! Мой знакомый — посол одной из ставших независимыми пост-советских республик — рассказывал о привычной сцене во время представления высшему руководству Японии аккредитованных послов. Послы выстраиваются в очередь, подходят к члену кабинета, представляются, их слова переводят переводчики японского МИДа. Такие названия стран, как Конго, Ямайка и т.д., удивления не вызывают. Но после того, как представляют моего знакомого посла, следует немая сцена: высшее японское лицо беспомощно и с недоумением смотрит на переводчика, и тому приходится шепотом наскоро объяснять ему географию пост-советского пространства.

Шокировали меня и выборы в городское собрание, свидетелем которых пришлось стать (место и время действия — г.Тояма, весна 1996 г.). На 19 вакансий претендовал 21 кандидат, что уже было странно. Каждый из кандидатов вел «агитацию» только в своем микрорайоне, где его поддерживал местком — тёнайкай. В штаб-квартирах кандидатов секрестари безостановочно обзванивали избирателей, причем только своего округа. Удивительно было также и то, что со стороны избирателей не поступало ничего похожего на «наказы» или просьбы. Им напоминали, чтобы они пришли поддержать кандидата от своего микрорайона. Многие кандидаты и здесь были «потомственными». Исход выборов был всем понятен заранее, происходящее можно было назвать словом «о-мацури» («ритуальное мероприятие, праздник»).

Процент участия в выборах постоянно ползет вниз. В больших городах он уже давно меньше 50%. Молодежь практически игнорирует выборы. В малых городах падение участия сдерживает то, что в микрорайоне все друг друга знают в лицо, не ходить на избирательный участок в день выборов неудобно. Выше всего, соответственно, явка к урнам в деревнях...

Интересы и обстоятельства, при которых мне пришлось превратиться в наблюдателя: местному отделению газеты «Иомиури» очень хотелось напи-

сать объективную статью о выборах, но прямо сделать это было затруднительно, так как было чревато ухудшением отношений со многими influentialными лицами. Было решено поставить на передний план иностранца, выяснить, каким видится ему происходящее, а затем хорошо отредактировать получившийся текст, включив и свои соображения...

Именно в такое болото, которое очень хочется назвать «застойным», сбросил Н.Отиаи свою «бомбу». Нельзя не согласиться с его оценкой японской демократии. Интересны параллель между Японией и Россией, мысли о демократии, об ответственности рядового населения за судьбы страны. Справедлива пессимистическая оценка автором правительства, пришедшего к власти после завершения эпохи безраздельного господства ЛДП. Суждения Н.Отиаи не всегда бесспорны, но ценность его книги — в редко встречающейся в Японии жесткой фокусировки слабостей и больных точек. (Так и хочется сказать: «срывание всех и всяческих масок...») Остается добавить, что другие главы читаются с не меньшим интересом.

Перевод Н.Ю.Шевченко

Советско-японские отношения в начальный период Великой отечественной войны (22 июня — 8 декабря 1941 г.).

К.Е.Черевко

23 июня (24 июня по токийскому времени) 1941 г. посол СССР в Японии Сметанин в сопровождении будущего генерального консула в Саппоро, секретаря советского посольства Забродина посетил МИД Японии. Беседа с министром иностранных дел Ё.Мацуока, он спросил, будет ли считать себя Япония по-прежнему связанной пактом о нейтралитете с Советским Союзом в условиях начала войны Германии против СССР.

Мацуока ответил, что упомянутый пакт никоим образом не оказывает воздействия на тройственный пакт, очевидно, имея в виду ст. 5 о сохранении в период его действия существующего статуса в отношении СССР. И Сталин и Молотов, добавил он, знают, что Япония не подписала бы документа, который нарушал тройственный пакт.

После повторной просьбы советского посла недвусмысленно высказаться о намерениях Японии в сложившейся ситуации, Мацуока ответил, что Сталин не задавал ему подобного вопроса, тем самым он, с одной стороны, дал понять собеседнику, что у советского вождя не было сомнений на этот счет, так как в противном случае пакт о нейтралитете не был бы заключен, и Сметанину следовало бы полагаться на мнение Сталина, а с другой стороны, уклонился от прямого ответа.

Японский министр пояснил, что лично он, как и Сталин, не видел противоречия между пактом о нейтралитете с СССР и союзным договором Японии с Германией и Италией и что теперь Токио не может оказаться и на стороне Германии, и на стороне Советского Союза в одно и то же время.

С одной стороны, из слов Мацуока следовало, что только нейтральная позиция Токио является единственно непротиворечивой. С другой — такой ответ позволял министру в выгодном свете представить свою позицию Берлину, пересказав германскому послу в Японии Отту только заключительную часть этой беседы, в конце которой он добавил, опять же в сослагательном наклонении, что Япония приостановила бы действие пакта о нейтралитете, если бы последний вступил в конфликт с ее союзом с Германией и Италией, который являлся основой внешней политики Токио. За такое, пусть, даже косвенное подтверждение законности пакта о нейтралитете Мацуока получил выговор на 43-м заседании комитета японского правительства и ставки 1 августа 1941 г.¹

Таков, на наш взгляд, объективный смысл высказывания японского министра в этой беседе. Другое дело, что он при этом думал и какие акценты расставил при изложении беседы послу Германии в Токио Отту, позволившие последнему направить 3 июля 1941 г. следующую телеграмму: «Мацуока сказал, что причиной такой формулировки японского заявления советскому послу являлась необходимость ввести русских в заблуждение или по крайней мере держать их в состоянии неопределенности ввиду того, что военная подготовка еще не закончилась. В настоящее время Сметанин не знал о поспешной подготовке, которая проводится против СССР и на которую сделаны намеки в решении правительства, переданном нам»².

Для того чтобы попытаться более убедительно доказать нелояльность Токио пакту о нейтралитете с СССР, советские историки, следуя за материалами Токийского трибунала, приводят лишь часть ответов Мацуока: о том, что пакт трех держав лежит в основе внешней политики Японии, а если данная война и пакт о нейтралитете вступят в противоречие с основами японской политики и пактом трех держав, то пакт о нейтралитете «не будет оставаться в силе»³.

Но это условие с точки зрения текста тройственного пакта, в особенности ст.5, строго говоря, являлось юридически нереальным, и поэтому ис-

¹ Кошкин А.А. Крах стратегии «спелой хурмы». М., 1989, Приложение, с.233-234.

² Рагинский М.Ю., Розенблит С.Я. Международный процесс главных японских военных преступников (1946—1948). М., 1950, с.244.

³ Там же, стр.243-244.

толкование советскими историками⁴ условного предпочтения японским министром тройственного пакта как официального свидетельства о наличии заговора Японии с Германией и Италией с целью агрессии против Советского Союза и физическом «аннулировании советско-японского пакта о нейтралитете»⁵ не выдерживает критики. Высказывание Мацуока в той же беседе, что он не видит противоречия между двумя пактами, также опровергает подобное мнение⁶.

Не находит документального подтверждения и точка зрения А.А.Кошкина о том, что с самого начала заседаний координационного комитета и ставки (с 15 июня 1941 г.) Мацуока настаивал на принятии политического решения в пользу немедленного выступления против СССР, т.е. о войне Японии с Советским Союзом еще до нападения Германии.

В действительности, на упомянутом совещании, которое состоялось по токийскому времени 16 июня и которое не было первым, так как заседания координационного комитета и ставки начались раньше, японский министр, ничего не говоря о намерении напасть на СССР со стороны Японии, выступил против предполагавшегося нарушения ею соглашения с правительством Виши (Франция) об оккупации Индокитая из опасения столкновения с западными державами, прежде всего с Великобританией и США. Что касается советско-германской войны, то Мацуока сказал: «Судя по телеграмме Осима, война Германии с СССР начнется на следующей неделе. В таком случае Советский Союз и Великобритания заключат между собой союз, а США станут в этой войне на сторону Великобритании. О такой ситуации необходимо как следует подумать. В особенности о том, что предлагаемая оккупация Индокитая будет серьезным актом вероломства»⁷.

Таким образом, японский министр трезво оценивал опасность нападения Германии на СССР для Японии. Поэтому, рассчитывая на полюбовное разрешение проблем ЮВА с Великобританией и особенно с США и предпочитая опираться на тройственный союз и нейтралитет СССР, Мацуока до самых последних дней перед вторжением Германии на территорию Советского Союза не терял окончательно надежду на то, что этого не произойдет, и Токио удастся избежать прямого столкновения с грозной коалицией морских и континентальных держав.

⁴ Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962, с.305; Мажоров С.Т. Советско-японские отношения в ходе второй мировой войны (1941—1945). — СССР — Япония.

⁵ Lensen G. The Strange Neutrality. Tallahassee, 1972, p.22.

⁶ Кошкин А.А. Крах стратегии «спелой хурмы», с.85.

⁷ Мацуока Ёсукэ — соно хито то сёгай (Ёсукэ Мацуока как личность и его жизнь). Токио, 1974, с. 1014. Осима в тот период был послом в Германии.

В пользу высказанного мнения свидетельствует следующее донесение шанхайской резидентуры НКГБ от 17 июня: «На заседании японского правительства не было принято окончательного решения о войне с Советским Союзом, так как в ближайшее время вмешательство Японии в войну считалось нецелесообразным»⁸.

В.Л.Пешерский, написавший на эту тему статью в журнале «Новое время», в беседе с автором сообщил, что донесение было основано на сведениях начальника контрразведки Чан Кайши и бывшего начальника берлинских и восточно-пруссских штурмовых отрядов Германии, Вальтера Стенанса, который занимал этот пост до убийства Рема в «ночь длинных ножей» 1933 г. и по приказу Гитлера был сослан как оппозиционер на работу в Китай. Там В.Стенанс был завербован советской разведкой и благодаря своим связям в высших эшелонах власти в Токио снабжал ее ценной информацией. В отличие от Р.Зорге он не подозревался НКГБ в том, что является двойным агентом.

В донесении также высказывалось предположение, что Япония, возможно, воспользуется нападением Германии на СССР только в том случае, если последний проявит признаки слабости⁹.

Неясный, запутанный характер международной обстановки, связанной с вопросом о точном времени германского нападения на СССР и обусловленной сложными маневрами дипломатии Германии, Великобритании и СССР, серьезно затруднял правильную ее оценку не только со стороны правительства Японии, но и Советского Союза.

«Сегодня нам известно, что тайные консультации Гитлера, Риббентропа и Молотова о возможном соглашении стратегического характера между Германией и Советским Союзом создали у Сталина и Молотова иллюзорное представление, будто с Гитлером можно договориться, — писал генерал-лейтенант П.А.Судоплатов, руководитель внешней разведки НКВД в 30–50-е годы. — До самого последнего момента они верили, что их авторитет и военная мощь, не раз демонстрировавшаяся немецким экспертам, отсрочат войну по крайней мере на год, пока Гитлер попытается мирно уладить споры с Великобританией». Для такой точки зрения имелись определенные основания, ибо окончательное решение о точной дате вторжения в СССР Гитлер принял только 14 июня 1941 г.¹⁰.

Позиция Мацуока в отношении СССР резко изменилась начиная с 24 июня 1941 г. (25 июня по токийскому времени) на 32-м заседании координационного комитета японского правительства и ставки. В своем выступлении он заявил: «Когда Германия победит и завладеет Советским Со-

⁸ Новое время. 1995, № 13, с.31.

⁹ Там же, с.36.

¹⁰ Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. М., 1996, с.139.

юзом, мы не сможем воспользоваться плодами победы, ничего не сделав для нее. Мы должны либо пролить кровь, либо прибегнуть к дипломатии. Лучше пролить кровь. Вопрос в том, чего пожелает Япония, когда с Советским Союзом будет покончено. Неужели мы не вступим в войну, когда войска противника в Сибири будут переброшены на Запад?»¹¹.

На следующем заседании Мацуока развил свою мысль: «Если мы быстро нападём на Советы, Соединенные Штаты не выступят. США не смогут помочь Советской России по одной той причине, что они ненавидят Советский Союз. В общем, Соединенные Штаты не вступят в войну. Надо нанести удар сначала на Севере, а затем уже идти на Юг. Если мы пойдем вначале на Юг, нам придется воевать с Британией и Соединенными Штатами.

...Мною движет не безрассудство. Если мы выступим против СССР, я уверен, что смогу удерживать США в течение трех-четырёх месяцев дипломатическими средствами. Если мы будем ждать и наблюдать за развитием событий, как это предлагается в проекте Верховного командования, мы будем окружены Британией, Соединенными Штатами и Россией. Мы должны двинуться на Север и дойти до Иркутска. Я думаю, что, если мы пройдем даже половину этого пути, наши действия смогут повлиять на Чан Кайши, подтолкнув его к заключению мира с Японией»¹².

Таким образом, новая позиция японского министра, как показали результаты второй мировой войны, с прагматической точки зрения была вполне логичной, хотя и вероломной по отношению к СССР. В то же время эта позиция противоречила утверждению Мацуока, сделанному на том же заседании, что он является сторонником нравственных начал дипломатии¹³.

Однако большинство участников этих заседаний выступило против предложений Мацуока о нападении на СССР, опасаясь, что в данном случае на стороне последнего сразу выступят США и Великобритания. Особенно активно против плана Мацуока возражали руководители военно-морского флота.

Так, на заседании 25 июня военно-морской министр Оикава заявил: «Флот... выражает опасения по поводу войны одновременно с Соединенными Штатами, Британией и Советским Союзом. Представьте, если Советы и американцы будут действовать вместе и Соединенные Штаты развернут военно-морские и авиационные базы, радиолокационные станции и т.д. на советской территории. Представьте, если базирующиеся во Владивостоке подводные лодки будут переведены в Соединенные Штаты. Это серьезно

¹¹ Кошкин А.А. Крах стратегии «спелой хурмы», — Приложение, с. 219.

¹² Там же, с. 220-221.

¹³ Там же, с. 221.

затруднит проведение морских операций. Чтобы избежать подобной ситуации, не следует планировать удар по советской России, но нужно готовиться к движению на юг. Флот не хотел бы провоцировать Советский Союз»¹⁴.

Против немедленного вступления в войну с СССР высказался начальник генерального штаба армии Г.Сугияма, хотя и поставил вопрос об этом в зависимости от будущего развития ситуации в Китае и успехов Германии в ликвидации Советского государства. Он заявил: «В настоящее время наши крупные силы находятся в Китае... Верховное командование должно обеспечить готовность. А мы не можем сейчас решить, будем наносить удар (на Север) или нет. Для приведения в готовность Квантунской армии нам потребуется от 40 до 50 дней. Необходимо дополнительное время и для организации всех наших наличных сил, и для подготовки их к наступательным операциям. К этому времени ситуация на советско-германском фронте прояснится. Сражаться мы будем, если условия будут благоприятными». И далее в ответ на реплику Мацуока: «Я хотел бы, чтобы было принято решение напасть на СССР», он решительно заявил: «Нет!» Его поддержал и начальник военно-морского Главного штаба О.Нагано¹⁵.

Информация об отношении японского правительства к войне с Советским Союзом 26 июня поступила в Москву из токийской резиденции НКГБ. Советская разведка сообщала мнение Токио в следующих словах: «Япония сейчас не имеет... намерений объявить войну и встать на сторону Германии, хотя неизвестно, как в дальнейшем изменится эта политика... Япония не готова воевать с СССР. Не следует спешить с войной, так как если это нужно будет сделать, так, чем позднее это будет, тем меньше жертв понесет Япония»¹⁶.

При всей важности этой информации ее значение нельзя переоценивать, так как она была передана до принятия упомянутым комитетом «Программы национальной политики Японии в соответствии с изменением обстановки». Кроме того, вряд ли следует противопоставлять информацию НКГБ донесениям сотрудника военной разведки СССР Р.Зорге на том основании, что к началу советско-германской войны он, не без помощи чекистов, подозревался советским правительством в дезинформации¹⁷. Быть может, это было связано с тем, что Зорге сообщал разные сроки нападения Германии на СССР.

Правда, после того, как подтвердилось донесение Зорге о менявшихся Гитлером сроках начала войны, подозрения в отношении него, по-видимо-

¹⁴ Japan's Decision for War. Stanford, 1967, p.59.

¹⁵ Ibidem, p.67.

¹⁶ Новое время. 1995, № 13, с.36.

¹⁷ Там же.

му, рассеялись¹⁸. (Однако в отличие от донесений Зорге упомянутые выше сведения, полученные от В.Стенанса в Китае и агентов резидентуры НКГБ в Токио, до сих пор еще не опубликованы.)

Заключительные прения по проекту программы были проведены 2 июля, в день его принятия. Г.Сугияма, в частности, заявил: «Из 30 дивизий Советского Союза четыре уже отправлены на Запад. Однако Советский Союз все еще обладает (на Дальнем Востоке) явно подавляющей силой, готовой к стратегическому развертыванию... Я хочу усилить Квантунскую армию настолько, чтобы она могла... быть в готовности к наступлению... Я считаю, что результаты войны между Германией и Советским Союзом проявятся через пятьдесят-шестьдесят дней. За это время мы должны определиться в вопросах разрешения китайского инцидента и переговоров с Великобританией и США. Вот почему в наши предложения внесена фраза «пока мы не будем вмешиваться в конфликт». При этом в стенограмме заседания содержится запись, что после высказывания Сугиямы «император выглядел весьма удовлетворенным»¹⁹.

Пожалуй, еще более резко, чем Мацуока, в пользу нападения на СССР выступил на заседании 2 июля председатель тайного совета Японии Ё.Хара, правда, он в отличие от первого считал, что оно должно было быть осуществлено немедленно.

Хара заявил: «Я полагаю, все из вас согласятся, что война между Германией и Советским Союзом действительно является историческим шансом Японии. Поскольку Советский Союз поощряет распространение коммунизма во всем мире, мы вынуждены будем рано или поздно напасть на него. Но, так как мы все еще заняты китайским инцидентом, мы не сможем принять решение о нападении на Советский Союз так легко, как этого хотелось бы... Империя хотела бы избежать войны с Великобританией и Соединенными Штатами. Пока мы будем заняты войной с Советским Союзом..., кое-кто сможет сказать, что в связи с пактом о нейтралитете для Японии было бы недостойно нападать на СССР. Но СССР сам снискал себе дурную славу своей привычкой к вероломству. И если мы нападём на него, никто не расценит это как вероломство»²⁰.

Эта аргументация, при которой намерение нарушить пакт о нейтралитете с СССР оправдывалось ссылками на нарушение последним своих международных обязательств, напоминало доводы Риббентропа при обвинении его на Нюрнбергском процессе в совершении агрессии против Польши. Тогда он сослался на такие же действия СССР, который нарушил пакт о ненападении с Польшей и захватил часть ее территории совместно

¹⁸ Советская внешняя политика. 1917—1945. М., 1992, с.284.

¹⁹ Кошкин А.А. Крах стратегии «спелой хурмы», Приложения, с.232-233.

²⁰ Japan's Decision for War, p.86-87.

с Германией в соответствии с договоренностью по секретному протоколу к советско-германскому пакту о ненападении от 23 августа 1939 г. При этом советское руководство исходило из того, что распад Польши, хотя она сохраняла свое правительство в изгнании, освобождает СССР от обязательств соблюдать пакт о ненападении.

«Нарушение национальных законов и международного права со стороны как Германии, так и Советского Союза в один из самых напряженных периодов в новейшей истории было не случайным, — отмечается в сборнике статей Института российской истории РАН. — Что касается гитлеровской Германии, то такой подход обусловлен самой сущностью фашизма. В Советском Союзе его платформой являлось полное игнорирование правовых норм, что нашло особенно яркое выражение в области международных отношений. Немало сил на обоснование этой преступной антинаучной концепции потратил Вышинский, вообще не признававший примата международной законности»²¹. Той же стратегии на заседании правительства с участием ставки и в присутствии императора придерживался и военный министр, позднее премьер-министр Х.Тодзио, который предложил, чтобы Япония напала на СССР, если создается такая ситуация, когда он «уподобится спелой хурме, готовой упасть на землю»²².

В создавшейся международной обстановке эта стратегия в отношении СССР выглядела с точки зрения большинства членов японского правительства наиболее приемлемой.

Существенные акценты в ее формулировании расставил премьер-министр принц Ф.Коноэ. Так, еще 10 июня на заседании координационного комитета на вопрос принца Я.Асака о том, не слишком ли осторожна Япония по сравнению с Германией в решении политических вопросов, он ответил: «Да, это так, но это вопросы огромной важности для судьбы нашей нации. В отличие от гипотетических ситуаций к ним нельзя относиться с легкостью»²³. В данном случае принц Коноэ имел в виду одновременное ведение военных действий против СССР и на Юге.

2 июля на императорском совещании при обсуждении «Программы национальной политики Японии в соответствии с изменением обстановки» Коноэ заявил: «Для создания сферы совместного процветания Великой Восточной Азии необходимо ускорить разрешение китайского инцидента... С одной стороны, мы должны продвинуться на Юг, а с другой — избавиться от наших трудностей на Севере. Для этого мы должны в соответствующий

²¹ Советская внешняя политика. 1917—1945, с.215.

²² Кошкин А.А. Крах стратегии «спелой хурмы», с.96. Ссылка на: ГАРФ СССР, ф.7867, оп.1, д.482, л.968. Приводимый на обложке книги текст указанной фразы отличается от цитаты на с.96: «Нападение должно произойти тогда, когда Советский Союз, подобно спелой хурме, готов будет пасть на землю».

²³ Кошкин А.А. Крах стратегии «спелой хурмы», с.223.

момент разрешить северную проблему, воспользовавшись преимуществами ситуации в мире, особенно в связи с развитием германо-советской войны. Эта проблема является самой важной не только с точки зрения обороны нашей империи, но также и для обеспечения стабильности во всей Азии»²⁴.

Иного мнения о степени сравнительной важности «проблемы Севера» (СССР) и «проблемы Юга» (захвата стран ЮВА и южных морей с перспективой войны против Великобритании, США и Голландской Индии) высказывало руководство генерального штаба японской армии, роль которого в этот период резко возросла. Так, в ответ на вопрос Мацуока, смысл которого сводился к тому, «что важнее Юг или Север», начальник генерального штаба армии Сугияма 26 июня на заседании упомянутого комитета сказал: «Здесь нет различий по важности. Мы намерены наблюдать, как будет развиваться ситуация»²⁵. А на императорском совещании 2 июля он, как и руководство военно-морского флота Японии, отдал предпочтение тому, чтобы начать с реализации южного варианта японской экспансии, определив его более важную роль, чем северного варианта, в военном отношении. Сугияма заявил: «Двигаясь в южном направлении, мы сможем нарушить связи чунцинского режима с Британией и США, которые, оказывая поддержку с тыла, поощряют этот режим. Продвижение наших войск в южную часть французского Индокитая преследует именно эти цели.

По поводу решения северной проблемы. Нет необходимости говорить, что мы должны действовать в соответствии с духом тройственного пакта. При этом наиболее подходящим для нас будет в течение некоторого времени не участвовать в этой войне, так как мы в настоящее время предпринимаем меры для урегулирования китайского инцидента, а наши отношения с Великобританией и США находятся в деликатном состоянии». Далее Сугияма добавил, что «для обеспечения безопасности северных границ» Япония использует вооруженные силы только в случае, «если события германо-советской войны будут благоприятны» для Токио²⁶.

Начальник генерального штаба флота Нагано на этом заседании призвал к «незамедлительным шагам по неуклонному продвижению в южном направлении», вообще не затронув вопрос о вступлении в войну с СССР как незаслуживающий серьезного внимания²⁷.

В конечном счете в отношении войны с Советским Союзом на совещании было принято решение, повторяющее заявление Сугияма. Оно гласило: «Наше отношение к германо-советской войне будет определяться в соответствии с духом тройственного пакта... Пока мы не будем вмешиваться

²⁴ Там же, с. 226.

²⁵ Там же, с. 219.

²⁶ Там же, с. 228.

²⁷ Там же, с. 225.

в этот конфликт. Мы будем скрытно усиливать нашу военную подготовку против Советского Союза, придерживаясь независимой позиции. В это время мы будем вести дипломатические переговоры с большими предосторожностями». Далее в резолюции повторялась точка зрения начальника генштаба армии об обеспечении безопасности северных границ с помощью вооруженной силы лишь в случае благоприятного для Токио развития событий на германо-советском фронте, т.е. разгрома СССР и ликвидации его как самостоятельного государства²⁸.

Несмотря на это, в советской историографии именно СССР, а не США и Великобритания, рассматривался как основной противник Японии во второй мировой войне. И даже тот факт, что Япония так и не начала войну против СССР, развязав против стран Запада войну на Тихом океане, не изменил подход советских историков к данному вопросу. Это «объяснялось» тем, что классовые противоречия оказались более сильными, чем межимпериалистические²⁹.

Солидаризируясь с этим принципиальным выводом, А.А.Кошкин дополняет его следующим образом: «Вооруженное выступление на юге тесно увязывалось с планами последующей агрессии против СССР... Выбор «южного варианта» войны был продиктован в первую очередь стремлением японского военно-политического руководства обеспечить экономическую базу для продолжения второй мировой войны, основной целью которой оставался разгром Советского Союза»³⁰, причем он, вероятно, забыл, что до этого в той же книге писал, что «императорским решением вооруженное нападение на СССР было утверждено в качестве одной (курсив наш. — К.Ч.) из основных военных и политических целей империи»³¹, хотя и такой вывод нельзя принять без существенных оговорок.

В прилагаемых к своей монографии «Справочных материалах, подготовленных кабинетом министров, военным министерством и министерством военно-морского флота» для императорского совещания 6 сентября 1941 г. говорится: «Политика Японии и США несовместимы. Исторически неизбежный конфликт между двумя государствами... приведет к войне...

Пока мы будем заняты на Юге, необходимо предпринять на Севере все от нас зависящее, чтобы предотвратить войну на два фронта... Сталинский режим, вероятно, сразу же не развалится... В дальневосточных районах Советского Союза... признаков беспорядков нет»³².

²⁸ Там же.

²⁹ Японский милитаризм. М., 1972, с.194.

³⁰ Кошкин А.А. Крах стратегии «спелой хурмы», с.135, 138.

³¹ Там же, с.97.

³² Там же, Приложение, с. 238-239, 241-242.

Хотя в этих материалах имеются также положения, которые отличаются от данных оценок, приведенная цитата позволяет, на наш взгляд, утверждать, что с точки зрения своей экономической мощи англо-саксонский блок государств представлялся Токио более опасным, чем Советский Союз, и в практическом плане противоречия с первым оказались более сильными, чем с СССР, а необходимость овладения военной силой топливно-энергетическими и другими стратегическими ресурсами в районе южных морей в борьбе с этим блоком по сравнению с потребностью захвата ресурсов восточных районов СССР представлялась в действительности более насущной.

Возможна ли была в годы второй мировой войны агрессия Японии против СССР? Исходя из изложенного выше, советская историография традиционно отвечает на этот вопрос положительно без каких-либо существенных оговорок.

Исключение составляет упомянутый сборник статей Института российской истории, в котором делаются следующие оговорки: «Во-первых, агрессия вполне могла быть развязана, если бы Москва произвела значительные сокращения своих войск на Дальнем Востоке. И, во-вторых, такое нападение при самых благоприятных для японцев условиях могло произойти лишь в очень ограниченный отрезок времени — с 15 августа по 10 сентября 1941 года» — на том основании, что «раньше середины августа не мог быть достигнут численный перевес Квантунской армии, а более позднее начало войны считалось невозможным из-за погодных условий»³³.

На наш взгляд, автором приведенной цитаты, В.П.Сафроновым сделан серьезный шаг вперед в поисках новых научных подходов к изучению данной проблемы. Однако категория возможности при этом фактически отождествляется с категориями цели, реальности намерения³⁴, угрозы или даже реальности угрозы³⁵.

При выборе японским высшим руководством 2 июля 1941 г. южного варианта агрессии возможность, по крайней мере в течение 1941 г. — зимы 1942 г., начать и успешно вести войну против СССР с точки зрения наличия необходимых ресурсов, прежде всего нефти, практически отсутствовала.

Так, еще в ходе выработки «Программы национальной политики Японии в соответствии с изменением обстановки», 30 июня министр торговли и промышленности Кобаяси на 36-м заседании координационного комитета японского правительства и императорской ставки категорически заявил: «Я не считаю, что мы располагаем достаточными возможностями для обеспе-

³³ Советская внешняя политика. 1917—1945, с.283-284.

³⁴ Там же, с.284.

³⁵ Там же, с.283.

чения войны на суше и на море. Армия и флот в состоянии использовать вооруженную силу, но мы не имеем сырья и военных материалов для обеспечения войны на суше и море... Я считаю, что мы должны предусмотреть такие действия, которые вселяли бы уверенность в отсутствии опасности поражения от Великобритании, США и Советской России... У империи нет сырья и материалов. Сейчас мы должны думать, как обрести уверенность в том, что мы не потерпим поражения, а также, как разрешить китайский инцидент»³⁶. Позднее его поддержал начальник Генерального штаба флота О.Нагано³⁷.

При отсутствии необходимых возможностей намерение успешно вести войну с СССР при выборе Токио южного варианта агрессии являлось просто блефом, и говорить о «реальности угрозы» войны Японии против Советского Союза в этом случае было бы совершенно нелогично.

Версии о «реальности угрозы» Советскому Союзу со стороны Японии противоречит и утверждение, что к этому времени «угроза безопасности СССР на Дальнем Востоке со времени Халхин-Гола едва ли возросла», так как «численность Квантунской армии с 1939 г. по середину 1941 г. изменилась незначительно — с 270 тыс. до 300—350 тыс. человек». В этот период ей противостояла «внушительная, 700-тысячная группировка Красной Армии». Правда, последняя к концу июля того же года сравнялась по численности с Квантунской армией за счет призыва Японией резервистов³⁸. Однако это не означало, что опасности возникновения войны между Японией и СССР в рассматриваемый период не существовало. К тому же «опасность» и «реальность угрозы» — отнюдь не одно и то же.

Подчиняясь решению, принятому на заседании координационного комитета 2 июля, Мацуока в тот же день пригласил советского посла Сметанина в МИД Японии и сообщил ему, что в настоящее время его правительство не усматривает причин для изменения своих отношений с СССР, хотя стремление Токио к их улучшению поставило Японию в сложное положение в отношениях с Германией и Италией — ее союзников по тройственному пакту, находящихся с СССР в состоянии войны. Он добавил, что в дальнейшем вопрос о соблюдении Токио пакта о нейтралитете с Советским Союзом зависит от развития международной обстановки³⁹. 13 июля Сметанин вновь обратился к Мацуока с запросом о его отношении к сведениям, поступившим к нему от послов США и Великобритании в Токио, о том, что, по мнению японской стороны, пакт о нейтралитете

³⁶ Кошкин А.А. Крах стратегии «спелой хурмы», Приложение, с.224.

³⁷ Там же, с.237.

³⁸ Советская внешняя политика. 1917—1945, с.282.

³⁹ Lensen G. The Strange Neutrality, p.28.

⁴⁰ Хаттори Т. Япония в войне. 1941—1945. М., 1973, с.4-5.

фактически утратил силу и более не связывает Японию, поскольку у нее имеются обязательства перед Германией и Италией, ведущих войну с СССР.

Японский министр ответил, что пакт о нейтралитете Япония заключала не применительно к войне Германии с СССР, т.е. имея в виду, что между последними тогда были подписаны пакт о ненападении и Договор о дружбе и границе 1939 г. Возникновение принципиально новой ситуации в отношениях между союзниками Японии по тройственному пакту и Советским Союзом, по мнению Мацуока, оставляло за Токио право считать себя свободным в решении вопроса, соблюдать ли по-прежнему пакт о нейтралитете с СССР или сохранять союзные отношения с Германией и Италией.

Мацуока, повторив, что пакт о нейтралитете не подразумевал возможности германо-советской войны, попытался усилить свою аргументацию доводом о том, что заключать какой бы то ни было договор с СССР, который бы противоречил тройственному пакту, было с его стороны нечестно.

Когда советский посол заявил, что данное высказывание Мацуока противоречит его же утверждению о том, что эти два пакта не влияют один на другой, сделанному во время их встречи 23 июня, Мацуока ответил, что такого противоречия в действительности нет, ибо главное — дела, а не слова. Германия не просила и не попросила бы Японию принять участие в войне против СССР, так же как и Советский Союз не позволил бы США разместить свои военные базы на Камчатке и английских офицеров в Сибири (о возможности такого размещения писали японские газеты)⁴¹.

Через три дня Мацуока вынужден был уйти со своего поста в связи с отставкой второго кабинета Коноэ. В состав третьего кабинета он не был включен. Таким образом Коноэ и его сторонники отделались от слишком независимого политика-экстермиста, нередко превышавшего свои полномочия. Непосредственным поводом для того, чтобы вывести Мацуока из правительства, явилась его резкая реакция на ноту США без согласования с премьер-министром. Действия Мацуока способствовали дальнейшему обострению японо-американских противоречий, связанных с готовившейся Токио оккупацией Южного Индокитая (соглашение о размещении там японских войск было подписано с французским правительством Виши 23 июля 1941 г.), с войной Японии против Китая и ее планами захвата Таиланда и других районов южных морей.

Обострению японо-американских отношений, быть может, способствовала и деятельность советской внешней разведки, которая пыталась ис-

⁴¹ *Lensen G. The Strange Neutrality, p. 28-29.*

пользовать «американский рычаг» для ослабления опасности развязывания войны Японией против Советского Союза.

Еще в мае 1941 г. в Москве была подготовлена строго секретная операция «Снег», разработанная под руководством разведчика-нелегала в США И.А.Ахмерова и одобренная главой НКВД Берия.

Операцию проводил советский разведчик В.Г.Павлов, ныне генерал-лейтенант в отставке. Он передал антифашистки настроенному заместителю министра финансов Г.Д.Уайту содержание требований, которые, по мнению советской стороны, целесообразно было выдвинуть США в отношении Японии для того, чтобы умерить ее аппетиты в Азии. Япония должна была прекратить свою агрессию в Китае и прилегающих к нему районах, отозвать свои вооруженные силы с материка и освободить Маньчжурию, что позволило бы урегулировать американо-японские разногласия и установить надежный мир в Восточной Азии.

Эти требования были переданы через министра финансов США Моргантау президенту Рузвельту, использованы в памятных записках госсекретаря Хелла правительству Японии и, по мнению некоторых исследователей, способствовали ужесточению позиции США в отношении Токио, форсированию сроков начала войны между США и Японией и тем самым ликвидации опасности нападения Японии на СССР⁴².

США летом 1941 г., осознавая опасность для них замыслов Токио, начали постепенно отходить от политики умиротворения японского милитаризма. Президент Рузвельт 4 июля 1941 г., сразу же после заседания японского координационного комитета и ставки 2 июля, направил премьеру Коноэ беспрецедентное послание, выразив надежду, что нападение на СССР не произойдет⁴³. 17 августа Рузвельт предупредил японского посла в США К.Номура о серьезных последствиях для Японии осуществления ее военной угрозы странам Тихого океана.

Уже 25 июля 1941 г. Вашингтон установил эмбарго на экспорт нефти в Японию и заморозил японские активы в Соединенных Штатах. Этому примеру последовали Великобритания и Нидерланды. С 1 августа начал действовать полный запрет на экспорт из США важнейших стратегических материалов. Торговые связи с Токио прервались, и 8 августа пресс-секретарь японского правительства Исии заявил: «США, Великобритания, Китай и Голландия создают вокруг Японии военную, экологическую и политическую блокаду»⁴⁴, а 16 августа посол Японии в Вашингтоне Номура направил в Токио информацию о японо-американских переговорах, в кото-

⁴² Михайлов А. Операция, которую приказали забыть. Нападение на Перл-Харбор было спланировано на Лубянке. — Совершенно секретно. 1994. № 7. с. 9-10.

⁴³ Foreign Relations of the US. Diplomatic Papers. 1941. Wash., vol. 4, 1958, p. 994.

⁴⁴ Japan's Decision for War, p. 118.

рой содержался вывод о том, что Японии не удастся достичь соглашения с Соединенными Штатами⁴⁵.

Американский историк Дж. Ленсен писал в связи с этим, что если бы установленное эмбарго США на экономические связи с Японией не вынудило ее обратить все свои усилия на конфликт с США, то она не стала бы соблюдать пакт о нейтралитете с СССР и напала бы на него в наиболее благоприятный для нее момент, лишив его способности к сопротивлению в войне с Германией в период их смертельной схватки летом 1941 г.⁴⁶.

Еще более категорично высказался на этот счет немецкий историк М.Либал: «Не будет большим преувеличением сказать, что именно США, обрушив на себя своими санкциями страх, гнев и агрессию японцев, невольно спасли Советский Союз от войны на два фронта, которая, возможно, обернулась бы для него катастрофой»⁴⁷. К сожалению, в советской историографии этой проблеме не уделялось внимания.

25 июля 1941 г. советский посол в Японии Сметанин в ходе беседы с новым министром иностранных дел Т.Тоёда спросил, считает ли он, что пакт о нейтралитете сохраняет силу. Последний, заверив его, что изучит этот вопрос, отметил сложность положения, в которое поставила Японию война Германии и СССР и которое может еще более осложниться, если Советский Союз предоставит военные базы на Дальнем Востоке третьему государству.

Сметанин возразил собеседнику, сказав, что вопрос о базах на советской территории не должен беспокоить Японию, так как даже в случае ее войны с третьим государством Советский Союз готов соблюдать все статьи советско-японского пакта о нейтралитете. В этой связи руководство СССР интересуется тем, собирается ли Япония поступать также в аналогичной ситуации⁴⁸.

В июле 1941 г. возможность нападения Японии на Советский Союз была наиболее вероятной. По директиве верховного командования от 5 июля Квантунская армия увеличивалась на две дивизии. 7 июля император Хирохито дал санкцию на мобилизацию в секретном порядке полумиллиона подданных и использование судов для транспортировки в Маньчжоу-го военных грузов. Руководство Квантунской армии получило от ставки директиву № 506 от 11 июля о том, что целью проведения «специальных маневров Квантунской армии» («Кантогун токубэцу энсю», сокр. «Кантокуэн») является повышение готовности к военным действиям против СССР

⁴⁵ Japan's Decision for War, p.123.

⁴⁶ Lensen G. The Strange Neutrality, p.187.

⁴⁷ Lebal M. Japans Weg in den Krieg. Dusseldorf, 1971, S.250.

⁴⁸ Lensen G. The Strange Neutrality, p.30.

в соответствии с оперативным планом штаба армии, разработанным в 1940 г. По этому плану, война была рассчитана на полгода — срок, который в связи с нехваткой необходимых ресурсов, прежде всего нефти, и по ряду других причин был нереальным.

По этому плану переброску и концентрацию войск намечалось начать с 20 июля, а принять решение о войне — 10 августа. 29 августа предполагалось нанести удар по советским войскам в Приморье, а затем — захватить Владивосток, Хабаровск, Петропавловск-на-Камчатке, выйдя к оз. Байкал к середине октября.

О несбыточности выполнения этого плана в полном объеме свидетельствовало, в частности, сообщение штаба Квантунской армии верховному командованию в Токио о недостаточной численности войск, предназначенных для операций в Приамурье и Приморье. Дело в том, что первоначально в Маньчжурии планировалось сосредоточить 34 японские дивизии, используя для этого 14 дивизий, находившихся в Китае. Однако сопротивление китайского народа не позволило сделать этого, и в июле 1941 г. было решено ограничиться 20 дивизиями. Только 31 июля Токио принял решение укрепить Квантунскую армию еще четырьмя дивизиями⁴⁹.

В результате второго, «внеочередного призыва» общая численность Квантунской и Корейской армий к 16 июля возросла до 850 тыс. человек. Ей противостояла группировка Красной Армии численностью, по оценке японской разведки, в 700 тыс. человек. Для начала успешных военных действий Японии необходимо было, чтобы на Запад для отражения германской агрессии была переброшена к середине августа половина этой группировки. Однако, получив соответствующие сведения от имевшего свои источники информации в Токио В.Стенанса и по другим каналам, НКВД СССР предупредило о расчетах Японии советское руководство. Важная информация по данному вопросу поступала и от группы советских военных советников при Чан Кайши во главе с генералом В.И.Чуйковым, а также от военного разведчика Р.Зорге, который получал ее от Х.Одзаки — советника премьера Коноэ, посла Германии в Японии Э.Отто и из других источников⁵⁰.

Поэтому ожидаемой японцами массовой передислокации советских войск с Дальнего Востока в июле 1941 г. не произошло. Воздержаться от этого шага позволило также упорное сопротивление войскам фашистской Германии и самоотверженный труд советских людей для фронта в тылу. Это привело к провалу плана молниеносной войны Германии против Советского Союза, заставившего японское руководство задуматься над опас-

⁴⁹ Кошкин А.А. Крах стратегии «спелой хурмы», с.101-108.

⁵⁰ Советская внешняя политика. 1917—1945, с.284.

ностью войны с СССР в условиях надвигающегося вооруженного столкновения на Тихом океане со странами Запада.

Сосредоточение японских войск в Маньчжурии и Корее, по сообщению советской резидентуры из Токио 26 сентября 1941 г., должно было «произвести впечатление на США» и послужить «дымовой завесой» для прикрытия подготовки войны на Тихом океане.

По сообщению советской резидентуры из Харбина 24 декабря 1941 г., «особые маневры Квантунской армии» ставили перед собой, кроме того, задачу заставить СССР отказаться под угрозой вторжения со стороны Японии от втягивания в войну против последней на стороне США и Англии после нападения японской эскадры на Перл-Харбор и предоставления им временных военных баз на своей территории, направленных против Японии. В связи с этим в сообщении подчеркивалось: «В авторитетных японских кругах говорят, что вопрос о войне с Японией полностью зависит от позиции СССР. Вместе с тем японцы с большей нервнойностью следят за действиями СССР, особенно в связи с приездом в Москву Идена... Ясно одно, что Япония не хочет начать войну зимой (1941/1942 гг. — К.Ч.)»⁵¹.

Обеспокоенность развитием событий на советско-германском фронте проявилась при обсуждении документа «Основные принципы дипломатических переговоров с Советским Союзом» на 43-м и 44-м заседаниях координационного комитета правительства и ставки 1 и 4 августа. 1 августа некоторые участники совещания, учитывая замедление наступления немецких войск против СССР, высказали мнение, что война Германии с Советским Союзом будет носить длительный характер, и это отрицательно скажется на реализации стратегии «спелой хурмы». 4 августа было принято решение «заявить Советскому Союзу, что, если он будет строго соблюдать пакт о нейтралитете и не будет создавать угрозу Империи на Дальнем Востоке»⁵², мы будем придерживаться пакта о нейтралитете». По данному решению, изменение этого основного принципа допускалось лишь в случае, если вразрез с духом этого документа СССР предоставит Приморье или Камчатку третьей державе или займет недружественную позицию в отношении Японии в целом»⁵³.

На следующий день, после 44-го координационного совещания, Тоёда заявил в беседе со Сметаниным, что Япония, как он считает, будет строго соблюдать пакт о нейтралитете с СССР, и надеется, что последний в соответствии с духом и буквой этого договора будет поступать так же. Он

⁵¹ Новая и новейшая история. 1996, № 1, с.97-98.

⁵² МИД Японии, как заявил на том же заседании заместитель министра иностранных дел И.Ямамото, считает, что такой угрозы Восточной Азии не существует. — Кошкин А.А. Крах стратегии «спелой хурмы», Приложение, с.234.

⁵³ Там же, с.234-235.

пояснил, что продажа или аренда части советской территории, или предоставление на советском Дальнем Востоке военных баз другим государствам, расширение действий военных союзов с СССР на этот регион, или заключение СССР союзов или пактов, направленных против Японии, подорвали бы пакт о нейтралитете. Японский министр настаивал также на том, чтобы Советский Союз дал твердые гарантии, что он не поступит таким образом, и обещал Токио не оказывать прямой или косвенной помощи Чан Кайши. Кроме того, Тоёда высказал пожелание немедленно разрешить проблемы, связанные с японскими концессиями на Северном Сахалине и объявлением Советского Союза об установлении морских зон, закрытых для японского судоходства.

Советский посол выразил удовлетворение изменением позиции МИД Японии в отношении соблюдения пакта о нейтралитете с СССР, которое означало серьезный поворот в политике Японии в отношении Москвы в период смертельной схватки с немецко-фашистскими захватчиками. Сметанин отметил, что в противоположность последним заявлениям своего предшественника на посту министра иностранных дел Тоёда недвусмысленно подтвердил стремление Токио придерживаться пакта о нейтралитете.

Советский посол добавил, что его правительство также считает, что этот договор сохраняет полную силу и стремится к разрешению проблем двусторонних отношений.

Касаясь вопроса о советской помощи Чан Кайши, Сметанин сказал, что об отношениях своего правительства с китайской стороной его не ставят в известность, но заверил, что по этому и другим вопросам, поднятым собеседником, он сделает соответствующий запрос.

13 августа советский посол вручил Тоёда ответ правительства СССР, в котором выражалось глубокое удовлетворение новой позицией министра иностранных дел Японии и вновь подтверждалось намерение соблюдать пакт о нейтралитете. Москва настаивала на том, чтобы вопрос о японских концессиях на Северном Сахалине был разрешен в соответствии с письмом Мацуока от 13 апреля 1941 г. и его личным посланием Молотову от 31 мая того же года, т.е. чтобы они были ликвидированы в течение шести месяцев начиная с последней даты.

Москва выступила против рассмотрения вопроса о военной помощи СССР Чан Кайши на том основании, что советско-японский пакт о нейтралитете не регулирует отношения с третьими странами в мирное время и поэтому Япония не может вмешиваться в отношения СССР с Китаем, как и СССР в ее отношения с Китаем, Германией и Италией. Правда, при этом было отмечено, что данный вопрос является не актуальным, так как в условиях войны с Германией военная техника и материалы не-

обходимы СССР самому для отражения германской агрессии. (С середины 1941 г. снабжение Чан Кайши взяли на себя, к неудовольствию японцев, США.)

Советское правительство, касаясь содержания своих договоров с союзниками и размещения их военных баз на территории СССР, заверило, что соглашение с Великобританией в отношении Германии не распространяется на Японию и что оно не предоставляло и не намерено предоставлять территории для иностранных военных баз на советском Дальнем Востоке третьим государствам.

В свою очередь Москва поинтересовалась, как Токио может объяснить широкомасштабную переброску японских войск в Маньчжоу-го. Такие действия были несовместимы с заявлением японской стороны о соблюдении пакта о нейтралитете с СССР и объективно служили прикрытием подготовки Японии к нападению на США.

Собеседник пытался оправдать сосредоточение японских войск в Маньчжоу-го ответственностью Токио за ее оборону в условиях, когда СССР находится в состоянии войны с союзником Японии по тройственному пакту, являющемуся фундаментом ее внешней политики, и предупредил, что увеличение числа судов, следующих со стратегическими грузами из США во Владивосток, ставит Токио в сложное положение перед его союзниками.

14 августа была провозглашена Атлантическая хартия США и Великобритании, не только направленная на «уничтожение нацистской тирании», но и содержащая требования к «государствам, которые угрожают или могут угрожать агрессией за пределами своих границ», «отказаться от применения силы»⁵⁴.

И хотя этот документ был подготовлен президентом США Рузвельтом «на случай разгрома России, чтобы дать Америке возможность вмешаться не в качестве воюющей стороны, а в качестве посредника»⁵⁵, что вызвало сильное раздражение Политбюро ЦК КПСС⁵⁶, его антияпонская направленность являлась довольно прозрачной и послужила серьезным предупреждением против нападения Японии на СССР. Это, наряду с антигерманской направленностью Атлантической хартии, стало причиной присоединения СССР к данному соглашению 24 сентября 1941 г., правда, с оговоркой, что применение этих принципов на практике должно учитывать особенности исторического развития каждой страны. Оговорка касалась прежде всего положений хартии об отказе от территориальных приобретений,

⁵⁴ Известия. 15.08.1941.

⁵⁵ Фуллер Дж. Вторая мировая война. М., 1956, с.168.

⁵⁶ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941—1945. М., 1985, т.1, с.104.

на которые рассчитывало советское руководство, как это следовало из предварительных условий, выдвинутых Молотовым в ответ на предложение Токио о заключении пакта о ненападении 18 ноября 1940 г.

После императорского совещания, состоявшегося 6 сентября, Зорге 14 сентября информировал Москву, что японское правительство решило не предпринимать нападения на СССР, хотя и оставит свои войска в Маньчжурии на случай его поражения в войне с Германией. Советский разведчик сообщал также, что после 15 сентября советский Дальний Восток можно считать в 1941 г. гарантированным от угрозы нападения со стороны Японии, так как на том же совещании было решено сконцентрировать все силы для войны с США в ЮВА и на Тихом океане⁵⁷.

Сложившаяся ситуация позволила перебросить в первой половине октября из восточных районов СССР три стрелковых и две танковых дивизии для сражения под Москвой⁵⁸.

15 ноября координационный комитет утвердил план войны на Тихом океане, в котором, в частности, было решено добиваться «по желанию двух стран — Германии и Советского Союза — привести эти страны к миру и привлечь Советский Союз на сторону стран оси»⁵⁹.

Несмотря на отказ Берлина и Москвы от мирных переговоров, некоторые влиятельные представители военных кругов, в частности военный аташе Японии в СССР М.Ямаока, в мае 1942 г. поддерживали эту широкую альтернативу с целью концентрации всех сил держав оси на войне против англо-саксонского блока⁶⁰.

Таким образом, на основании изложенного выше можно сделать следующие выводы:

1. В течение рассматриваемого периода Советский Союз в своих отношениях с Японией был заинтересован в сохранении пакта о нейтралитете для того, чтобы в более благоприятных условиях отразить агрессию со стороны Германии и ее европейских сателлитов.

2. Япония, с одной стороны, также была заинтересована в сохранении в силе этого пакта с целью обеспечения безопасности «на севере» при нанесении ею удара на юге и востоке от японской метрополии, но, с другой стороны, придерживаясь стратегии «спелой хурмы», разработала оперативный план нападения на СССР под названием «Кантокуэн» («Особые маневры Квантунской армии»).

⁵⁷ Юхаси С. Сэндзи ниссо косё сёси. 1941—1945. (Краткая история советско-японских переговоров в период войны). М., 1974, с. 23.

⁵⁸ 50 лет Советской армии, М., 1968, с. 291.

⁵⁹ Хаттори Т. Япония в войне. 1941—1945. М., 1973, с. 288.

⁶⁰ Там же, с. 289.

3. После нападения Германии на СССР стратегия «спелой хурмы» заменила стратегию втягивания Советского Союза в состав участников «тройственного пакта» путем заключения «пакта четырех».

4. Несмотря на наличие в Японии экстремистских группировок, ратовавших за немедленное нападение на СССР, японское правительство, придерживаясь упомянутой стратегии, приняло решение не вводить в действие соответствующий оперативный план в случае, если СССР сумеет вопреки германскому вторжению сохранить свой суверенитет.

5. План «Кантокуэн» предполагалось реализовать только в том случае, если Советский Союз под ударами вермахта прекратит свое существование как субъект международного права и, следовательно, советско-японский пакт о нейтралитете 1941 г. утратит свою силу.

О российских пленных в Японии в период русско-японской войны 1904—1905 гг.

К.Е.Черевко

Вопрос об отношении японцев к русским, оказавшимся в Японии в результате русско-японской войны 1904—1905 гг. не только важен сам по себе как тема исторического исследования. Он приобретает актуальность в сопоставлении с положением японских военнопленных в нашей стране после окончания второй мировой войны в связи с проблемой мирного урегулирования с Японией и установления подлинно дружественных российско-японских отношений.

По японским данным, на 5 сентября 1905 г. в Японии находилось 72 408 российских военнопленных, размещенных в 29 пунктах¹.

Общая численность русских военнопленных в Японии, по русским источникам, на февраль 1906 г. составила 62 149 человек, которые распределялись по следующим населенным пунктам (человек)²:

¹ Хияма С. Записки русского унтер-офицера из лагеря военнопленных в Фукутияма. — Япония и Россия (Нихон то Россия). Токио, 1987, с.105-106 (со ссылкой на Архив японской армии).

² Подсчитано автором при сравнении данных Синтаро Накамура в книге «Японцы и русские» (М., 1983, с.276) и приводимой ниже статье В.А.Маринова. Маринов В.А. Русская революционная эмиграция в Японии и русско-японские отношения в начале XX в. (по архивным источникам). — Народы Азии и Африки. 1973, № 1, с.93; Русская старина. 1908, июнь, с.534.

Мацуяма	2329	Химэдзи	2194
Нагоя	1023	Маругами	350
Хиросима	3000	Сидзуока	120
Фукудзияма	906	Дайри (Модзи)	1000
Ниносима	2630	Фукуока	1000
Осака	17597		

Очевидно, такое расхождение объясняется тем, что к февралю 1906 г. часть этих пленных была уже репатриирована на родину.

Вслед за интернированными ранеными моряками с крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец», переданными Красному кресту Японии с военных кораблей Англии и Франции, 16 марта 1905 г. из Порт-Артура в Сасабо, а затем в Мацуяма (о-в Сикоку) были отправлены первые русские пленные — четверо моряков с миноносца «Стерегущий».

В материалах Центрального справочного Бюро России по военнопленным в период русско-японской войны, которое возглавлял известный специалист по международному праву профессор Ф.Ф.Мартенс, отмечалось, что, как правило, «во время приема пленных грубостей со стороны японцев не наблюдалось. Здоровых пленных два раза в неделю навещали доктора, [им] стирали белье и чинили бесплатно, выписывали бесплатно табак, карты, газеты, сапожников и портных и т.п., разрешали гулять около приютов»³, где они размещались.

«В госпиталях, устроенных в живописных местностях, — сообщалось в тех же материалах, — раненым и больным военнопленным предоставляли чистые комнаты, новые постели и мебель, за их пищей просили наблюдать русских же офицеров, сестры милосердия ухаживали за ранеными с поразительным терпением и любовью, и, наконец, к ним всегда были открыты двери для посетителей разных благотворительных обществ, самым деятельным из которых было основанное епископом Николаем Японское православное общество духовного утешения военнопленных»⁴.

Однако это не исключало случаев, когда при оказании сопротивления японцы прибегали к грубости и даже жестокостям, которые затем японские власти старались списать на китайских кули и хунхузов⁵.

³ Бухе А.Е. Военнопленные. Обзор деятельности Центрального справочного Бюро. СПб., 1908, с.99.

⁴ Там же, с.99.

⁵ Там же, с.100.

Вот как описывает пленение в 10 раз превосходящими силами японцев 29 июля 1905 г. в местечке Онор на Южном Сахалине польский солдат, находившийся в составе русской армии: «В виду того, что в казармах невозможно было поместить нас всех, на площадях и на дворах разбили японские палатки. Мужчин к нам не пускали. С одной стороны, для того, чтобы не устроили побега, а с другой, чтобы кто-нибудь из лиц, не принадлежащих к войску, не остался среди пленных, так как охотников попасть к японцам в плен было много. И нет ничего удивительного: это был очень хороший способ удрать с несчастного острова. Зато в определенные часы женщины и дети, доставлявшие нам провизию, получали свободный доступ... Женщины рассказывали, что десять человек пропойцев, которые занимались грабежом, японцы тотчас повесили посреди рынка»⁶.

15 августа 1905 г. 400 русских пленных в сопровождении двух солдат (не считая команды судна), которые «все время спали», отправили в Аомори. «Была полная возможность, — пишет в своих мемуарах военнопленный, — овладеть судном и направиться в Николаевск. Но... все были счастливы, что едут в плен к японцам... Местное население, невзирая на непогоду, встретило нас. Построив нас в ряды и пересчитав, отправили одних в бараки, а других в школу. В числе последних оказался и я. Трудно передать то удовольствие, которое испытывал я, очутившись — после таких трудов и лишений — в светлой и чистой, как зеркало, зале. Нам давали белый хлеб, мясной суп, чай с сахаром. Внизу, в сенях появились японские торговцы с разнообразными товарами. Наши сторожа наблюдали за торговцами, не позволяя им надуть нас. Одного торгоша, который брал больше чем следовало, офицер приказал выбросить»⁷.

Далее описывается переезд этой группы пленных в конечный пункт их направления, в местечко Наросино близ Токио и пребывание там: «На больших станциях нас выводили из вагонов в обширные, специально построенные бараки. Там были установлены столы, заставленные кушаньями, состоявшими из риса, овощей, свиного мяса и хлеба. Японские барыни, богато одетые в свои национальные костюмы, грациозно обходили столы, наливая для нас из чайников чай... Станции до поздней ночи осаждали толпы народа, преимущественно старики, женщины и дети. При отходе поезда раздавались крики: «Бандзай, бандзай, русские!». В некоторых пунктах остановки японки раздавали нам подарки — плоды, папиросы и даже веера...

Наросино — деревушка в 4 км от линии железной дороги. Так как не нашлось места для размещения стольких пленных, то вырубili леса и в течение месяца построили деревянные, крытые листовым железом бара-

⁶ В неволе у японцев. — Русская старина. 1908, июнь, с.532-533.

⁷ Там же.

ки... Каждый из нас имел деньжонки, японцы платили жалование согласно военному положению... Время мы проводили приятно. Отношения японцев к нам были превосходные»⁸.

Подобным же образом описывает в своих мемуарах пребывание в плену и отношение к пленным в г. Мацуяма прапорщик Ф.П.Купчинский: «Иногда партии пленных офицеров ездят по железной дороге в Мидзу и Такагаму; там летом чудное морское купание, великолепные виды гор, моря...

Население как в самом городе, так и в окрестностях удивительно корректно, вежливо относится к пленным врагам своей родины. Было много случаев, когда народ даже выражал свои симпатии; быть может, оно [такое отношение] было на почве сострадания, но во всяком случае это замечательно.

Несколько раз устраивали представители города в ресторанах угощения пленникам; однажды компания местной железной дороги бесплатно предоставила русским поезд для поездки куда-то на прогулку; много раз жители Мацуямы жертвовали пленникам папиросы, мандарины... Уже в конце февраля 1905 г. стали прибывать в Мацуяму некоторые дамы: главным образом жены моряков...

По многим данным, можно утверждать, что пленные солдаты в Удзине живут несравненно лучше и на берегу моря (в просторных бараках). Пища у них была отличная (выдается по 3 фунта хлеба в день и полтора фунта мяса), свободы больше, отношение как-то совсем другое и солдаты меньше скучают»⁹.

Находившиеся в плену у японцев русские генералы и адмиралы получали по 1500 руб. в год, штабные офицеры — по 900 руб., а старшие офицеры — по 600 руб.¹⁰.

Оплата нижних чинов за работу, которую предоставляли им по их просьбе, за восьмичасовой рабочий день составляла 25 сэн (например, на строительстве порта в Такахама), из которых 15 сэн отчислялось в бюджет Японии, в том числе на содержание пленных. Так, заработная плата за один рабочий день на японской текстильной фабрике у мужчин составляла от 12 до 70 сэн, а у женщин — от 5 до 32 сэн¹¹.

В лагерях (приютах) русские пленные вели сравнительно свободный образ жизни «они играли в карты, шахматы, салки, пели, плясали и отдыхали днем в любое время», им «разрешали посещать детские сады, спортивные соревнования в школах, состязания по гребле и плаванию, по-

⁸ Там же, с. 535-536.

⁹ Купчинский Ф.П. В плену у японцев. СПб., 1906, с.123-124, 126, 130.

¹⁰ Бухе Е.А. Военнопленные, с.97.

¹¹ Накамура С. Японцы и русские, с.278.

сещать театры, исторические места», они «часто отправлялись на серные источники... в сопровождении офицера и переводчика», а «после купания они приятно проводили время за пивом и японской едой»¹².

Эта оценка в значительной мере подтверждается капитаном первого ранга Георгием Селецким, находившимся в плену у японцев в г. Мацуяма. В своих мемуарах он писал: «Каждому обер-офицеру полагается помещение в одно цубо (3,3 кв.м), а штаб-офицеру в два цубо... От восхода до захода солнца нам разрешается гулять по левой половине садика, находящегося перед домом. Садик этот был величиной в 60 кв. сажень...

К нашему прискорбию, оказалось, что между тремя пленными матросами никто не имеет понятия о кулинарном искусстве, да и сами мы были в этом деле далеко не мастера... После нескольких слов, сказанных японскому капитану, он сообщил нам, что в Мацуяме, есть прекрасный повар, который долго служил у губернатора и полностью знаком с европейской кухней, но не знает, согласимся ли мы платить ему то жалование, которое он просит. Жалование это оказалось 12 иен в месяц, на которое мы, конечно, тотчас же согласились и через час уже заказывали ему обед на следующий день. Обед должен был состоять из супа, отварной рыбы и котлет»¹³.

Положение нижних чинов было не столь благоприятно, особенно тех, кто размещался в храмах. Так же, как и японцы, зимой они обогревались в таких помещениях жаровнями (хибати), но для русских это было неприемлемо. Лучше было положение тех пленников, кто был размещен в казармах, так как последние отапливались печами, получая достаточное количество дров и угля (кокса). Больным и раненым выдавались ватные kimono, здоровые обходились своими шинелями. Кормили их так же, как ели японцы, «но русским это было маловато». В храмах им выдавали по одному матрацу (футон) и по два-четыре одеяла, в казармах — по одному тюфяку и по два одеяла¹⁴.

Важным документом, свидетельствующим о положении российских военнопленных в Японии в годы русско-японской войны, является найденные в 1984 г. в г. Мита (префектура Хёго) записки неизвестного русского унтер-офицера из лагеря в г. Фукутияма (префектура Киото). По численности военнопленных лагерь в этом городе занимал четвертое место после городов Мацуяма, Маругама и Химэдзи.

С самого начала, как пишет автор этих записок, японцы относились к пленным из России доброжелательно, они предполагали, что русские имеют такой же уровень образования, как и другие европейские нации. Но

¹² Там же, с. 277.

¹³ Селецкий Г. 646 дней в плену у японцев. СПб., 1910, с. 89, 92-93.

¹⁴ Бухе Е. А. Военнопленные, с. 98.

затем наступило разочарование, поскольку большинство из них было безграмотными¹⁵.

Автор записок был поражен терпимостью японцев по отношению к военнопленным, отсутствием какой-либо враждебности, несмотря на антирусскую пропаганду в стране в связи с русско-японской войной. Он приходит к выводу, что будь на месте японского правительства русское, оно бы в отношении военнопленных, ведущих политическую пропаганду, приняло решительные меры¹⁶.

Имеются в виду их выступления против самодержавия в России, на которые сначала японские власти смотрели сквозь пальцы, полагая, что русские революционеры, начиная с бывшего президента Гавайских островов Н.К. Судзиловского-Русселя, намерены заниматься только просветительской деятельностью среди пленных. Однако Судзиловский, будучи еще в Японии, подготовил план нападения репатрируемых российских пленных на Дальний Восток и Сибирь, неосуществившийся вследствие срыва его провокатором Е.Азефом, возглавлявшим ЦК партии эсеров, и установил связи с японскими революционерами, что вызвало противодействие японских властей.

Однако Судзиловский за политическую пропаганду не был даже выслан из Японии, а разочаровавшись в русской революции несколько лет спустя сам ушел на Филиппины¹⁷.

Издававшийся с разрешения японского правительства еженедельник русской православной миссии в Японии быстро превратился не только в орган просвещения пленных, но и революционной агитации.

Но другой литературы пленным не хватало. И проблема состояла не в жестком обращении с ними японцев, а в возможности рационального использования свободного времени для просвещения, так как из-за отсутствия в Японии достаточного числа центров со знанием русского языка поступление литературы из России осуществлялось медленно. По этой причине многие пленные из-за неграмотности, писал лейтенант А.Толстопяттов, «были лишены духовной пищи и, как тени, слонялись из угла в угол»¹⁸. Пленники, вторит ему архиепископ Николай, «изнывают от скуки и от неимения, чем занять душу и наполнить время»¹⁹.

¹⁵ В этом лагере почти 800 пленных из 1100 не умели читать. — См.: *Иосько М.И.* Николай Судзиловский-Руссель. Минск, 1976, с.193.

¹⁶ *Хияма С.* Записки русского унтер-офицера..., с.114.

¹⁷ *Иосько М.И.* Николай Судзиловский-Руссель, с.273. Подробнее о работе среди российских военнопленных см.: *Вада Хируки.* Никорай Рассэру (Народник Н.К. Руссель). Токио, т.1, 1973, с.319-341.

¹⁸ *Толстопяттов А.* В плену у японцев. СПб, 1908, с.22.

¹⁹ Церковный вестник. Прибавления. СПб., 1905, № 20, с.836.

В целом в отношении российских пленных в период русско-японской войны 1904—1905 гг. японские власти соблюдали Гаагскую конвенцию 1899 г. о гуманном отношении к военнопленным, и это было первым в истории и признанным в разных странах случаем применения международного соглашения на практике²⁰.

²⁰ Накамура С. Японцы и русские, с. 22.

Востоковеды, которых мы потеряли

Н.Ф.Лещенко

Время — лучший ценитель научных работ.
Л.Пастер

Как и во многих других областях человеческой деятельности, справедливая оценка заслуг перед наукой того или иного ученого приходит далеко не сразу. Иногда случается и так, что длительное время его имя бывает известно лишь малому кругу специалистов. Но так уж устроена человеческая жизнь, чем дальше уходит время, тем явственнее выступает масштаб личности и забытое на долгие годы научное наследие как бы обретает свое второе рождение.

К таким личностям относится Дмитрий Матвеевич Позднеев¹, жизненный путь которого оборвался в 1937 г., трагически отразившись на судьбе его большой талантливой семьи, на долю которой выпало много горестей и потерь.

Д.М.Позднеев родился 8 февраля (26 января) 1865 г. в большой многодетной семье протоиерея Сретенской церкви Матвея Автономовича Позднеева, в г. Орле. Поэтому не удивительно, что он получил духовное образование — сначала окончил курс в Орловской духовной семинарии, а затем в числе первых учеников на казенный счет был направлен в Киевскую духовную семинарию, которую окончил в 1889 г. по историческому отделению. Темой его кандидатского сочинения была «История христианства в Средней Азии с I по XV век».

¹ Автор приносит благодарность внучке Д.М.Позднеева — Ю.М.Плотниковой за предоставленные материалы из семейного архива.

По всей видимости, духовная карьера не привлекала Д.М.Позднеева. В 1889 г. с разрешения министра народного просвещения он поступает на факультет восточных языков императорского Санкт-Петербургского университета по китайско-монголо-маньчжурскому разряду. С большой долей вероятности можно предположить, что этот шаг был сделан под влиянием старшего брата, Алексея Матвеевича Позднеева, профессора Санкт-Петербургского университета, специалиста по Монголии. В свое время он тоже учился в Орловской духовной семинарии, а затем окончил факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета.

Учился Д.М.Позднеев блестяще, о чем свидетельствуют представленные на конкурсы сочинения, за которые он был награжден золотыми медалями. На втором курсе на кафедре истории Востока им была написана работа «История Восточного Туркестана в XVIII в.», на третьем курсе на кафедре китайской словесности — «Историко-географический очерк Юго-Восточной Монголии по Мэнь-гу-ю-муци», на четвертом курсе на кафедре истории Востока — «Исторический очерк уйгуров» (по китайским источникам). После окончания университета в 1893 г. Д.М.Позднеев получил диплом первой степени и был оставлен на кафедре истории Востока. Его командировали за границу в Лондон, Париж и Берлин, чтобы он мог познакомиться с постановкой востоковедного образования в Европе, поработать в библиотеках «для приготовления к профессорскому званию». Из научной поездки он вернулся в 1894 г.

Сдав экзамен на степень магистра истории Востока, Д.М.Позднеев в апреле 1896 г. выступил на заседании факультета восточных языков с двумя лекциями, что было необходимо для получения звания приват-доцента. 8 апреля он прочитал лекцию «Тайпинское восстание в Китае», а 15 апреля — «Царствование императора Цин-ши-Хуан-ди». Обе лекции получили хорошую оценку, и с разрешения Попечителя Петербургского учебного округа 15 октября Д.М.Позднеев был допущен к чтению лекций в университете в звании приват-доцента. Ему был поручен курс по новой истории Китая. В начальный период своей деятельности он занимался главным образом историей и экономикой Китая, написал ряд работ по древней истории Китая, истории уйгуров, экономический очерк о Монголии, а также пособие по экономической географии стран Дальнего Востока.

Однако Россия нуждалась не только в ученых, но и в квалифицированных специалистах. В то время востоковедные кадры использовались и для практической работы, например, в качестве дипломатов, переводчиков. Поэтому и Д.М.Позднеев стал чиновником министерства финансов, куда его зачислили 30 марта 1895 г.

В мае 1898 г. Д.М.Позднеев прекращает чтение лекций в университете и направляется в Пекинское отделение русско-китайского банка в качестве

чиновника особых поручений министерства финансов VI класса. Он пробыл в Пекине до мая 1904 г., где его глубокие научные знания найдут широкое применение.

Позднеев собирал и готовил материалы для переговоров с китайским правительством относительно тарифов и заключения двустороннего договора. С целью изучения русских торговых интересов и состояния русско-китайской торговли посетил ряд районов и городов Китая, в марте 1903 г. с разрешения министра финансов подписал с китайским уполномоченным соглашение о дополнительном тарифе для русского морского ввоза в Китай. За его плодотворную деятельность китайский император пожаловал ему орден Двойного Дракона третьей степени.

Будучи в Пекине, Д.М.Позднеев оказался свидетелем восстания ихэтуаней, описав живо и ярко это событие в книге «56 дней пекинского сидения, в связи с ближайшими к нему событиями пекинской жизни (Рассказ очевидца)». В это тревожное время (июнь-июль 1900 г.) он находился с женой в английской миссии. В декабре 1900 г. по докладу управляющего министерством иностранных дел Д.М.Позднееву за деятельное участие в военной обороне императорской миссии в Пекине от нападения мятежников был пожалован орден св. Владимира четвертой степени с мечами.

В 1904 г. происходит перелом в его карьере. 5 июня 1904 г. именным высочайшим указом он назначен Директором Восточного института во Владивостоке.

Открытие Восточного института состоялось в 1899 г. Там велась подготовка дипломатических чиновников, военных и изучались с практическими целями дальневосточные языки — китайский, маньчжурский, монгольский, японский, корейский. Кроме того, преподавалась география, экономика и история стран Дальнего Востока. Библиотека института по своим фондам уступала лишь библиотеке Азиатского музея и превосходила библиотеку факультета восточных языков Петербургского университета. Издавались «Известия Восточного института», где печатались как учебные пособия, так и научные работы по языку, истории, географии.

Преподаватели Восточного института разрабатывали многочисленные учебные пособия и материалы, снабженные словарями, комментариями и переводами. Испытав на себе трудности освоения японоведческой науки, они лучше других понимали, что и как должно быть организовано в русском японоведении. В создании учебных пособий по японскому языку большую роль сыграла обеспеченность иероглифическими шрифтами, благодаря чему можно было печатать японские тексты, что давало возможность знакомить студентов с разными стилями и жанрами японского языка и его письменности.

До Д.М.Позднеева директором этого института был его брат, А.М.Позднеев, который в 1903 г. вернулся в Петербург, поскольку был назначен членом Совета при министерстве народного просвещения.

Д.М.Позднеев многое успел сделать в короткий период своего директорства (1904—1905 гг.). Еще во время японо-китайской войны 1894—1895 гг. он проявлял интерес к Японии.

Однако изучение Японии и японского языка в России в те годы было организовано неудовлетворительно и бессистемно и последствия этого проявились в период русско-японской войны, когда катастрофически не хватало переводчиков. Но знание страны, ее истории, обычаев, культуры и современного состояния в период военных конфликтов имеет большое значение. Однако для студентов китайско-монголо-маньчжурского разряда Санкт-Петербургского университета изучение японского языка было необязательным, не разрабатывались программы, не велось преподавание японоведческих дисциплин². В силу этих обстоятельств Д.М.Позднеев не получил полных знаний по японскому языку.

После русско-японской войны интерес Д.М.Позднеева к Японии усилился. Он видел необходимость существенно улучшить воспитание японоведческих кадров в России, считал необходимым сочетание теоретического образования с практическими знаниями. По его мнению, из института следовало выпускать специалистов, готовых к практической работе и обладающих знаниями не только языка, но и истории и экономики страны.

В конце 1905 г. Д.М.Позднеев уезжает в отпуск в Японию, где заболел. Болезнь помешала ему вовремя вернуться к месту службы. Видимо, поэтому он подал прошение об отставке с поста директора института. Д.М.Позднеев прожил в Японии четыре года, посвятив все свое время изучению японского языка и страны. Он окончил основанную американскими миссионерами Школу японского языка для иностранцев (Japanese Language School for Foreigners), во главе которой стоял Исао Мацуда.

Д.М.Позднеев целиком переключается на изучение Японии — ее истории, экономики, лингвистики, географии. Можно сказать, что из востоковеда широкого профиля он становится японоведом, одним из основателей русского японоведения.

Годы, проведенные в Японии, оказались очень плодотворными. Написанные и изданные там работы занимают особое место в научном насле-

² Чтобы исправить такое положение, факультет много раз обращался в различные инстанции с обоснованными предложениями о необходимости создания кафедры японской словесности, но ее учреждение долго откладывалось под предлогом отсутствия средств. Лишь по решению Государственного совета были отпущены средства на преподавание восточных языков и указом министра народного просвещения от 25 февраля 1898 г. на факультете восточных языков Петербургского университета (сам факультет был открыт в 1855 г.) была учреждена кафедра японской словесности.

дии ученого. Прежде всего следует упомянуть «Японо-русский иероглифический словарь», изданный в Токио в 1908 г. Как писал в предисловии Д.М.Позднеев, «суть изучения японской письменности заключается в знании иероглифов, и только овладевший ими может считать себя японологом. Облегчить учащимся тернистый путь, ведущий к этой цели, было искренним желанием автора настоящего труда». Словарь давно стал библиографической редкостью и очень ценится японоведами, специализирующимися в области древней и средневековой истории Японии. Но и для литературоведов, этнографов, искусствоведов, экономистов он является большим помощником при чтении старых текстов. Там можно отыскать имена императоров с указанием дат их жизни, государственных деятелей, знатных даймё, поэтов, художников, ученых, давно исчезнувшие понятия, названия местностей и т.д.

Особая ценность словаря заключается в его приложениях: 1) области и провинции Японии с обозначением соответствующих префектур; 2) станции железных дорог Японии, Кореи; 3) кварталы и улицы Токио; 4) главные японские журналы, издававшиеся в Токио в 1907 г.; 5) японское летоисчисление, месяцы, дни, часы, праздники и пр.; 6) сравнительная таблица мер и весов японских, русских и английских.

Это был первый большой японо-русский иероглифический словарь, составленный русским ученым, необходимость которого тогда остро ощущалась в востоковедных кругах. Автор снабдил словарь семью таблицами, с помощью которых можно было найти нужный иероглиф, что значительно облегчало пользование словарем.

За время пребывания в Японии Д.М.Позднеев подготовил немало учебных пособий, столь необходимых для обучения студентов, написал работы по географии, истории, экономике Японии, используя японские источники, вводя в научный оборот огромное количество неизвестного в России фактического материала.

По нашему мнению, научное наследие Д.М.Позднеева остается до сих пор не востребованным полностью. Прежде всего это касается его работы «Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материке Азии и России», которая имеет непосредственное отношение к территориальным спорам между Россией и Японией³. К счастью, эта работа сохранилась в российских библиотеках и ее не постигла судьба ее автора.

Можно с уверенностью сказать, что Д.М.Позднеев осознавал всю сложность поставленной перед собой задачи, но исходил из того, «что... для России и русских узнать нашу недавнюю победительницу (имеется в виду

³ Позднеев Д.М. Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к матерiku Азии и России. Т.1-2. Июкогама, 1909.

поражение России в русско-японской войне 1904—1905 гг. — Н.Л.), а ныне загадочную соседку необходимо, безусловно необходимо, а потому, если я в состоянии, хотя бы в самой ничтожной доле, помочь этому делу, я буду его продолжать». Эту же мысль он высказал еще в 1896 г. в работе «Настоящее и будущее Японии по взглядам европейской литературы», где справедливо упрекал российское общество за «безосновательное, насмешливо-скептическое игнорирование целой страны». Чтобы определить перспективы развития русско-японских торговых отношений, он сделал обзор внешней торговли Японии по японским и французским таможенным отчетам, что дало ему возможность высказать свои прогнозы относительно того, как и чем Россия могла бы торговать с Японией. А для этого, считал автор, необходимо изучать экономическое положение, торговлю и промышленность, условия жизни и быта «нашей восточной соседки». Будущее подтвердило, насколько прав был автор, — недооценка Японии дорого обошлась России в период войны 1904—1905 гг.

Д.М.Позднеев был уверен: для того чтобы развивать наши отношения с Японией, русские должны знать Японию и историю наших отношений с ней. Для лучшего взаимопонимания, «каждой из сторон надлежит в точности знать как факты и обстоятельства дела, так и оценку их другой страной. Чтобы ясно понять образ действий или мысли собеседника или противника, нужно всегда уметь поставить себя на его место и определить, как поступили бы мы сами в его положении».

Как бы предвидя заранее, что его могут обвинить в одностороннем подходе, поскольку работа базировалась в основном на японских данных, Д.М.Позднеев указал в предисловии, что писал свою книгу в Японии и потому русских источников у него было меньше, чем японских. К тому же, ученый использовал даже не все японские источники, которые «не затрагивались никогда европейскими учеными», к тому же это «было непосильной задачей для одного человека». Но он очень надеялся, что «его попытка коснуться японских исторических материалов послужит хотя бы немного на пользу его более счастливым преемникам».

По твердому убеждению ученого, важно было знать, как смотрели японцы в разные времена на свои отношения с Россией. Вот почему Д.М.Позднеев использовал работы японских авторов, написанные для японцев. Во втором томе есть специальная глава — «Деятели по изучению и обороне Северной Японии после первых сношений России с Японией», где даны их биографии, переводы их работ и много другого полезного и сегодня материала. Но, как часто бывает, более широкую известность в России получили работы американских ученых — Дж.Ленсена и Д.Кина, хотя первооткрывателем многих имен, фактов и событий был именно Д.М.Позднеев.

Д.М.Позднеев четко указал, что на позицию Японии, которая, как он выражался, «постоянно грозила нападением России», влияли европейцы, «не особенно симпатизирующие поступательному движению России в Азии. Можно быть уверенными, что дальнейшее изучение японских исторических работ и особенно японских официальных архивов откроет нам новые данные, освещающие деятельность европейцев в данном *антирусском направлении* (курсив наш. — Н.Л.). Немалый свет может пролить на этот вопрос и изучение тех сочинений о России, которые переводились для Японии с голландского языка японскими «рангакуся», т.е. голландологами, в большинстве случаев под руководством проживающих в Дэсима голландцев». Подтверждение этого факта можно найти в книге американского автора Р.Хильдреса, который отмечал, что неудача посольства Н.П.Резанова заключалась в противодействии голландцев⁴. Многие авторы, в той или иной степени касавшиеся истории русско-японских отношений, подтверждают этот факт.

Кроме того, Д.М.Позднеев отмечал, что свою негативную роль сыграли и другие причины: незнание языка, обычаев, реалий. Это приводило к тому, что русские неправильно толковали поведение японцев. Разного рода осложнения, объективного и субъективного характера, словно злой рок, сопровождают всю историю русско-японских отношений.

Работу Д.М.Позднеева следует читать очень внимательно и вдумчиво, и тогда пытливый ум найдет много материала, который и сейчас поможет устранить ошибки и подтасовки на долгом извилистом пути русско-японских отношений. Работа, написанная и изданная в начале XX в., не утратила своего научного и практического значения. Стоит поставить в заслугу автора тот факт, что он прозорливо предугадал будущую роль трех стран Дальневосточного региона. Вот его слова: «Определить, что в жизни Дальнего Востока важнее: движение ли сюда России, пробуждение ли Китая или возникновение новой великой державы — Японии, — представляется положительно недоступным для обыкновенного человеческого ума. Но во всяком случае можно с уверенностью сказать, что этими тремя факторами главным образом определяется ныне и будет еще надолго определяться жизнь прилегающих к западному побережью Тихого океана стран. Однако, каковы бы ни были грядущие формы политических отношений держав на Дальнем Востоке, остается незыблемо верным одно положение — необходимость изучений ими (Россией и Японией. — Н.Л.) друг друга. Для полного же знания всякого вопроса, касающегося любого государства, необходимо изучение его географии и истории». И Д.М.Позднеев успеет написать еще несколько работ на эту тему.

⁴ Hildreth R. Japan as it was and is. Boston, 1885.

В 1910 г. Д.М.Позднеев вернулся из Японии и стал преподавать японский язык в Практической восточной академии в Петрограде.

После революции 1917 г. он продолжил свою педагогическую деятельность в Институте народного хозяйства им. Плеханова в Ленинграде, а с 1923 г. стал также преподавать историю и экономику стран Востока в Военной академии им. Фрунзе в Москве, куда ездил каждую неделю, несмотря на транспортные трудности, — так как попасть на поезд и занять там место в те годы было достаточно сложно. И здесь на помощь приходили члены семьи. Невзирая на немалодой уже возраст, Д.М.Позднеев не пропускал лекции в Военной академии. И продолжал много писать. В 1925 г. была опубликована его большая работа «Япония. Страна, население, история, политика», в которой автор проявил себя как глубокий знаток «земли обильных полей риса». Появление книги было вызвано практической необходимостью — следовало знать могущественного соседа.

Две дочери Д.М.Позднеева пошли по стопам отца. Любовь Дмитриевна стала китаеведом, специалистом по китайской литературе, совмещая преподавательскую работу с переводческой. Вера Дмитриевна окончила Петроградский университет, получив японоведческое образование. Она слушала лекции Н.И.Конрада, который учился у ее отца. Н.И.Конрад заметил талантливую студентку. Вот, что он написал о ней в одном из своих писем в 1960 г.: «Очень немногие ее помнят. А помнить ее надо. Она была такой хороший человек! А японисткой она была прямо «золотой»... Да, мы лишились очень хорошего члена нашего японистического содружества, а наука — дбросовестнейшего научного работника, замечательно хорошо работавшего. Я не забываю ее. И ее отца, судьба которого была трагической»⁵.

После окончания университета Вера уехала в Японию на стажировку. Вернувшись домой, она начала работать над диссертацией, вышла замуж⁶. Но арест отца и мужа перечеркнули всю ее жизнь. Увольнение с работы, нищета и голод, страх за судьбу детей привели к тяжелой болезни. Она умерла 10 ноября 1943 г. 37-ми лет отроду.

Жизнь Д.М.Позднеева оборвалась трагически — профессора, который в 1897 г. представлял российскую востоковедную науку на XI конгрессе ориенталистов в Париже, расстреляли 20 октября 1937 г. И на долгие годы имя Д.М.Позднеева было предано забвению. Настала пора вернуть его научное наследие в российскую востоковедную науку.

⁵ Конрад Н.И. Неопубликованные работы. Письма. М., 1996, с.328. Подробно о семье Д.М.Позднеева см.: Кабанова Н. Судьба одной семьи. — Азия и Африка сегодня. 1990, № 2, с. 50-54.

⁶ Фамилия Веры Дмитриевны по мужу — Плотникова.

СОДЕРЖАНИЕ

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

- Сенаторов А.И.** От политической перестройки к структурным реформам 5
- Молодякова Э.В.** Схватка по новым правилам: парламентские выборы в Японии 22
- Носов М.Г.** Силы самообороны Японии: их настоящее и будущее 41
- Павлятенко В.Н.** Япония в АТР: некоторые аспекты современной политики 61
- Семин А.В.** Японо-китайские отношения четверть века спустя 82

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

- Кравцевич А.И.** Японский опыт: уроки для России 97
- Лебедева И.П.** Особенности деловых отношений в Японии 110
- Цветова И.А.** Феномен японской потребительской кооперации 126

НАУКА И ТЕХНИКА

- Денисов Ю.Д.** Участие государства в формировании общенациональной инновационной политики 134

ОБЩЕСТВО И КУЛЬТУРА

- Маркарьян С.Б.** Эволюция взаимовосприятия в отношениях Японии и Запада 150
- Отиан Нобухико** Истинное лицо японского политического мира 168

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Черезко К.Е. Советско-японские отношения в начальный период Великой отечественной войны (22 июня — 8 декабря 1941 г.) **182**

Черезко К.Е. О российских пленных в Японии в период русско-японской войны 1904—1905 гг. **203**

Лещенко Н.Ф. Востоковеды, которых мы потеряли **210**

Научное издание

Япония 1996 —1997

Ежегодник

Редактор Н. П. Дмитриевская

**Институт востоковедения РАН
Ассоциация японоведов
Москва, ул. Рождественка, д. 12**

ЛР № 040753 от 10.04.1996 г.

Сдано в набор 20.02.97. Подписано к печати 29.04.97. Формат 70×90¹/₁₆.

Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,0.

Тираж 500. Заказ № 31

Отпечатано в типографии МРТИ